ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2078-7898

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Серия ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2014

Выпуск 2 (18)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Professional Education «Perm State University»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-39902 от 19 мая 2010 г.

Перерегистрирован в связи со сменой наименования учредителя, Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-53180 от 14 марта 2013 г.)

Территория распространения — Российская Федерация

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология» в Объединенном каталоге «Пресса России» на 2014 год — 41011

© ФГБОУ ВПО «ПГНИУ», 2014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (профессор, докт. филос. наук)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук)

ФИЛОСОФИЯ

Олег Александрович Барг (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Владимир Вячеславович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Виктор Дмитриевич Балин (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Асия Гарафовна Исмагилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *Александр Октябринович Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия)

СОЦИОЛОГИЯ

Анатолий Григорьевич Антипьев (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *Зинаида Петровна Замараева* (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Галина Ивановна Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Растко Мочник* (профессор отделения социологии Люблянского университета, Словения)

Международный редакционный совет

Джорджио Де Маркис (профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен МакДауэлл* (профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Рьюз* (профессор философского факультета, Университет штата Флорида, США), *Александр Строканов* (профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, Вермонт, США), *Дмитрий Широканов* (профессор, докт, филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия), *Жига Кнап* (профессор, докт. философии, Люблянский университет, Словения), *Исаак Эберштейн (*профессор социологии, заведующий кафедрой социологии, университет штата Флорида, США)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru, fsf-vestnik@yandex.ru.
Web-site: http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Alexander Yu. Vnutskikh (Professor, Doctor of Philosophy)
Deputy Editor-in-Chief
Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Candidate of Psychology)

PHILOSOPHY
Oleg A. Barg (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir V. Kim* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg), *Mikhail I. Nenashev* (Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Vladimir V. Orlov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Orlov* (Professor, Doctor of Philosophy, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY
Viktor D. Balin (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Asiya G. Ismagilova* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Professor, Doctor of Psychology, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), Elena E. Sapogova (Professor, Doctor of Psychology, Tula), György Sarvari (Doctor of Philosophy, Director of Neosys Organisational Developmental Consulting, Hungary)

SOCIOLOGY
Anatoly G. Antipyev (Professor, Doctor of Sociology,Perm), Zinaida P. Zamaraeva (Professor, Doctor of Sociology, Perm), Evgeniya A. Kogai (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), Galina I. Osadchaya (Professor, Doctor of Sociology, Moscow), Tatyana N. Yudina (Professor, Doctor of Sociology, Moscow), Rastko Močnik (Professor of the Department of Sociology, University of Ljubljana, Slovenia)

International Editorial Council
Giorgio De Marchis (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Spain),
Stefan McDowell (John H. Phipps Professor of Communication, Florida State University, USA),
Michael Ruse (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, USA),
Alexandre Strokanov (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Lyndon State College, Vermont, USA),
Dmitri Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),
Žiga Knap (Professor, Doctor of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia),
Isaac Eberstein (Charles Meade Grigg Professor of Sociology, Florida State University, USA).

Address of Editorial Board
Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Russia, 614990
Tel. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Субъект, предположительно верящий, и нация как нулевой институт ***Мочник Р.***	5	Subject supposed to believe and nation as a zero institution ***Rastko J. Mochnik***
О соотношении свободы и необходимости ***Чернова Т.Г.***	20	On the relation between freedom and necessity ***Tatyana G. Chernova***
Социальные механизмы регулирования предпринимательской деятельности ***Сафонов К.Б.***	25	Social mechanisms of business regulation ***Kirill B. Safonov***
Регулятивное развитие социальной материи ***Чумаков В.А.***	31	Regulatory development social matter ***Valeriy A. Chumakov***
Основные элементы онтологического соотношения бытия и небытия в опыте античной философии и некоторых современных концепций ***Красильников В.А.***	39	Being and non-being ontological relationship key elements in ancient philosophy and some modern concepts ***Vladimir A. Krasilnikov***
«Патология» русского бытия, или русская глупость. Маленькое эссе о глупости (2) ***Комаров С.В.***	49	Casus of a fool. Small essay on stupidity (2) ***Sergey V. Komarov***
Генеалогия маргинальной субъективности, в проекте истории сексуальности М. Фуко ***Рязанов И.В.***	60	The genealogy marginal subjectivity, the history of sexuality M. Foucault ***Ivan V. Ryazanov***
Рефлексия бытия человека в XX веке: «антропологический кризис» ***Комадорова И.В., Кузнецова Е.В.***	66	Reflection of human existence in the 20th century: «the anthropological crisis» ***Irina V. Komadorova, Evgenia V. Kusnetsova***
Игра как основание классического и неклассического эстетического опыта ***Нагой Ф.Н.***	73	Game as a foundation of the classical and non-classical aesthetic experience ***Fatima N. Nagoy***
О непосредственности ***Курбатова Л.В.***	80	About the «ingenuousness» ***Ludmila V. Kurbatova***
Специфика механизма адаптации человека и его нарушение как причина социально-биологического кризиса ***Желнин А.И.***	87	The specificity of human adaptation mechanism and its break as the cause of sociobiological crisis ***Anton I. Zhelnin***

Семиология Р. Барта: письмо, идеология, мифология
Кокарева Е.А.
94
R. Bart semiology: script, ideology, mythology
Elena A. Kokareva

ПСИХОЛОГИЯ

Декларируемая агрессивность законопослушных граждан и осужденных к различным срокам лишения свободы, диагностируемая опросником Басса–Дарки
Узлов Н.Д.
100
Declared aggressivity of law-abiding citizens and convicts with various prison terms, diagnosed by Buss–Durkee hostility inventory
Nikolay D. Uzlov

Взаимосвязь между составляющими мотивационного компонента психологической готовности к управлению педагогическими работниками и характеристиками руководителей образовательных организаций
Вознюк А.В.
111
Relationship between constitute the motivational component of psychological readiness for pedagogical workers management and performance of the heads of educational institutions
Alla V. Voznyuk

Творческий опыт как интегральная составляющая творческого потенциала личности в период поздней взрослости
Мищиха Л.П.
118
Creative experience as an integral component of the creative potential of personality during late adulthood
Larisa P. Mischykha

СОЦИОЛОГИЯ

Социокультурный фактор в модернизации российской экономики и общества
Антипьев А.Г ***Антипьев К.А.***
126
Socio-cultural factor in modernization of russian economy and society
Anatoliy G. Antipiev ***Konstantin A. Antipiev***

Взаимодействие с заинтересованными сторонами в социальных сетях, как форма социально ответственного поведения компаний
Петухов К.А.
133
Stakeholder engagement in social networks as a form of corporate social responsibility
Konstantin A. Petoukhov

Информация для авторов
142
Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 170.23.32 + 316.75

СУБЪЕКТ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ВЕРЯЩИЙ, И НАЦИЯ КАК НУЛЕВОЙ ИНСТИТУТ*

Окончание. Начало в предыдущем выпуске

Мочник Растко

профессор кафедры социологии
философский факультет Люблянского университета
Словения, 1000, Любляна, ул. Ашкерчева, 2
e-mail: josip.mocnik@guest.arnes.si

В данном тексте мы пытаемся систематизировать результаты различных теоретических изысканий, которые, становясь частью стремительно меняющейся исторической ситуации последних десятилетий благодаря переплетающимся логикам теоретической работы и исторической практики, оформились вокруг концепции идеологической интерпелляции Луи Альтюссера[1]. Какими бы ни были теоретические результаты наших усилий, они предпринимались в рамках довольно гетерогенного набора практик в попытке помыслить, т.е. «организовать» в интеллектуальном и практическом плане наши исторические обязательства и устремления последних десятилетий на таких теоретических основаниях, где значительное место занимает мощный теоретический аппарат, оставленный нам в наследство альтюссеровским переосмыслением исторического материализма. Во время блестящих маршей восьмидесятых, когда с каждым новым шагом исторический процесс, казалось, обретал форму блистательной фразы, мы, возможно, были убаюканы самодовольством, потеряли возможность видеть и теперь оказались низвергнуты на землю, задаваясь вопросом, почему восемнадцатое Брюмера с неизбежностью следует за разнообразными «веснами» и «оттепелями»[2].

Ключевые слова: неомарксизм; идеология; идеологическая интерпелляция; субъект; нация; принуждение; социальные институты.

Нация как нулевой институт

В статье 1956 г. [23] Леви-Строс развил тезис о том, что дуальные социальные организации каким-то «спонтанным» образом становятся организациями тернарными. Не останавливаясь подробно на возможной релевантности этого для основной идеи текста, он также предположил, что в каждом обществе существует, по всей видимости, нефункциональный *нулевой институт*, единственной функцией которого является обеспечение возможности существования общества. С помощью подходящего определения «дуального общества» мы можем показать, что введение третьего элемента является структурно необходимым и что этой дополнительной структурной инстанцией является нулевой институт.

Леви-Строс [21, 22] предлагает пример дуально организованной деревни виннебаго и обращает внимание на то, что информанты из разных половин дают поразительно разные описания организации деревни: хотя оба представления являются дуальными, одно из них базируется на диаметральной концепции дуализма, а другое — на концентрической концепции.

---

* Статья была впервые опубликована на немецком языке под заголовком «Das “Subjekt, dem unterstellt wird zu glauben” und die Nation als eine Null-Institution» в антологии: *Boeke H., Mueller J.Ch., Reinfeld S.* Denk-Prozesse nach Althusser. Argument. Hamburg; Berlin, 1994. На русском языке статья выходила в журнале «Критика и семиотика» в переводе Т.И. Кихтенко: *Мочник Р.* Субъект, который должен верить, и нация как нулевой институт // Критика и семиотика. 2001. Вып. 3/4. С. 33–66. Публикуемый в «Вестнике Пермского университета» текст представляет собой переработанный вариант перевода первой части статьи профессора Мочника (редактор перевода Д.К. Чулаков).

© Мочник Р., 2014

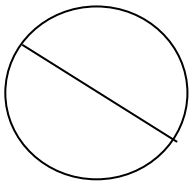

Рис. 1. Деревня виннебаго по сведениям информантов половины Верха

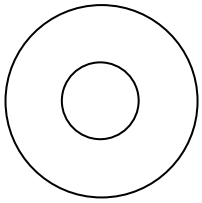

Рис. 2. Деревня виннебаго по сведениям информантов половины Низа

Подобное расхождение в представлениях свидетельствует в пользу историко-материалистической точки зрения, согласно которой понятие «социальной тотальности» зависит от структурной позиции, из которой постигается эта «тотальность»; оно также ставит вопрос радикальным образом: как подобное общество вообще может производить *эффект тотальности*, как оно может воспроизводить себя? При таких условиях социальные «интеграция» и воспроизводство кажутся невозможными, поскольку должны быть заблокированы двумя радикально различными, взаимоисключающими идеологическими схемами, которые не могут коммуницировать.

Очевидный интерпретационный тупик на самом деле является отправной точкой для теоретической работы. Это позволяет дать более точное определение «дуальной» (или любой другой) социальной организации, потому что она предполагает необходимость учитывать в таком определении идеологическое посредничество при воспроизводстве социальных отношений[3].

Таким образом, дуальная социальная организация может быть определена как организация, *допускающая две различные дуальные концепции* социального «целого».

Подобная организация сталкивается со структурно обусловленным коммуникативным коллапсом, который (только и) может быть преодолен введением *третьей* идеологической концепции, которая является «нейтральной» по отношению к двум другим представлениям об «обществе» и, обращаясь к которой, две конститутивные идеологии могут определять и «размещать» друг друга [по отношению друг к другу] и, таким образом, коммуницировать.

Давайте предложим упрощенную модель такого решения[4]. Представим себе, что некоторый социальный мир, состоящий из объектов, определенных тремя оппозиционно организованными дифференциальными признаками, первоначально выстроен дуальным способом. Одна из «начальных» дуальных идеологических концепций организует этот мир согласно оппозиции «круглый/некруглый», а другая — согласно оппозиции «**жирный**/нежирный». Воспринимая социальный мир двумя разными дуальными способами, члены этого общества не могут прямо коммуницировать, если обе группы, определенные их идеологическими «мировоззрениями», не найдут общего решения. Решение возникает благодаря введению *третьего типа «концептуальной схемы»*, основанной на нерелевантном дифференциальном признаке. Такое решение может быть представлено в виде двух шагов[5]:

1. Восприятие и определение неправильного понимания (неправильное понимание оказывается позитивным моментом в социальной интеграции):

– «Ваша концепция социального мира основана на признаке, *нерелевантном* для моей концепции».

– «Мой способ организации мира основывается на различении, *нерелевантном* для вашего способа его организации».

На данном шаге вводится понятие нерелевантного дифференциального признака.

2. На втором шаге обе группы «соглашаются» признать общий способ организации мира, основанный на различительной оппозиции, нерелевантной для обеих идеологических концепций. Эта «третья» концептуальная схема является *нулевым институтом*. Нулевой институт функционирует как общая референция для двух взаимоисключающих концептуальных схем (они обе могут быть «порождены» ею) и таким образом обеспечивает их коммуникацию, предлагая себя в качестве «нейтральной», посреднической инстанции. Нулевой институт производит *тотализующий эффект «Общества»*.

Наша гипотеза заключается в том, что *нация функционирует как нулевой институт*. Интуитивно эта идея кажется убедительной: 1) тогда как другие институты, подразделения и пр. кажутся функциональными в современном обществе, нация кажется «не имеющей» функции; 2) соответственно, в национально организованных обществах все функциональные институты

и т.д. отсылают к нации и воспринимаются в ее перспективе. Поэтому можно предположить, что нация не имеет никакой другой функции, кроме как обеспечивать возможность существования определенному типу общества, т.е. воспроизводить себя «как целое». Противоречит интуиции то, что *данный* тип общества уже обладает механизмом всеобъемлющего социального воспроизводства — государством. Нация как будто бы *удваивает* уже существующий институт. Другие трудности связаны с различием между тем, как нулевой институт функционирует в обществах без государства[6], и тем, как функционирует нация:

1. В то время как стандартный нулевой институт *разделяет общество изнутри*, нация *объединяет* современное общество и определяет его *внешнюю границу*. В то время как нулевой институт *разделяет общество на взаимоисключающие части*, нация *объединяет общество в единое целое*.

2. В то время как стандартный нулевой институт определяет себя по отношению к другим (функциональным) институтам *одного и того же* общества, нация определяет себя по отношению к *такому же* институту (нации) *других* обществ.

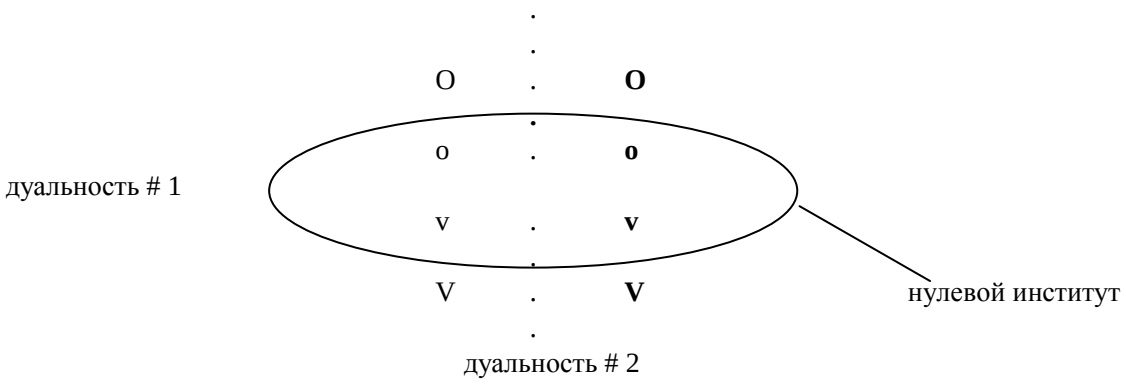

Рис. 3. Модель дуальной социальной организации

Нация является внутренне включающей и внешне исключающей, тогда как стандартный нулевой институт внутренне исключает и не имеет внешнего измерения. Или, в более точных терминах:

– *Нация инклюзивна в гетерогенном измерении* (она включает другие гетерогенные институты одного и того же общества) *и эксклюзивна в гомогенном измерении* (она исключает институты того же самого типа, т.е. другие нации).

– *Стандартный нулевой институт эксклюзивен в гетерогенном измерении* (он «пересекает» другие институты различных гетерогенных видов) и *инклюзивен в гомогенном измерении* (в пределах собственного измерения он распределяет индивидов унифицированным способом).

Из данных различий следуют важные выводы. В то время как стандартный нулевой институт определяет себя по отношению другим («функциональным») институтам и *разделяет* социальное поле на исключающие части, нация определяет себя по отношению к другим нациям, в первую очередь к тем, с кем она «делит» общие границы, и по отношению к индивидам внутри этих границ. Она *объединяет* социальное поле во внутренне инклюзивное и внешне эксклюзивное «целое». Нация в своей основе является воображаемой границей[7].

Единственная оппозиция, которую нация вводит *внутрь* определяемого ею социального поля, — это оппозиция между индивидом и коллективом. Нация распыляет социальное поле на абстрактных индивидов, определяемых только их отношением к национальному коллективу, т.е. к воображаемой границе. Эта *структурная оппозиция* «функционирует как» или «постигается, испытывается как» *культурная идентификация*. Сама трудность постижения нации в «антропологических» терминах «структуры/культуры» свидетельствует не только об огромной напряженности, присущей национальному образованию общества, но также указывает на необходимость использования *альтюссеровского понятия идеологии* в качестве базового, из которого в конечном счете при определенных условиях могут быть выведены *зависимые* понятия «структуры» (как доминанты) и «культуры» (если перефразировать Маркса, «только иллюзии, но необходимые иллю-

зии»[8]). Подчиненность дихотомии «структура/культура» понятию идеологии опускает как «концептуальный остаток» понятие «материального существования идеологии» в идеологических аппаратах. Именно потому, что оно не может быть классифицировано согласно данной дихотомии, понятие идеологических аппаратов, как главный вклад Альтюссера в материалистическую теорию, является связующим понятием между «структурой» и «культурой». С этой точки зрения *нация как нулевой институт является идеологическим аппаратом государства* (в определенных типах социальной формации).

Это может помочь нам избавиться, хотя бы в принципе, от одного любопытного разногласия между двумя наиболее распространенными типами теории нации: в теориях, «ориентированных на культуру» (Геллнер и, с большей изощренностью, Хобсбаум), временем появления наций считается начало XIX в.; в теориях, «ориентированных на государство», момент, после которого формирование наций становится необратимым, относят к XVII в. (Балибар); вдобавок «культуралисты» связывают формирование наций с процессами индустриализации и модернизации. (Хотя трудности, с которыми сталкивается этот тезис, можно представить как вопрос дефиниций, он выглядит как противоречащий фактам, особенно в отношении Центральной Европы, региона, всегда бравшегося за образец.) Наша гипотеза связывает возникновение нации с *периодом перехода* от общества иерархии статусов к индивидуалистическому, в некоторых идеологических аспектах «эгалитарному» обществу. Эта гипотеза могла бы получить некоторое обоснование и в более отдаленные периоды, когда появление «небуржуазного» индивидуализма сопровождалось, как представляется, «псевдонациональными» симптомами (поздняя Римская республика, Ренессанс). Как раз в те моменты, когда иерархические и основанные на статусе способы интеграции разрушаются, 1) зарождающийся «вакуум» вызывает определенный вид «индивидуализма»; 2) интеграция путем обращения к «внешним рубежам» общества навязывает себя, даже тогда и особенно тогда, когда «общество» может какое-то время казаться «пустой оболочкой». Этот процесс принимает свой «законченный» вид («он поднимается до уровня собственного понятия» *sit venia verbo Hegeliano*), когда интеграция, основанная на иерархии и статусе, разрушается *как таковая*, т.е. в конце XVIII и начале XIX в. Следуя Балибару, мы можем сказать, что буржуазия не способна завоевать современное административное государство до тех пор, пока не создаст идеологический аппарат государства, способный поддерживать буржуазное «использование» государства — нацию. Соответственно, правдоподобным выглядит объяснение восточноевропейских неонационализмов в терминах комбинации реакций: непосредственная реакция на разрушение структуры господства, которая была политически организована по принципу («аристократического») псевдостатуса с корпоратистскими элементами, и опережающая реакция на интеграцию в мировую экономику в тот момент, когда последняя находится под экономическим и идеологическим господством неолиберализма [см.: 32, 33, 34, 35,36, 37, 38].

Национальная «идентичность» как институт

Нация как нулевой институт организует «социальное поле» таким образом, чтобы сделать его доступным и управляемым со стороны капиталистического государства, что позволяет аппарату классового господства решать задачи общего социального воспроизводства. Это специфическая организация, навязанная «гражданскому обществу» (капиталистическим) государством[9]. Одним из основных механизмов социальной тотализации, как это делается нацией, является идеологическое признание атомизированных индивидов в качестве членов определенного национального объединения. С точки зрения глобальной социальной интеграции стандартный нулевой институт базируется на отличительной черте, которая нерелевантна для любой из таким образом «интегрируемых» конкретных идеологий. В этом отношении национальный нулевой институт также отличается от стандартного: интеграция, которую он осуществляет, функционирует с точки зрения национального индивида и основана на особой «нерелевантной» черте — черте *избыточности*. «Национальная идентичность» является *абстракцией* принадлежности индивида «обществу», т.е. свойства, которое *особенно, противоречиво, конкретно* всегда уже содержится в других определениях каждого отдельного индивида. Это проекция индивидуалистического принципа, позднее «монополизированного» либеральным демократическим государством, *на* противоречивую структуру конкретных социальных отношений.

Следующие три примера могут показать, как национальная идентификация функционирует в конкретных ситуациях.

(4) Вальдхайм и австрийцы глубоко задеты (Заголовок на первой странице ежедневной га-

зеты Delo, Любляна 30 апреля 1987 г., после решения США не принимать президента Австрии).

(5) Хотите ли вы, чтобы Словения стала автономным и независимым государством? (Вопрос на референдуме в Словении 26 декабря 1990 г.)

В то время как ситуация, описанная в пункте (5), похоже, выражает одну и ту же идею разными способами («автономное, независимое»), в ситуации (4) одно и то же выражение, по-видимому, отсылает к разным идеям («задеты» чьи-то личные чувства — «задеты» международные интересы государства). В ситуации (4) обыгрывается омонимия, в ситуации (5) — синонимия. Эти риторические процедуры опираются на феномены, обычные в естественных языках: выражение двух «идей» одной лексической единицей создает сходство между этими двумя «идеями» (как в метафоре), устанавливает связь между ними (как в метонимии) или обнаруживает неожиданное измерение в одной или обеих (как в катахрезе); выражение одной и той же «идеи» двумя разными единицами обеспечивает ее двумя подробными описаниями (*enumeratio*), определяет ее с особой точностью (*iteratio*), определяет ее в двух комплементарных перспективах (*definitio*), выражает ее с особенной силой (*amplificatio*) и т.д.

Идеологическая задача (4) состоит не в том, чтобы продемонстрировать витиеватый стиль; используя возможности естественного языка. Предпринимается попытка ввести модальность «быть задетым», которая может одновременно относиться и к индивидуальному, и к коллективному субъекту, к «[коллективному] телу граждан» и главе их государства — таким образом, создается *einziger Zug* (одна черта. — *Прим. переводчика*), вокруг которой может быть собрано сообщество.

(5) сообщает дважды одно и то же, чтобы скрыть, что то, о чем говорится, совсем не является ясным[10]: два сходных выражения указывают на *семантический пробел*, вокруг которого может телеологически организоваться национальное движение.

Внутри естественного языка возможны эти и другие виды «фигуративного» выражения: однако их «значение» не следует из материального оперирования самим языком, оно зависит от конкретной речевой ситуации. Очевидный порочный круг (значение высказывания определяется коммуникативной ситуацией, которая, в свою очередь, по крайней мере, частично порождается значением высказывания) разрывается различными побочными детерминациями и кодетерминациями коммуникативной ситуации, т.е. тем, что она всегда уже *сверхдетерминирована*. Учреждение естественного языка в качестве *национального языка* решающим образом стабилизирует границы *сверхдетерминаций* и в конце концов очерчивает пределы их эффектов.

Поскольку сугубо лингвистические действия не позволяют заранее определить эффекты значения, которые они производят, значение высказывания должно быть определено в сравнении с его возможным фоном верований. Иными словами, лингвистическую машину, которая только порождает «правильно сформированные цепочки» означающих, необходимо усилить *идеологической сверхдетерминацией*, если они должны иметь значение и если это значение должно быть понято[11]. Естественного языка недостаточно для формирования сообщества. С другой стороны, будучи «институционализированным» в качестве «национального языка», он вносит существенный вклад в подобное формирование. Национальная лингвистическая институционализация имеет свои парадоксы: ее самые важные компоненты — лингвистическая стандартизация и нормализация — являются с лингвистической точки зрения большей частью произвольными и продиктованными нелингвистическими соображениями (исторические случайности, которые благоприятствуют вхождению в литературную норму определенных диалектов, отношения власти между политическими и культурными центрами, гео- и демографическое распределение лингвистических черт и пр.); они могут основываться даже на устаревших и/или ложных теориях; с социальной точки зрения лингвистическая институционализация является выражением классовой экспансии, направленной либо внутрь, против подчиненных слоев и/или конкурирующих классов, либо вовне в *ирредентистском* стиле (или в обе стороны). Стандартизация и нормализация главным образом предвосхищают будущее сообщество, и эти усилия не могут не быть сверхдетерминированными определенной идеологией, т.е. определенными классовыми интересами. При помощи института национального языка воображаемое сообщество и изобретенный язык легитимизируют друг друга — в тем большей степени, чем они менее легитимны сами по себе.

Четверостишие из сонета поэта-романтика Франце Прешерна (считается, что он сыграл решающую роль в образовании словенской нации) может послужить дополнительной иллюстрацией

нашей точки зрения. Поскольку эта лирика проповедует идеологию, которая может показаться неподходящей для пробуждения энтузиазма всеобщего братания, она, тем не менее, со всей очевидностью демонстрирует, что «конституирование национальной идентичности» является *формальной процедурой*, лишь случайным образом связанной с «содержанием», служащим в качестве алиби[12].

> Жизнь [есть] тюрьма. Время — жестокий палач,
> Тревога — его вечно молодая невеста,
> Страдание и отчаяние — его верные слуги,
> И сожаление — не знающий усталости тюремщик.
> *(Франце Прешерн)*

После главного сравнения «жизнь – тюрьма» идет ряд экспликаций в форме *parallelismus membrorum* подчиненных сравнений. Горизонтальные метафорические пары вертикально соединяются метонимической связью так, что каждый метафорический элемент («палач, невеста палача, его слуги, тюремщик») является метонимией мета-метафорической «тюрьмы», а каждый «буквальный» элемент представлен как метонимия «жизни». Синтагматическое соединение лингвистических элементов, «метонимическая» ось языка в соответствии с теорией Якобсона [17], поэтически структурирована в терминах метафоры — в то время как парадигматическая чередование элементов, «метафорическая» ось по Якобсону, поэтически организована в терминах метонимии. Обратная симметрия между «первичным» лингвистическим процессом и «вторичной» поэтической обработкой дает четверостишию особенно плотно связанную структуру. Риторическое преимущество этой процедуры очевидно: адресат не может не принять на уровне своей *естественной лингвистической компетенции*, что «тюрьма, палач, тюремщик» и прочее «естественным образом связаны» и, благодаря плотной организации лингвистических элементов, это приводит к предположению, что их «буквальные» двойники («жизнь, тревога, страдание, отчаяние, сожаление») также подходят друг другу. Метафора интерпретируется *обратным порядком*: буквальное значение принимается (по крайней мере, как «поэтическое» послание), потому что метафорическое значение «передается само по себе», а метафоры собираются вместе, так как «естественная» компетенция в (национальном) языке подсказывает читателю, что так и должно быть. Таким путем конституируется *субъект национального языка*: «тезис» сонета принимается, по крайней мере, как предмет для серьезного обдумывания, потому что он был признан как *возможное* отношение к жизни, и он мог быть «признан» только потому, что был *понят* на уровне метафоры, что является уровнем естественного, т.е. национального, языка. Поэтический процесс иллюстрирует то, как действует *национальный* язык: он является хранилищем всех возможных семантических черт, матрицей, в которую могут быть вписаны все возможные верования. Национальный язык функционирует как матрица взаимопереводимости всех возможных идеологий[13].

Данный анализ показывает, что «национальная идентификация» протекает как идентификация с компетентным субъектом национального языка. Это *еще не* идеологическая интерпелляция: это институциональная поддержка любой возможной идеологической интерпелляции. Как таковая, она порождает для адресата необходимость подчиниться *какой-либо* идеологической интерпелляции: принимая или отрицая данный «тезис», он делает это, *будучи интерпеллированным той или иной идеологией*. «Национальная идентичность» является, таким образом, подлинно террористическим институтом. Жизнь внутри нации действительно является жизнью в тюрьме; национальный язык приговаривает говорящего на нем на постоянное участие в борьбе идеологий.

Более того, хотя национальный язык представляет себя «нейтральным» посредником, он неизбежно дает некоторым идеологиям преимущество по сравнению с другими. Будучи проекцией «сообщества» (ожидаемого или «реального», но всегда «воображаемого») на вечное и возвышенное царство символического, он санкционирует определенные классовые отношения (ожидаемые или «реальные», но всегда построенные на угнетении). В сложных обществах с индивидуалистическим устройством национальный язык как «способ функционирования» национального нулевого института является исторически наиболее распространенной формой социальной интеграции-тотализации.

Описание способа, с помощью которого национальный нулевой институт обеспечивает такой эффект, как «Общество», можно обобщить следующим образом:

1. Национальный нулевой институт является формальным и псевдонейтральным механизмом социальной интеграции, который может функционировать, только если он сверхдетерминирован конкретной идеологией из набора идеологий, которые он и должен «интегрировать».

2. Поэтому в национально организованных обществах ведется постоянная идеологическая борьба за то, какая конкретная идеология должна сверхдетерминировать формальный механизм национальной интеграции. Идеология, которой (временно) удается занять положение сверхдетерминации, становится идеологией-гегемоном конкретного национально конституированного общества.

3. «Национальная идентичность» является способом, с помощью которого индивид определяет себя в отношении национального нулевого института. Это также институциональная основа для взаимного признания индивидуальных коммуникантов. Условная идентификация с субъектом, предположительно верящим (СПВ), таким образом, институционально опосредована «национальной идентичностью» (там, где существует национальный язык, этот институт усваивается компетентными носителями национального языка), что лишает идентификацию с СПВ значительной части ее условности.

Либерализм, национализм, расизм: три «нео-»?

Существует действительная теоретическая трудность в различении идеологии нации и национализма. Некоторые теоретики открыто отказываются их различать. Для Эрнеста Геллнера [12] национализм является идеологией, которая поддерживает нацию как социополитическую структуру. Те, кто пытается сохранить нацию для либеральной ортодоксии, считают это проблемой «степени» и проводят линию между национализмом как истинной идеологией либерального национального государства и более крайними, или «дегенеративными», его формами при помощи различных префиксов, чаще всего обозначая последний как *этно*-национализм. И те теоретики, которые указывают на преемственность между национальным строительством и различными формами экстремизма, и те, кто выступает за отсутствие связи между ними, понимают свои, различные во всех других отношениях, подходы, в терминах сверхдетерминации, даже если они, как правило, не используют этого выражения. Для Геллнера национализм может быть сведен к формуле «одна Культура — одно Государство; одно Государство — одна Культура»; поскольку один термин всегда исторически предшествует другому, конструирование недостающей части опирается на те средства, которые предложены уже существующим членом пары. Таким образом, историческое строительство нации неизбежно сверхдетерминировано; но специфика национального государства в модели Геллнера заключается в том, что государство сверхдетерминировано культурой (тема, которую он подробно исследует), тогда как его «культура» образуется из государственнической перспективы (тема, которой он уделял меньше внимания из-за отсутствия понятий «господствующая культура», «гегемония» и подобных им). На более благосклонный взгляд поворотный пункт появляется тогда, когда идея нации сверхдетерминирована этническими, расовыми или подобными им компонентами.

Мы уже отмечали, что в любой данный исторический момент национальное строительство общества должно быть сверхдетерминировано определенной идеологией[14]. Поскольку построение нации в любой определенный момент поддерживается *определенной* идеологией и поскольку оно, с другой стороны, должно решать задачу «тотализации» особым, инклюзивным типом нулевого института, государственническая и культурная половины национальной конструкции на самом деле никогда не могут совпасть[15].

Общества, организованные как нации, всегда являются классовыми[16]. Именно по этой причине они представляют собой сложные культурные агломераты. Из этих тривиальных посылок следуют чрезвычайно важные выводы. Поскольку устройство национального государства идеологически истолковывается как культурная конструкция, классовые противоречия структурно вытесняются по линии культурных различий; по той же самой причине и классовые противоречия, и культурные различия структурно сгущаются по линии единственного различия, понимаемого в *терминах культурных различий*. Из-за этой логики смещения и сгущения, *Verschiebung* и *Verdichtung*, «культурный расизм» или дифференциалистский расизм или то, что Балибар называет неорасизмом, оказывается *внутренне присущим национально сконструированному обществу*[17].

Предполагается, что индивиды, которые оказываются вне этого разделения, внутренне присущего обществу, *неспособны к идентификации с особым для национального нулевого института СПВ*. Поскольку национальный СПВ характеризуется не какими-то приписанными конкретными верованиями, а хранилищем семантических свойств и синтаксических правил, способных порождать любое возможное верование, то те, кто исключен большим культурным разделением, считаются неспособными подняться до всеобщего национального СПВ *именно по причине их куль-*

турных особенностей. Политика признания[18] идет рука об руку с практикой сегрегации.

По этим самым причинам у нас нет необходимости исправлять наше начальное определение национального нулевого института как эксклюзивного в гомогенном измерении и инклюзивного в гетерогенном измерении. Нам нужно лишь думать о нем как о *смещенном относительно социального тела, которое он определяет*. Таким образом, национальный нулевой институт прочерчивает внутреннюю разделительную линию в «обществе», которое он организовывает. Внутреннее («расистское» или неорасистское) исключение, производимое национальным нулевым институтом, успешно функционирует внутри гомогенного измерения и в соответствии с его логикой, потому что индивиды, которых оно исключает, должны быть либо другой национальности («национальные» меньшинства), либо другого гражданства (иммигранты, которые часто являются и/или которых вынуждают быть людьми другой «национальности»). Внутри национального государства всегда существуют граждане, относящиеся к другой национальности; за его пределами всегда есть люди той же национальности, но не являющиеся гражданами; наконец, что всего важнее, в национальном государстве всегда есть индивиды, которые и не относятся к данной национальности, и не являются гражданами.

Поэтому историческая невозможность реализовать национальный проект и заставить государство совпасть с (национальной) культурой является не случайностью, обусловленной эмпирическими превратностями международной политики, геополитическими играми мировых держав и пр., а структурной необходимостью. *Национальный проект существует не для того, чтобы его реализовать*. Именно благодаря нереализации он производит структурные эффекты и воспроизводит «национальное» общество. Бесконечная задача его осуществления является режимом воспроизводства национально организованных обществ.

Мы также настаиваем на том, что национальный нулевой институт является инклюзивным в гетерогенном измерении. Мы должны только усилить понятие гетерогенности: оно применимо не только к социальным институтам, оно должно быть усилено настолько, чтобы относиться к разным социальным подразделениям, оппозициям, антагонизмам и, прежде всего, к самой классовой борьбе. Благодаря структурному действию включения (никогда не завершенному, всегда временному, срезающему выступающие края неинтегрируемого и т.д.) все неинтегрированные «остатки» отвергаются на основании культурного разделения, а затем структурно интерпретируются как исключенные в гомогенном измерении (люди другой национальности, неграждане, и те, и другие).

Структурные напряжения, которые смещаются и сгущаются внутри неорасистского культурного разделения, функционируют на индивидуальном уровне посредством определенного типа *идеологической интерпелляции, которая проходит через индивидуальный фантазм и принимает вид бессознательной петли*. От других форм интерпелляции на индивидуальном уровне расистскую идеологическую интерпелляцию отличает эффект механизмов социального структурирования. Точно так же, как социально «внутреннее» расовое разделение начинается со структурной невозможности того, что социальное устройство может зависеть только от своих внешних рубежей, специфика расистской интерпелляции начинается с невозможности того, что индивид может обладать одной и только одной идентичностью. В рамках либеральной иллюзии абстрактные индивиды не должны полагаться на взаимное признание и даже на признание самих себя: в идеальном случае они признают друг друга и самих себя по одному только свойству их абстрактной индивидуальности, по определяющему свойству принадлежности к одному и тому же национальному сообществу. В пределах нации минимальная идентификация, необходимая для коммуникации (и в соответствии с либеральной политической ортодоксией единственно доступная), проходит через национального СПВ. В результате этого идентификация и коммуникация, которые он делает возможными, *функционируют посредством отсылки к внешней границе коммуникативного сообщества*. Лингвистическая стандартизация, массовое образование и действие других идеологических государственных аппаратов, воспроизводящих национальную конструкцию при господстве определенной идеологии, постоянно производят какие-то остатки, которые не могут быть интегрированы в ходе этих гомогенизирующих действий. Аналогичным образом повседневная коммуникация пробивает себе дорогу через локальные срывы, неудачи идентификации и пр. Политическая идеология освобождения, «империалистически» спроецированная на социальную ткань, производит эффекты господства, которыми она не способна управлять даже «политически». Таким образом, либеральная идеология оказывается несостоятельной внутри своей собственной политиче-

ской области, потому что она неизбежно распространяется и на другие области.

Возможно, будет излишним напоминать проницательную мысль Маркса о том, что юридическое освобождение рабочей силы и экономическая фикция «эквивалентного обмена» являются *основными условиями капиталистической эксплуатации*. Тем не менее, пока политический лозунг *liberté* (свобода) преобразуется в *égalité* (равенство) в социально-экономической области, он вводит принцип, который как раз и не может быть реализован. Если либеральная политическая идеология должна стать базисом капиталистической эксплуатации (а чем еще она может быть?), она *должна распространяться на социально-экономическую область*; внутри этой области она не может быть ничем кроме «лжи», и она с необходимостью вызывает усиление классовой борьбы, потому что с этого момента эксплуатируемые классы обладают идеологическим элементом, который позволяет им осознать себя *в качестве эксплуатируемых*, т.е. элементом, который заставляет их пройти путь от классов *an sich* (в себе) к классам *für sich* (для себя). Чтобы заблокировать это развитие, *fraternité* (братство) становится необходимым *идеологическим дополнением* к двум начальным — политическому и социально-экономическому лозунгам. Это значит, что формирование национального братства является самым важным инструментом в классовой борьбе правящих классов при капитализме либерального толка[19].

Идеологическая классовая борьба правящих классов при либеральном капитализме пытается навязать «национальную идентичность» как единственную опору социальной коммуникации. Эта попытка неизбежно проваливается в классовом обществе, где индивиды и в самих себе, и в своих партнерах [по коммуникации] обнаруживают идентичности, находящиеся в противоречии. Это означает усиление классовой борьбы: если ведущей либеральной идеологии удается обеспечить свое господство, это ведет к трансформации ее в национальную идеологию, одну из форм расистской идеологии. («Неорасизм» Балибара является составляющей национализма; а «расизм» — всего лишь исторически особая форма «неорасизма», которая оказывается сейчас гораздо более архаичной, чем предполагает ее название.) *Между либерализмом и расизмом имеется преемственность*; в условиях усиления классовой борьбы, которую либеральная идеология и производит, она обречена на провал. Поскольку либеральная идеология, куда смещаются и где сгущаются структурные противоречия и индивидуальные коммуникативные неудачи, — это и есть расовое социальное разделение. Чем больше структурное бремя ложится на либеральные иллюзии включения, тем сильнее будет идеологическое обращение к линии исключения, и тем ожесточеннее становятся практики исключения[20].

Этьен Балибар предполагает, что неорасизм — это обобщенный антисемитизм. Антисемитизм подвергался анализу как основывающийся на фантазме избытка наслаждения (*plus-de-jouir*), приписанного другому [45]. Из нашего обсуждения следует, что неорасизм есть обобщенный антисемитизм в том смысле, что он действует через идеологическую интерпелляцию, приводящую в движение индивидуальные фантазмы. Фантазмы обладают уникальным свойством функционировать идиосинкратически и стереотипно одновременно. Вот почему они становятся в определенных социальных структурах (среди которых выделяется национальная конструкция) привилегированным способом «социализации» индивидов и фундаментальной структурной формой для производства эффекта «Общества»[21].

Давайте вкратце рассмотрим особенную неорасистскую, или «культурно-дифференциалистскую», интерпелляцию.

(6) Словения не на Балканах[22]

Это не является ответом на вопрос «Где?»: потому что в данном случае он вряд ли бы требовал повторения, будучи однажды поставленным. Формально аналогичное выражение

(6') Бонн не на реке Майн

равнозначно не более чем трюизму. Но можно себе представить, что выражение

(6") Германия не на Балканах

могло бы иметь смысл в определенных ситуациях и на фоне определенных верований. Выражения (6), (6") и подобные им отвечают на подразумеваемый вопрос «Что?»: они воздерживаются от уточнения, чем же *является* Словения (и пр.), и полагают, что это можно вывести из определения того, чем она *не является*[23]. (6), (6'), (6") и подобные им являются *выражениями знания*: различие между (6') и (6) или (6") заключается в том, что (6') не сообщает, *где* находится Бонн, в то время как (6) и (6") претендуют на то, что сообщают, *что* является их предметом. Эта претензия была бы напрасной, если бы не подкреплялась допущением, что и говорящий, и слушающий *знают, что такое «Бал-*

каны». К тому же риторическое принуждение (или «разговорная импликатура») навязывает допущение, что подобное знание является достаточно сильным для обоснования трудного в других случаях вывода из «чем X не является» того, «чем X является». Это опять же становится возможным благодаря способу, которым *имя* функционирует в выражении (6) (совершенно не по Фреге): оно функционирует как референтное выражение, имеющее *значение*[24]. Выражение

(6''') Словения не на Камчатке

окажется такой же тривиальностью, как и (6'), если бы оно было предназначено для сообщения того, что Словения находится в «Европе», в данном случае и явно выраженная «Камчатка», и подразумеваемая «Европа» будут функционировать нереферентным образом [см.: 31].

Таким образом (6) является выражением явного знания, *влекущим* за собой подразумеваемое знание: то, что оно выражает на подразумеваемом уровне, маркировано оператором *отрицания* (*Verneinung*) в явном высказывании («не») и имеет статус *«обоснованного верования, предположительно являющегося истинным»*[25]. Маркировка отрицания функционирует здесь таким же образом, каким отрицание действует в бессознательном: оно не «вытесняет» отрицаемый терм или его содержание, но усиливает их; или, лучше сказать: исключая, вытесняя отрицаемый терм, оно дает ему возможность функционировать в бессознательном. Это равнозначно признанию его «истинным». Парадоксальным эффектом высказываний типа (6) является установление в качестве элементов бессознательного и (6), и противоположного ему: после этого бессознательное содержит и «обоснованное верование, предположительно являющееся истинным», и маркированное «не» выражение (смысл которого в том, что «Словения находится в Европе») — и содержание, вытесненное в бессознательное отрицанием (смысл которого в том, что «Словения находится на Балканах»). Это тот самый неорасистский эффект, поскольку здесь ставится бесконечная задача различения двух содержаний — подтверждение истинности одного и ложности другого. Задача может быть иногда решена в форме удаления «элементов», препятствующих ее выполнению[26].

Двумя отличительными чертами выражений типа (6) являются следующие: они обращаются не к СПВ, а к субъекту, предположительно знающему; их интерпелляция проходит через петлю бессознательного. Они имеют возможность прокладывать путь через петлю бессознательного, потому что проходят через фантазм; это фантазм о другом, обычно о наслаждении Другого[27]. Расистская интерпелляция вращается вокруг фантазматического знания о наслаждении Другого (*phantasme du savoir sur la jouissance de l'Autre*): она завершает идентификацию интерпеллируемого с субъектом, предположительно знающим. Поскольку знание приписано Большому Другому Лакана, расизм является попыткой идентификации со знанием Другого; как показывает Сибони, это знание является амбивалентным и одновременно знанием *о* (наслаждении Другого) Другом (выражение, понятое как *genitivus obiectivus*) и знании Другого (о наслаждении) (*genitivus subiectivus*). Большое расовое разделение является постоянно срывающейся попыткой провести черту между ними, постоянно повторяемое различение между понятными «нами», подцепленными просвещенным Другим («Мы знаем об их грязных удовольствиях»), и демоническим всезнающим Другим («Они манипулируют нами, соблазняя наших женщин, развращая наших детей; они знают, как тебя использовать»).

Так становится возможным объяснить причуды «колонизированного сознания»:

(7) Я благодарю министра за приезд на наши мрачные Балканы
(Доктор Франьо Туджман, президент Хорватии, на совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Франции Аленом Жюппе 10 февраля 1994 г.)

Президент не только «интериоризировал» господствующий идеологический «европейский» образ Другого (в данном случае своей страны и свой собственный)[28] — он, помимо всего прочего, сообщает, что знает, что такое «Европа»; но, кроме того, из его слов следует, что дополнительным его преимуществом и преимуществом его страны является то, что они *тоже* знают, на основании результатов аутопсии, какими являются Балканы: мрачными. Это *antemurale Christianitatis*, стародавнее «неорасисткое» клише, которое высказывается президентским ртом[29].

Примечания

[1] Теория идеологии, понимаемая как теория интерпретации, более детально рассматривается в наших работах [10, 12].

[2] Примеры конкретных исследований, в том или ином виде относящихся к представленной здесь теории, см. в работах [11, 13, 14].

[3] Таким путем мы пытаемся предложить антропо-

логической теории то, чего ей давно недостает: это определение социальной структуры, в которое был бы вписан субъект [см. также: 24]. Определение социальной структуры не может игнорировать идеологическое посредничество при воспроизводстве социальных отношений. В некотором отношении такое определение должно принимать во внимание «субъективное» идеологическое восприятие, посредством которого социальная организация «переживается» ее членами. Это позволяет поставить настоящую проблему: как может выжить общество, где идеологические представления отличаются и/или вступают в конфликт? Как может такое общество — и все классовые общества подобного рода — производить эффект «социального целого»?

[4] Представители аналитической философии не сходятся во взглядах на вопрос о «концептуальных схемах»: Куайн [42] полагал, что концептуальные схемы (определенные языком наборы предикатов с радикально различными экстенсиями) могут привести к невозможности перевода; Дональд Дэвидсон [7, 8] утверждает, что концептуальные схемы являются «разделяемыми, тривиальными и истинными». Большинство антропологов верит в концептуальные схемы; на этом предположении основывается вся доктрина культурного релятивизма. Наша позиция близка к позиции Хилари Патнэма [41]: концептуальные схемы существуют, потому что «реальность» может быть постигаема различными способами. По той же самой причине концептуальные схемы могут переводиться с одной на другую. Мы не думаем, что концептуальные схемы могут быть легко взаимопереводимы, потому что не верим, что «реальность существует». Тем не менее, препятствий для понимания обычно нет, потому что в каждом обществе всегда существует некоторая «тривиальная и разделяемая» (хотя и только условно «истинная») схема взаимной переводимости (тот самый «нулевой институт»). Пример различных «концептуальных схем», не затрудняющих взаимопонимание: в английском языке «teen-ager» определяет группу молодых людей между 13 и 19 годами (включительно); в группе славянских языков «najstnik» обозначает группу между 11 и 19; это не означает, что славянская молодежь раньше входит в пору полового созревания или что обе эти «культурные» группы отстают от романской молодежи, у которой возраст «-decim» располагается в диапазоне между 11 и 17 годами.

Межкультурный перевод может представлять большую трудность. Например, понятие «стихотворение» в устных культурах разительно отличается от понятия «стихотворение» в письменных культурах: в устной культуре «одно и то же» стихотворение, рассказанное разными сказителями, может отличаться несколькими сотнями строф, не говоря уже о деталях композиции. Особенно сложный случай — это общества, сочетающие письменную и устную культуру. Эпос южных славян и парадигма «устной поэзии» в романтизме даже для Милмэна Пэрри принадлежат к подобным культурам [см., напр.: 15].

[5] Это может напомнить аргумент типа «Если бы я был лошадью» (Макс Глюкман [14] отмечает, что впервые это выражение употребил Радклифф-Браун в разговоре с ним. Оно относилось к фермеру, который хотел поймать убежавшую лошадь, пытаясь догадаться, куда она могла скрыться, при помощи «симпатической интроспекции»: «Если бы я был лошадью, куда бы я пошел?» Эта фраза стала частью антропологического жаргона, особенно для описания действий первых антропологов, например сэра Джеймса Фрэзера). Мы используем его как объяснительный инструмент, представляющий «трансцендентальные условия возможности» коммуникации в структурированных (не обязательно даже сложных) обществах.

[6] Наше описание весьма схематично и требует большей гибкости и тонкости. Макс Глюкман [14, с. 90] привлекает внимание к «перекрестным связям» и «разделенным зависимостям»: «общества и более мелкие социальные группы интегрируются… [благодаря] сложной сети социальных связей, основанных на довольно разных принципах, поэтому люди могут находиться в оппозиции друг другу при одном режиме и быть союзниками при другом» [14, с. 110, 107]. В «статусных» обществах широко распространена сегментация: в конкретной ситуации, подразумевающей два различных способа сегментации, любой «третий» способ дифференциации может выполнять роль нулевого института. Обсуждавшаяся выше теория определяет критерии для подобной *ad hoc* селекции: 1) третий институт должен относиться к обеим сегментациям (он должен «пересекать» их так, чтобы сделать возможным их взаимное определение); 2) он должен давать возможность индивиду рефлексивно определять свою позицию в формируемой таким образом сети отношений (это обеспечивает «идентификацию» индивида, поскольку в дуально структурированной ситуации он определяется одновременным членством в двух различных сегментах, конституированных двумя гетерогенными критериями). Проиллюстрируем эту точку зрения примером, где «нулевой институт» вмешивается таким образом, который существенно отличается от жестких ограничений нашего графического представления. В «Элементарных структурах родства» [20, с. 159] Леви-Строс определяет «два способа определения супруга, а именно, метод классов и метод отношений». Хотя он и заявляет, что они «никогда точно не соответствуют друг другу», так что «даже в самой простой системе… индивидуальные отношения всегда должны приниматься во внимание», он затем устанавливает некоторого рода обратную симметрию между двумя

методами — отношения кровного родства, выражающие «позитивный аспект» выбора супруга, а класс — «негативный аспект». В противоположность интерпретации Леви-Строса, мы полагаем, что два метода принадлежат к двум различным перспективам и противопоставлены как *социальная и индивидуальная* «точки зрения». Это не симметричная оппозиция. В данном случае Леви-Строс не в полной мере использует то, что в австралийском типе, который он берет в качестве парадигматического примера, «метод класса» (который выступает как «социальная перспектива») *сам обычно основывается на дуальной сегментации общества* на группы по материнской и отцовской линиям родства. Дуальный принцип организации ставит типичную проблему, решение которой требует введения третьей сегментации, т.е. нулевого института. Тем не менее, нулевому институту нет нужды осуществлять вмешательство как таковому, так как его роль предполагается по выраженному в родственных терминах «правилу», смысл которого в том, что индивиду надлежит обязательно/предпочтительно жениться на дочери брата матери (4-сегментная система, тип Кариера) или на дочери брата матери ее матери (8-сегментная система, тип Аранда). «Правило» может исполнять роль нулевого института, потому что содержит отсылку к эго; оно также относится к «двум другим сегментация» и может, по крайней мере, в общих чертах, быть выражено в их терминах. Обычно коммуникация между двумя различными концептуальными схемами начинается: 1) с эго-относительности концептуальной схемы; 2) отсылки к схеме другого. Это значит, что собственная схема должна быть доступна эго из его позиции в этой схеме; позиция другого должна быть доступна через схему другого. Это возможно в «статусных» обществах, где концептуальные схемы «объективируются» в социальной сегментации. В индивидуалистических обществах эти два условия могут выполняться лишь частично: 1) эго-относительность обеспечивается абстрактным указанием на принадлежность индивида (национальной) коллективности, но такое указание не учитывает специфическую «концептуальную схему» индивида (идеологию); 2) схемы «другого» доступны лишь абстрактно как *sub specie* общей матрицы, порождающей «все возможные» идеологии — т.е. благодаря «национальному» языку — которому так же не удается определить особенность позиции другого. В обществах, конституированных нацией (т.е. в индивидуалистических обществах с национальным нулевым институтом), собственная позиция индивида доступна через матрицу национального языка, которая в то же самое время, является единственным указанием на концептуальную схему другого, но любое возможное указание на схему другого проходит через опознание позиции другого как члена того же самого национального объединения. *В национально конституированных обществах коммуникативная идентификация с субъектом, предположительно верящим (СПВ), опосредуется «национальной идентичностью», абстрактным указанием на «социальное положение» коммуникантов и матрицу, порождающую их концептуальные схемы.* Это не могло бы быть достаточной основой для коммуникации, если бы «национальная идентичность» не была уже сверхдетерминирована какой-то определенной идеологией: идеологическая гегемония является, таким образом, абсолютным условием коммуникации (т.е. социальной интеграции) в национальных обществах. Отсюда следует, что возможные позиции, основанные на верованиях, могут оказаться гораздо более конфликтными и/или проблематичными, чем это было бы без такого посредничества. Это парадоксальное следствие взаимного признания коммуникантов в терминах «идентичности». Единственный институт, с которого может начаться коммуникация, является также и основным препятствием для коммуникации, а также источником ее конфликтной природы. Общее утверждение Альтюссера, что в классовых обществах эффект Общества в конечном счете является результатом классовой борьбы, особенно отчетливо подтверждается этим особым случаем идеологических отношений в национально конституированных обществах.

[7] Похоже после Фредерика Барта среди исследователей наций и национального самоопределения установился консенсус по поводу первостепенной важности «границы» [см.: 5].

[8] «[E]ine blosse Illusion, aber eine notwedige Illusion» («Только иллюзия, но необходимая иллюзия». — *Прим. переводчика*) [см.: 26].

[9] «Гражданское общество» было важным политическим лозунгом в борьбе за демократию в Восточной Европе. Тем не менее, его важность определялась *теоретической слабостью* оппозиционных движений при «реальном социализме». Там же, где существовала более сильная теоретическая основа для политической борьбы, «гражданское общество» функционировало почти исключительно как объединяющий лозунг. Неудивительно, что впоследствии он был возрожден самыми реакционными националистическими силами. Следует отметить, что слабость фашизма при посткоммунизме пропорциональна силе теории при коммунизме: в настоящее время посткоммунистические антикоммунистические охотники за привидениями нацелены в первую очередь на теоретическую продукцию. Критический обзор того, как идеология «гражданского общества» замалчивает, и в действительности вытесняет большую часть теоретических размышлений о *проблематике* гражданского общества [см.: 37].

[10] Во время референдума «автономия и незави-

симость» могло означать что угодно от «асимметричной» федерации, конфедерации до отделения. Предложение одной из оппозиционных партий перечислить все возможные варианты было отвергнуто парламентом.

[11] Мы опираемся на принятое различение *предложения* — правильно сформированной цепочки в данном языке — и *высказывания* — исторической реализации предложения в конкретной речевой ситуации. Предложение имеет возможность порождать значение, будучи высказанным; только высказывание имеет значение.

[12] Мы даем дословный перевод первых четырех строк сонета, написанного в 1835 (?) г. Более детальный анализ этого и некоторых других сонетов Прешерна [см.: 29].

[13] Более подробное рассмотрение этого вопроса [см.: 30].

[14] Из изложения Парты Чатерджи [6] следует, что определенная идеология и оппозиционная ей идеология могут находить основания в «одном и том же» национальном дискурсе. Аналогичным образом, хотя историческое развитие различных типов национализма вводит важные идеологические трансформации, каждая последующая «фаза» способна, тем не менее, обосновывать себя в терминах «преемственности» с предыдущими фазами. См.: [16], особенно о сдвигах влево и вправо, и наоборот, сверхдетерминированными особыми историческими обстоятельствами. См. также работу Ахмада [1] и его критику интерпретации Грамши, которую предлагает Чатерджи [2].

[15] Может показаться, что они действительно совпадают в особые моменты всеобщего энтузиазма и братания. Однако именно в эти моменты, в моменты революций, они особенно явно не совпадают. Молодой Маркс тонко подметил диалектику революционного момента: *allgemeine Fraternisierung*, с одной стороны, поддерживается конституированием одной части общества в *allgemeine Reprasentant* (в случае Французской революции, которую рассматривает Маркс — основным представителем общества «как целого» является буржуазия), с другой стороны, низводит другую часть общества (в данном случае аристократию), превращая ее в негативного представителя всего общественного зла. («Keine Klasse des burgerlichen Gesellschaft kann dies Rolle spielen, ohne ein Moment des Enthusiasmus in sich und in der Masse hervorzurufen, ein Moment, worin sie mit der Gesellschaft im allgemeinen fraternisiert und zusammen fliesst, mit ihr verwechselt und als deren allgemeine Reprasentant empfunden und anerkennt wird…» [27]. — «Ни один класс гражданского общества не может сыграть эту роль, не возбудив на мгновение энтузиазма в себе и в массах. Это — тот момент, когда данный класс братается и сливается со всем обществом, когда его смешивают с обществом, воспринимают и признают в качестве его всеобщего представителя…»).

[16] Вот почему они организуются как нации. Ср. слова Этьена Балибара: «В конечном счете конституирование национальных государств объясняется конкретными конфигурациями классовой борьбы, а не “чисто” экономической логикой…» [см.: 3]. Мы можем добавить: и не какой-либо предполагаемой «глобальной социальной» логикой.

[17] По поводу «дифференциалистского расизма» [см.: 3, с. 33]. О «неорасизме» см. [4].

[18] Проницательное изложение парадоксов «признания» дано в работе [47]; по поводу парадокса «универсализма» см. [3].

[19] Нам следует переосмыслить замечание Маркса (в конце четвертой главы — 3, второй раздел, книга первая «Капитала») о том, что сфера денежного обращения при обмене предметами потребления, внутри которой имеет место покупка и продажа рабочей силы, *является земным раем для прав человека*. Маркс продолжает: «В его пределах правят только свобода, равенство, собственность и Бентам». Этот раздел следовало бы сделать обязательным чтением как для активистов, борющихся за права человека, так и восточно-европейских борцов за «реальный социализм» вообще. Но см. также [4].

[20] Неудивительно, что приход либеральной демократии в страны бывшего «реального социализма» во время сложных структурных напряженностей произвел в качестве своего непосредственного эффекта их конституирование в виде «наций»; и что, когда это стало очевидным и действительно «ощутимым», либеральная демократия означала не более чем установление новых отношений господства и эксплуатации, и они начали стремительно развиваться в сторону расистского устройства с фашизоидными элементами.

[21] К антисемитизму нам следует добавить различные формы *ориентализма* (ср. [44]) и, что особенно важно для устройства современной Европы, *анти-исламизма*.

[22] Мы берем «мягкий» и широко распространенный пример. Едва ли существовала публичная фигура, которая, осознавая свою важность (политики, популярные «актеры», «интеллектуалы»), отказала бы себе в удовольствии произнести это высказывание по тому или иному поводу, включая Жириновского во время его визита в Словению 30 января 1994 г.; у него есть дар говорить именно то, что аудитория желает услышать.

[23] Важность определения границ в национальной идеологии признается одной из наиболее важных черт после Барта.

[24] Более сильная теория, подобная той, что разработана Солом Крипке [18], могла бы объяснить

различие между «Балканами» в (x) и «Балканами» в географическом дискурсе, но не путаницу, частично ответственную за то, как это выражение функционирует в (x). Если бы при определенном гипотетическом допущении палеонтологи обнаружили окаменелый скелет «единорога», это не будет тот самый единорог из мифа (пример Крипке); если географу понадобилось бы провести границу между Балканами и остальной Европой, это не сделало бы (x) избыточным: оно либо стало бы возможным дополнительным аргументом, либо сделало бы эту дополнительную аргументацию необходимой.

[25] Подтверждение работает при его отсутствии: оно «самоочевидно». Оно может быть легко предоставлено по запросу, в этом случае (x), скорее всего, будет кратким протазисом откровенно расистского дискурса.

[26] В декабре 1993 г. Палата представителей Словении приняла закон, сегрегирующий граждан по этническому признаку; закон был впоследствии аннулирован Государственным советом. Несколько партий (в общей сложности 10 % от всех членов Палаты представителей) сейчас борются за проведение референдума об изменении закона о гражданстве.

[27] Мы не будем развивать эту тему здесь; она была полно и ясно разработана Даниэлем Сибони [45]. См. также многие другие тексты этого автора.

[28] Как предполагает Эдвард Саид [44].

[29] Другим примером превратностей расизма является стандартный аргумент об открытости в сторону Юго-востока, предлагаемый словенскими политиками неизоляционистского толка (за что они претерпевают нападки со стороны националистов за «проюгославскую» позицию): «Мы знаем их лучше, чем Европу».

Список литературы / References

1. *Ahmad A.* In Theory: Classes, Nations, Literatures. London: Verso, 1993. 358 p.
2. *Ahmad A.* Fascism and National Culture. Reading Gramsci in the Days of Hindutva // Social Scientist. 1993. Vol. 21, № 3–4, March-April. P. 32–68.
3. *Balibar E.,* Wallerstein L. Race, nation, classe. Les indentites ambigues. Paris: La Decouverte, 1988. 307 p.
4. *Balibar E.* Les frontieres de la democratie. Paris: La Decouverte, 1992. 267 s.
5. *Barth F.* Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference. London, 1998. 153 p.
6. *Chaterjee P.* Nationalist Thought and the Colonial World. A Derivative Discourse? London: Zed Books for the United Nations University, 1993. 181 p.
7. *Davidson D.* On the Very Idea of a Conceptual Scheme // Inquiries into Truth and Interpretation. Oxford: Oxford University Press, 1984. P. 183–198.
8. *Davidson D.* Inquiries into Truth and Interpretation. Oxford: Clarendon Press, 2001. 296 p.
9. *Douglas M.* How Institutions Think. London: Routledge & Kegan Paul, 1987. 146 p.
10. *Ducrot O.* Le dire et le dit. Paris: Minuit, 1984. 237 p.
11. *Evans-Pritchard E.* Magic, Witchcraft and Oracles among the Azande. Oxford: Oxford University Press, 1937. 558 p.
12. *Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983. 150 p.
13. *Gettier E.L.* Is Justified True Belief Knowledge? // Analysis. 1963. Vol. 23. P. 121–123.
14. *Gluckman M.* Politics, Law and Ritual in Tribal Society. Oxford: Basil Blackwell, 1965.
15. *Goody J.* The Interface between the Written and the Oral. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 331 p.
16. *Hobsbawm E.J.* Nations and Nationalism Since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 209 p.
17. *Jakobson R.* Linguistics and Poetics // Thomas A. Sebeok, ed., Style in Language. New York; London: MIT Press and John Wiley and Sons, 1960. P. 350–377.
18. *Kripke S.* Naming and Necessity, Oxford: Blackwell, 1972. 172 p.
19. *Lacan J.* Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse // Seminaire XI. Seuil; Paris, 1973. 255 s.
20. *Levi-Strauss C.* Les structures elementaires de parente, Presses Universitaires de France, Paris, 1949. 632 s.
21. *Levi-Strauss C.* Tristes tropiques. Paris: Plon, 1955. 513 s.
22. *Levi-Strauss C.* Le sorcier et sa magie // Antropologie structurale I. Paris: Plon, 1958. S. 205–226.
23. *Levi-Strauss C.* Les organisations dualistes existet-elles? // Antropologie structurale I. Paris: Plon, 1958. S. 147–180.
24. *Levi-Strauss C.* Le totemisme aujourd'hui. Paris: Press Universitaires de France, 1962. 154 s.
25. *Mannoni O.* Clefs pour l'imaginaire. Seuil; Paris, 1969. 321 p.
26. *Marx K.* Grundrisse der Kritik der politischen Okonomie [1857–1858] / Marx-Engels-Lenin Institute. Moscow, 1939–1941.
27. *Marx K.* Zur Kritik der hegelschen Rechtsphilosophie (1843, 1927), Einleitung // Marks-Engels Werke. Vol. 1. Berlin: Dietz Verlag, 1974.
28. *Merton R.K.* The Self-Fulfilling Prophecy // Social Theory and Social Structure. New York; London: Free Press, 1968. P. 421–436.
29. *Močnik R.* Mescevo zlato — Presern v oznacevalcu

/ DDU Univerzum. Ljubljana, 1981.
30. *Močnik R.* Towards a Materialist Concept of Literature // Cultural Critique. 1986. № 4. Fall.
31. *Močnik R.* A Theory of Metaphor // The Subject of Democracy, Slovene Academy of Sciences and Arts. Ljubljana, 1988.
32. *Močnik R.* From Historical Marxisms to Historical Materialism: Toward the Theory of Ideology // Graduate Faculty Philosophy Journal. New School for Social Research. New York, 1991. Vol. 14, № 1. P. 117–137.
33. *Močnik R.* Der 18. Brumaire des östlichen Frühlings // Krieg in Europa. Gaisbacher, Kaser, Promitzer, Sax, Schogler, hg., DIPA-sandkorn. Graz, 1992.
34. *Močnik R.* Ideology and Fantasy // The Althusserian Legacy / E.A. Kaplan and M. Sprinker, eds. London; New York: Verso, 1993. P. 139–156.
35. *Močnik R.* Die Machtmechanismen des ubergangs // Die Machtmechanismen des Ubergangs, Jugoslawische (Sch)Erben / A. Bremer ed. Osnabruck; Munster: Fibre, 1993.
36. *Močnik R.* Penser, aujurd'hui // Lignes. Septembre. Paris: Hazan, 1993. № 21.
37. *Močnik R.* Footnote to the Discussion // NSK Embassy in Moscow: How the East Sees the East. Ljubljana: NSK-Irwin Publication, 1993.
38. *Močnik R.* Marcel Mauss — klasik humanistike // M. Mauss, Esej o daruin drugi spici. Ljubljana: Studia humanitatis, 1996. S. 267–303.
39. *Olson M.* The Logic of Collective Action: Public Goods and Theory of Groups. Cambridge: Harvard University Press, 1965. 186 p.
40. *Oye K.A.* Cooperation under Anarchy. Princeton: Princeton University Press, 1986. 269 p.
41. *Putnam H.* The Many Faces of Realism. LaSalle: Open Court, 1987.
42. *Quine W.V.O.* Word and Object. Cambridge; Massachusetts: MIT Press, 1960. 294 p.
43. *Rosenthal J.* What is Life?: A Habermas Critique // Social Science Information. 1992. Vol. 31, № 1. P. 5–42.
44. *Said E.* Orientalism. London: Routledge and Kegan Paul, 1978. 368 p.
45. *Sibony D.* L'Affect «ratial» // La haine du desir, Bourgois, 1994. 281 p.
46. *Freud S.* The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. In 24 vol. London: The Institute of Psycho-Analysis, Hogarth Press, 1953–1974.
47. *Taylor Ch.* Multiculturalism and «The Politics of Recognition». Princeton: Princeton University Press, 1992.
48. *Weber M.* Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978. Vol. 1. 1469 p.

Получено: 30.11.2013.
The date of the manuscript receipt: 30.11.2013.

SUBJECT SUPPOSED TO BELIEVE AND NATION AS A ZERO INSTITUTION

Rastko J. Mochnik

Faculty of Arts, University of Ljubljana; 2, Askerceva str., Ljubljana, 1000, Slovenia

In the following text, we try to systemise the results of different theoretical elaborations which become the part of vividly changing historical conjunctures of the past decades, were led, by the intertwining logics of theoretical work and historical practices, to articulate themselves around Althusser's concept of ideological interpellation. Whatever theoretical effects our efforts may have hopefully produced, they have been attempted from within a rather heterogeneous set of practices, and were trying to think, that is, to «organise» in the intellectual and in the political sense, our historical commitments and struggles of the past decades upon a theoretical background where the powerful theoretical apparatus legated by Althusser's re-interpretation of historical materialism had a prominent place. While, during the brilliant marches of the eighties, when, at each step, the historical process seemed to overtake the sparkling phrase, we might have been lulled into self-blinding complacence, we have now been cruelly crushed back onto the earth, wondering why the eighteenth Brumaire so obstinatelly follows different Springs.

Key words: Neo-Marxism; ideology; ideological interpellation; subject; nation; compulsion.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Мочник Р. Субъект, предположительно верящий, и нация как нулевой институт // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 5–19.

Please cite this article in English as:
Mochnik R.J. Subject supposed to believe and nation as a zero institution // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 5–19.

УДК 101.1 + 17.023.36

О СООТНОШЕНИИ СВОБОДЫ И НЕОБХОДИМОСТИ

Чернова Татьяна Геннадьевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: TGChernova@yandex.ru

Статья написана как отклик на статью Р.С. Гаджиева «Свобода как познанная случайность», опубликованную в «Вестнике Пермского университета. Философия. Психология. Социология». 2013. Вып. 2(14). Показано, что понимание свободы как познанной случайности является упрощенным, обыденным пониманием свободы, более глубокое ее понимание раскрывается при соотношении свободы с необходимостью; человеческая история — это не «царство случайности», а целостный, объективный, закономерный процесс, процесс развития родовой и индивидуальной сущности человека.
Ключевые слова: свобода; необходимость; детерминизм; рационализм; прогресс; сущность человека; сущностные силы человека.

В статье «Свобода как познанная случайность» Р.С. Гаджиев переосмысливает понятие свободы, он не согласен с определением свободы как познанной необходимости, которое дано Спинозой и актуально до сих пор, особенно, как отмечает автор, в учебниках и словарях по философии, изданных в странах постсоветского пространства, где еще сильны устои марксизма [3, с. 42]. Р.С. Гаджиев определяет свободу как познанную случайность и сожалеет о том, что такое понимание свободы не встретило должного внимания в философствующей среде постсоветского пространства. На наш взгляд, невнимание к трактовке свободы как познанной случайности, можно объяснить тем, что автор переходит на позиции иррационализма и индетерминизма без всякой серьезной критики рационализма и детерминизма, отбрасывая все то, что уже было сделано в материализме и марксизме. Кроме того, он отождествляет современную философию с экзистенциализмом и постмодернизмом, выдавая их за вершину философской мысли, и считает, что необходим серьезный пересмотр философского понимания свободы в свете постмодернизма. В то время как многие западные и российские философы подвергают серьезной критике само мировоззрение постмодернизма.

Отстаивая позиции индетерминизма, автор пишет о том, что именно А. Бергсону впервые удалось научно обосновать то, что жизнь человека в своей основе иррациональна, однако далее в статье не дано никакого обоснования иррационализма и индетерминизма. Р.С. Гаджиев по сути повторяет мысли философов-экзистенциалистов о том, что человек абсолютно свободен поскольку в каждой актуальной ситуации жизни человек свободен, в выборе своих действий, каждая ситуация неповторима и предоставляет ему право выбора всего один раз. С этим тезисом отчасти можно согласиться, поскольку человек в каких-то пределах может выбирать образ действия, но это упрощенное, обыденное понимание свободы, более глубокое понимание свободы раскрывается при соотношении свободы с необходимостью. Человек не может быть абсолютно свободным, поскольку всякая свобода ограничивается действием объективных законов природы и общества. Человеческая истории — это не «царство случайности», как считает автор, а объективный, закономерный процесс, процесс развития родовой и индивидуальной сущности человека.

Человек сам творит свою историю, но не по своему произволу, он творит ее при определенных обстоятельствах, и даже самые могущественные люди не в состоянии творить в истории все, что им заблагорассудится, социальная реальность не настолько пластична, чтобы им это позволить. Каждое новое поколение людей, которое вступает в жизнь, застает определенный уровень развития производительных сил, которыми это поколение должно овладеть, т.е. развить определенные способности. Оно застает также и определенные отношения в обществе, с которыми должно считаться как с данностью, определенную духовную

© Чернова Т.Г., 2014

культуру, сложившиеся стереотипы чувствования, мышления и поведения. Все это является ограничителем человеческого своеволия. В дальнейшем, конечно, люди будут изменять доставшиеся им в наследство производительные силы посредством развития своих сущностных сил, в первую очередь способности осваивать новые силы природы, создавать новую технику и тем самым подготавливать основу для изменения отношений в обществе. Таким образом, сами индивиды является творцами своего собственного бытия, но то, что они собой представляют, как они действуют, производят, проявляют себя, как относятся друг к другу, зависит от наличных материальных условий.

Человек не может не преобразовывать природу, не может не трудиться, поскольку на любом этапе своего существования, в любом регионе мира люди должны, прежде всего, производить средства существования. Поэтому труд, как отмечает К. Маркс, «есть независимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость, без чего не был бы возможен обмен между человеком и природой, т.е. не была бы возможна сама человеческая жизнь» [6, с. 51].

Таким образом, чтобы жить, человек должен трудиться, задействовать свои способности. В развитии же способностей, прежде всего способности к освоению сил природы, человек идет от простого к сложному, от освоения простых сил природы к освоению более сложных сил. Не может первобытный человек создать компьютер, поэтому совершенно неслучайно он начинает осваивать простые механические силы природы, поскольку на этом этапе может иметь дело только с такими предметами природы, которые поддаются его воздействию, — камни, палки, кости. Первобытное общество базируется на присвоении самых простых сил природы и, соответственно, на примитивных орудиях труда, которые обусловили совместное производство и совместное потребление. Отдельный человек не смог бы выжить вне общины, обеспечить себя необходимыми средствами существования. Коллективизм — главная черта родовой организации, поэтому совершенно неслучайно складываются производственные отношения первобытного коллективизма и никаких других отношений на этом этапе человек не мог бы себе позволить.

Переход к классовому обществу тоже закономерный этап в развитии человеческой сущности, он открыл простор для развития материальных и духовных сущностных сил, в свою очередь сам он был подготовлен теми изменениями, которые произошли в труде. Человек освоил новые силы природы — простые физические и химические процессы, — что позволило ему создать более производительные орудия труда и получать избыточный продукт сверх жизненно необходимого. На этой основе складываются новые производственные отношения, отношения эксплуатации, личной зависимости человека от человека (рабство и феодализм).

И только развитие капиталистического производства, подготовленное ростом материальных сущностных сил, способных на этом этапе ставить на службу человеку сложные физические и химические процессы, создавать на этой основе сначала паровые, затем электрические машины, обусловили реальную возможность освободить человека из личной зависимости и породили процессы социализации капиталистического общества. Освобождение человека произошло не потому, что в головах людей созрела идея свободы, а под натиском объективных причин, обусловленных изменением характера труда.

Формирование сегодня автоматизированного труда (всеобщего научного, по К. Марксу), который имеет творческий, универсальный характер, создает условия для свободного всестороннего развития каждого человека. В современном наукоемком производстве задействована рабочая сила научно-технического типа, это работники с высоким образовательным уровнем и высокой профессиональной подготовкой, знающие научные основы производства, самостоятельно мыслящие, ответственные, с высокой степенью мобильности и свободы. Использование такой рабочей силы в производстве требует иных производственных отношений, изживания отношений иерархии. Современный собственник средств производства уже не может эксплуатировать работников так, как это было на этапе классического капитализма (машинный тип труда), он вынужден апеллировать к работнику как личности, индивидуальности, создавать условия для раскрытия творческого потенциала работников, их организаторских способностей, поскольку вынужден передавать свои полномочия на их уровень. В современном производстве развитие творческих потенций каждого человека становится экономической необходимостью. Такими работниками нельзя командовать, необходимо создавать условия, чтобы они хотели работать на данную организацию и предпочитали данный вариант всем про-

чим возможностям. Изменение отношений в производстве обуславливает изменение всех других отношений в обществе и требует нового уровня демократизации общества в целом.

Таким образом, те ступени, или общественно-экономические формации, которые человечество прошло в своем развитии от первобытного общества до современного, не могли быть случайными — это ступени развития человеческой сущности. Каков человек со стороны его способностей, потребностей, труда — такова и ступень истории, люди не свободны в выборе ступени своего развития. Учение об общественно-экономических формациях разработано, как известно, К. Марксом, у которого человеческая история при всей ее многоплановости, противоречивости предстает как единый, закономерный, целостный и объективный процесс. Определяющим фактором единой человеческой истории является единство человеческой сущности. С момента своего возникновения, там, где складывались человеческие коллективы, формировались люди с одной и той же социальной сущностью, выраженной в одних и тех же сущностных силах — способностях, потребностях и, соответственно, складывалась одна и та же ступень — первобытнообщинная, вступали в действие одни и те же законы — закон возрастания способностей, закон возрастания потребностей, закон преобладания способностей над потребностями, закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, уходящий своими корнями в способности и потребности. Все эти законы коренятся в человеческой сущности, глубинным противоречием которой является противоречие между способностями и потребностями, обуславливающее развитие человеческой сущности, а следовательно, человеческой истории. Поэтому главным содержанием исторического процесса является развитие человеческой сущности. «Мы должны знать, — писал К. Маркса, — какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую историческую эпоху» [6, с. 623]. Именно К. Маркс впервые подверг научно обоснованной критике иррационализм и индетерминизм в общественной жизни. Как подчеркивал В.И. Ленин, именно учение К. Маркса об общественно-экономических формациях, как естественно-историческом процессе восхождения от низшего к высшему поставило социологию на научную почву [5, с. 139].

Р.С. Гаджиев не признает существования объективных законов развития общества, в его подходе история предстает как цепь случайных, никак не связанных между собой событий и фактов, поскольку непонятно, какой выбор может сделать человек в каждое мгновение его жизни. Однако при отрицании объективной закономерности в истории не может быть научной картины общества и истории, научным может быть только такое знание, которое вскрывает объективные законы действительности.

Уже у первобытного человека появляется потребность в мировоззрении, он пытается найти определенный порядок и устойчивость в мире. У античных мыслителей складывается представление о Логосе — мировом законе, которому подчиняются и природа, и люди, и даже боги. Зная, что все подчиняется определенным законам, человек может изучать мир, на этой основе становится возможным переход от мифологического мировоззрения к научному. Иррациональный мир, в котором царит случайность, непригоден для существования человека, в таком мире человек выжить не может. Также и общество, в котором господствует абсолютная свобода, непригодно для существования человека, свобода в таком обществе оборачивается произволом и безответственностью, поскольку в условиях исторической анархии любое действие получает право на существование. Понимание же истории как необходимого процесса не исключает человеческой свободы и ответственности, напротив, налагает на человека ответственность за развитие событий.

Объективные законы истории — особенные законы, они отличаются от законов природы тем, что прокладывают путь через сознательную деятельность людей. Законы истории имеют вероятностный характер, они определяют лишь общее направление развития общества, не заставляя людей с железной необходимостью двигаться в этом направлении, допуская в рамках этого общего множество вариантов развития, выбор этих вариантов и их реализация зависят от самих людей. И, разумеется, общественные законы не определяют поведение каждого отдельного человека в каждый момент его жизни.

История есть не что иное, как деятельность людей, преследующих свои собственные цели, однако это не исключает необходимости в истории, которая предстает в виде определенным образом развитых на данном этапе сущностных сил человека, которые и будут определять масштаб возможностей развития человека и те цели, которые он будет ставить. «Понимание исторической закономерности весьма упрощается, если она рассматривается как результирующая деятельности

людей. В этом случае деятельность не детерминируется объективными законами и, следовательно, оказывается, что в основе исторического прогресса лежит не необходимость, а случайность. Но историческая закономерность не рождается из случайных столкновений индивидуальных действий, а проявляется в них» [2, с. 258–159]. История приняла бы мистический характер, если бы в ней не происходило множество случайных событий, которые обусловлены конкретными обстоятельствами и действием конкретных лиц.

Свобода человека проявляется и в том, что он может игнорировать сложившие объективные закономерности, но до определенного предела, законы общественного развития, действуя как тенденции, в то же время являются и законами ограничителями человеческого своеволия, они, как и законы природы, в конечном счете обладают принудительной силой. Если то или иное общество слишком долго игнорирует объективные закономерности, в жизни такого общества рано или поздно проявятся кризисные явления, оно не будет стабильно, для него будет закрыт путь прогресса. К таким негативным последствиям может привести свободная деятельность человека, противоречащая объективной необходимости, поэтому свобода человека может быть как позитивной, так и негативной и, соответственно, человек должен нести ответственность за свои действия. Поэтому «свобода состоит не просто в возможности принимать решения о том, как действовать, а в принятии решений на основе знания своих сил и объективной необходимости, а тем самым и будущих последствий выбранного образа действий» [1, с. 96]. Чем глубже человек осознает необходимость, тем успешнее его действия и тем больше степень его ответственности за развитие событий.

Практическое отношение человека к природе (труд) — это «вечная, естественная необходимость» (Маркс), однако эта необходимость является условием человеческой свободы, главным фактором ее роста, расширения ее границ. «Определение свободы как познанной необходимости, данное Спинозой — величайшее завоевание философии Нового времени, однако оно “абстрактно”, оторвано от главного содержания общественной жизни, ее сущности» [1, с. 49]. У Спинозы свобода находится всегда в равном самой себе состоянии. Впрочем, у Р.С. Гаджиева свобода тоже не развивается, это всегда выбор действия в открывающейся перед человеком ситуации; ситуации меняются, а свобода остается той же самой. Между тем сама свобода есть процесс, а не застывшее состояние, каждый новый этап развития человека, его сущности — это и новый этап развития свободы, человек становится все более свободным в экономическом, политическом, духовном аспектах, возникает больше возможностей для свободного выбора, хотя, конечно, этот процесс имеет противоречивый характер.

Понимание свободы как познанной случайности, обоснование иррационализма и индетерминизма в жизни общества, его истории лишает нас возможности сформировать научный, объективный взгляд на общество, его жизнь, его развитие, адекватно реагировать на сложнейшие социальные вызовы современности. Только рационально организованный философский подход может противостоять усложняющимся реалиям жизни и растущему абсурду [4, с. 66]. На наш взгляд, именно в рамках материалистического марксистского подхода впервые появляется возможность научно объяснить исторические явления и этапы исторического процесса, проследить направленность истории, сделать научно обоснованные прогнозы относительно будущих этапов общественного развития. Видимо, сегодня вновь возникла необходимость обратиться к тому, что уже было разработано в материалистической философии и что без всякой серьезной критики выбрасывается за борт.

Список литературы

1. *Васильева Т.С.*, Орлов В.В. Социальная философия. Ч. 1: История социологических учений. Пермь, 1993. 204 с.
2. *Васильева Т.С.*, Орлов В.В. Социальная философия. Пермь, 2011. 351 с.
3. *Гаджиев Р.С.* Свобода как познанная случайность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 2(14). С. 41–44.
4. *Губанов Н.И.* Нищета философии постмодернизма // Философия и общество. 2007. № 1. С. 54–69.
5. *Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958. Т. 1. С. 125–346.
6. *Маркс К.* Процесс производства капитала // *Маркс К.*, Энгельс Ф. Соч. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. Т. 23. 908 с.
7. *Семенов Ю.И.* Диалектический материализм: его место в истории философской мысли и современное значение // Философия и общество. 2002. № 3. С. 74–103.

Получено: 06.03.2014.

References

1. Vasilieva T.S., Orlov V.V. *Sotsial'naya filosofiya. Chast' 1. Istoriya sotsiologichskih uchenij* [Social philosophy. Part 1. History of sociological doctrines]. Perm, 1993, 204 p. (In Russian).
2. Vasilieva T.S., Orlov V.V. *Sotsial'naya filosofiya* [Social philosophy]. 2011, 351 p. (In Russian).
3. Gadzhiev R.S. [Freedom as cognized affection]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2013. Edition 2(14), pp. 41–44. (In Russian).
4. Gubanov N.I. [Indigence of Post-modernism philosophy]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and society], 2007, no 1, pp. 54–69. (In Russian).
5. Lenin V.I. [What the «Friends of the People» Are and How They Fight the Social-Democrats?] *Lenin V.I. Polnoye sobranie sochineniy. Tom 1* [Complete set of works. Vol. 1], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury Publ., 1958, pp. 125–346. (In Russian).
6. Marx K. [The Process of Production of Capital] *Marx K., Engels F. Sochineniya. Tom 23* [Oeuvre. Vol. 23], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury Publ., 1960, 908 p. (In Russian).
7. Semenov Yu.I. [Dialectic materialism: its place in history of philosophic ideas generation and its present-day value]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and society], 2002, no 3, pp. 74–103. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 06.03.2014.

ON THE RELATION BETWEEN FREEDOM AND NECESSITY

Tatyana G. Chernova

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The article is a response to the article by Rovshan S. Hajiev «Freedom as the realized accident» which is published in the Journal of Perm State University (series «Philosophy. Psychology. Sociology»). 2013. Vol. 2(14). The article shows that understanding of freedom as accident appears simplified, trivial way of understanding. Deeper understanding of freedom opens through its connection with necessity. The fact that human history is not a «kingdom of accident» but objective, holistic, essential process, process of development of generic and individual human essence is considered.

Key words: freedom; necessity; determinism; rationalism; progress; human essence; human essential forces.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Чернова Т.Г. О соотношении свободы и необходимости // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 20–24.

Please cite this article in English as:
Chernova T.G. On the relation between freedom and necessity // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 20–24.

УДК 101.1:316

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сафонов Кирилл Борисович
кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента
Новомосковский институт (филиал)
Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева
301665, Новомосковск, ул. Дружбы, 8
e-mail: k_b_s_k_b@list.ru

Особенности бизнеса определяются ключевыми характеристиками общества, в рамках которого он осуществляется. Целью статьи является исследование социального регулирования современной предпринимательской деятельности. Для понимания сущности этого процесса анализируются основные характеристики бизнеса как социального института. Также определяются факторы всестороннего сотрудничества общества и предпринимательских структур. Большое внимание уделяется проблемам корпоративной социальной ответственности. При исследовании обозначенных проблем автор определяет сущность социального контроля и сотрудничества общества и представителей бизнеса. Совокупность механизмов социального регулирования предпринимательской деятельности рассматривается в контексте подходов к взаимодействию бизнеса и современного общества. Определяются основные социальные факторы полной реализации потенциала предпринимательства как неотъемлемой части социума.
Ключевые слова: предпринимательская деятельность; общество; социальное регулирование; социальная ответственность.

Как и любой другой социальный институт, современный бизнес является неотъемлемой частью общества. При этом общество — это не просто среда для предпринимательской деятельности, но и ее организатор. Социальное регулирование деятельности предпринимательских структур осуществляется как непосредственно, при взаимодействии всей совокупности членов общества с институтом бизнеса, так и опосредованно, через профессиональных управленцев — менеджеров, которые действуют с учетом общественных запросов и потребностей. При этом одной из важнейших является проблема определения границ управленческого воздействия общества на субъекты предпринимательства. Неясным остается вопрос, заключается ли данное воздействие исключительно во влиянии на способы организации бизнеса и его осуществление путем привнесения в эту деятельность новых ценностей и норм организационного поведения, основанных на общепринятых социальных ценностях и нормах. Совершенно очевидно, что подобная позиция не совсем верна. Управленческое воздействие общества на бизнес основывается прежде всего на такой функции, как контроль, под которым подразумевается «установление стандартов, изменение фактически достигнутых результатов и проведение корректировок в том случае, если достигнутые результаты существенно отличаются от установленных стандартов» [2, с. 131]. На первый взгляд, может показаться, что данный тезис не отражает современные социально-экономические реалии. Мы все привыкли к тому, что бизнес действует на свой страх и риск, по своей сути неподконтролен никому. А проводимый контроль либо носит внутренний характер, что означает осознание субъектом предпринимательства необходимости действовать с учетом определенных ценностей и норм, либо происходит в соответствии с требованиями законодательства о налогообложении и бухгалтерском учете, но при этом во внимание не принимаются особенности влияния экономического агента на социальные устойчивость и прогресс. Получается, что общество и предпринимательство существуют в параллельных плоскостях, при этом «субъекты рынка действуют независимо друг от друга, самостоятельно выбирая себе объекты для взаимодействия, т.е. имеют место само-

© Сафонов К.Б., 2014

произвольные процессы» [7, с. 38]. Подобная позиция, впрочем, возможна при управлении техническими системами любой сложности, но не всегда допустима в вопросах, касающихся общества. И социум, и составляющие его люди уникальны, что должно учитываться в деятельности любого социального института.

Отрицание роли всех членов общества в контроле над деятельностью бизнеса приводит к возникновению ситуации, когда «мерой всех вещей и самой личности оказываются организационные притязания, при этом вся тотальность целой иерархии сущностных функций человека сводится лишь к сумме организационных отношений, что объективно означает дегуманизацию многоаспектной личностной экзистенции» [8, с. 137]. Получается, что человек существует для бизнеса, а не бизнес создается, развивается и действует для человека. Конечно, нельзя согласиться с такой постановкой вопроса. Единственным выходом из подобной антиномичной ситуации нам видится признание необходимости участия общества в жизни бизнеса, осуществление полного социального контроля деятельности предпринимательских структур. Этот контроль не может и не должен иметь ничего общего с теми функциями, которые выполняют органы власти, налоговая служба. Социальное регулирование деятельности бизнеса — это сложный процесс, имеющий много общего с организационным поведением. Особенности взаимодействия предпринимательских структур и институтов общества определяют устойчивость данных систем, причем эта устойчивость носит двоякий характер. Как следствие, устойчивость социальной структуры означает нормальное функционирование всех взаимодействующих с обществом субъектов бизнеса, и наоборот.

Контроль общества над бизнесом отнюдь не всегда означает прямое вмешательство в его деятельность. Этот контроль может реализовываться косвенно, во многом под воздействием постепенного изменения системы социальных ценностей и норм, в результате чего меняется вся система организационного поведения. Серьезному пересмотру подвергается организационная культура, а это в свою очередь влияет на цели и задачи, стоящие перед субъектом предпринимательства, те методы, которые будут применены для поиска их решения. Предпринимательство и общество имеют схожие цели. Общество одобряет возникновение организаций и обеспечивает их успешное поступательное развитие только при условии сходства социальных и организационных целей. В противном случае, организация будет восприниматься обществом как чужеродная. Работать без социальной поддержки ей будет нелегко. Позволяя бизнесу действовать в рамках определенных целей и задач, общество в свою очередь постоянно взаимодействует с организацией в целом, с каждым из ее членов. Основой данного взаимодействия является социальный контроль — «совокупность средств и приемов, с помощью которых общество гарантирует, что поведение его членов, отдельных субъектов управления, социальных групп будет осуществляться в соответствии с установленными общественными нормами и ценностями» [1, с. 110]. Общество регулирует деятельность субъектов предпринимательства, устанавливает те или иные принципы взаимодействия с ними, определяя те рамки, в пределах которых деятельность считается приемлемой и полезной для каждого члена социума.

Бизнес действует в своих интересах с целью получения максимальной прибыли. Перераспределяя экономический продукт, субъекты предпринимательской деятельности могут тем или иным образом вредить обществу. Так, заниженная оплата труда не позволиттрудящемуся индивиду полностью реализовать свой профессиональный и личностный потенциал: у него просто не будет материальных стимулов для повышения эффективности труда, самосовершенствования. Еще более усугубит данную ситуацию попытка бизнеса уйти от своевременной уплаты налогов, что также негативно скажется и на обществе в целом. Именно поэтому одной из основных проблем социального регулирования деятельности предпринимательских структур является определение условий распределения прибыли. Готовых рецептов в этом случае быть не может. Следовательно, каждое общество само определяет те принципы, на которых будет строиться его взаимодействие с предпринимательскими структурами, но при этом не вызывает сомнения тот факт, что данные отношения должны быть партнерскими, основанными на равноправии обеих сторон.

Тезис о необходимости действия общества и предпринимательских структур на паритетных началах при социальном регулировании деятельности бизнеса может показаться противоречивым. Однако все противоречия снимаются, если социальное регулирование и контроль понимать не как некий привнесенный извне алгоритм действий вкупе с проверкой правильности его осуще-

ствления. Так, социальное управление предпринимательскими структурами имеет двойственную природу, что проявляется в их статусе как одновременно субъекта и объекта управленческого воздействия. Подобное положение вещей наблюдается и в случае с социальным контролем, который «не может быть сведен ни к учету, ни к отчетности, а является частью сложных управленческих отношений, которые пронизывают всю систему управления снизу доверху» [1, с. 111]. Поэтому в основе социального регулирования деятельности предпринимательских структур должно быть их осознание себя как части общества, понимание необходимости действовать в его интересах, содействовать ускорению социального прогресса, решению стоящих перед обществом острейших проблем. Конечно, это сопряжено с определенными потерями для конкретных предпринимателей и может привести к уменьшению прибылей. Данные факты не играют большой роли для ответственного бизнеса, верно понимающего свое значение для общества и место в нем. В случае же с субъектами предпринимательства, неспособными в полной мере осознать свою роль в системе социальных отношений, в дело должно вмешиваться государство, которое, как отмечает М. Вебер, «есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство» [3, с. 646]. В современных условиях подобное легитимное насилие со стороны государства по отношению к предпринимательским структурам приобретает в основном форму лицензирования, т.е. «выдачи разрешений на предпринимательскую деятельность определенного рода и последующего контроля за соблюдением условий лицензии и законодательства» [9, с. 109]. Конечно, такие формы регулирования ответственного поведения бизнеса должны применяться лишь на этапах его становления и формирования понимания своей роли в обществе. Окончательное же оформление социально-предпринимательских отношений переводит необходимость регулирования из правовой сферы в социальную.

Проблемы социальной ответственности бизнеса очень остро стоят в современном обществе. Это обусловлено самой природой предпринимательской деятельности, которая зачастую воспринимается в общественном мнении как некая форма неправомерного обогащения одних за счет других. Конечно, восприятие в том или ином социуме во многом определяется особенностями системы господствующих в нем ценностей. Но исторически сложилось так, что предпринимательству приходится доказывать обоснованность извлечения прибыли. Это часто принимает форму легитимации богатства, что, по мнению Н.Н. Зарубиной, «в традиционных обществах предполагает исполнение определенных обязательств перед высшими институтами (государством, церковью), связанными солидаристскими и патерналистскими узами людьми, а также бедными, нуждающимися в покровительстве и защите» [4, с. 19]. Применительно к современному единичному предпринимателю данный процесс может означать декларирование доходов и своевременную уплату налогов с возможным участием в благотворительных программах. Сложнее обстоит дело с разветвленными предпринимательскими структурами, которые должны не только убедить общество в правомерности получения прибыли при выпуске продукции или оказании услуг, но также действовать в условиях, когда «перед компанией стоят проблемы утверждения легитимности не только в бизнесе, но и в других областях, например экономической законности, отчетности по сохранению окружающей среды и обязанностей перед акционерами» [10, с. 383]. В современных условиях социальная ответственность бизнеса является одним из важнейших конкурентных преимуществ осуществляемой деятельности, способом доказать свою необходимость обществу в целом и каждой его части, к числу которых можно отнести и контрагентов предпринимательской структуры.

Усиливающаяся конкуренция заставляет бизнес искать все новые способы обеспечения преимущественного положения, занимаемого на рынке производимыми товарами и оказываемыми услугами. Заявляя о своем ответственном поведении, о практическом воплощении концепций социальной ответственности, предпринимательская структура рекомендует себя в качестве надежного партнера, который способен поступиться своей выгодой ради выгоды общества. Для поставщика и клиента это может означать способность действовать в рамках правового и нравственного поля, даже если в конечном итоге прибыль окажется несколько скромнее. Как следствие, все остаются в выигрыше. Именно поэтому на современном этапе социальная ответственность бизнеса очень часто понимается как содействие увеличению производства необходимых обществу товаров (продукции, работ, услуг) и тем самым — насы-

щению товарного рынка [6, с. 363]. Подобное понимание проблемы может показаться излишне упрощенным, лишенным самой идеи служения обществу, бескорыстного содействия его всестороннему развитию. Но при более подробном рассмотрении вопроса, на наш взгляд, все становится на свои места.

В конкурентных рыночных условиях развитие означает возможность действовать в изменяющихся условиях, способность избирать наиболее рациональную модель поведения и последовательно воплощать ее в жизнь. И касается это всех сторон жизни общества — как хозяйства, так и социальной сферы. Ответственное поведение не означает безвозмездную передачу ресурсов одних институтов общества другим. По нашему мнению, подобные явления на данном этапе развития производства не будут способствовать повышению социальной устойчивости, могут привести к размыванию идеи созидательного труда, деградации сферы производства и оказания услуг. Руками государства общество должно создать равные условия для всех, а затем предпринимательские структуры должны пройти закалку самостоятельными действиями на свой страх и риск, таким образом «повзрослеть» в социальном плане. Как следствие, должно повыситься нравственное самосознание представителей бизнеса, появиться новые точки соприкосновения с обществом. Такое предпринимательство, что в определенной мере демонстрирует опыт развитых стран, будет в полной мере являться носителем идей социальной ответственности, оно сможет плодотворно воплощать их в своей каждодневной деятельности.

Ни у кого не вызывает удивления факт рискованности осуществления предпринимательской деятельности. А.И. Кравченко отмечает, что «исследования обнаружили несколько разновидностей риска; рисковать можно финансовым состоянием, карьерой, социальными связями, эмоциональным благополучием. Предприниматель, как удалось выяснить при помощи специальных тестов, склонен ко всем видам риска» [5, с. 413]. Он готов рисковать своими инвестициями и своей репутацией, готов потерять доброе имя и оказаться изгоем. Иными словами, начиная свою деятельность, любой предприниматель изначально готов к неудаче, к неполучению доходов и серьезным потерям духовного плана. Это воспринимается как само собой разумеющееся и не вызывает отторжения. И в этой связи не вполне понятным представляется стойкое нежелание многих предпринимателей в нашей стране поступиться незначительной частью своих возможных прибылей ради пользы общества, для ускорения процесса социального развития. Поворачиваясь лицом к обществу, предприниматель может рассчитывать, что и оно в свою очередь не отвернется от него, когда ему понадобится помощь. Разразившийся в 2008 г. мировой экономический кризис продемонстрировал готовность общества помогать деловым кругам. Практически все государства не бросили бизнес на произвол судьбы, помогли ему выстоять, пережить трудные времена, что заложило основу для будущего развития. Соответственно, и общество должно ожидать от предпринимательских структур ответного содействия, укрепления существующих связей, участия в решении социальных проблем.

Экономический кризис — это своего рода конфликт между двумя способами хозяйствования, двумя моделями восприятия мира и понимания своего места в нем. Стороны любого конфликта выходят из него обновленными, нашедшими новые точки соприкосновения, новое понимание идей сотрудничества, кооперации усилий. Это происходит потому, что конфликт несет в себе огромный потенциал для обновления, поиска новых решений, избавления от застарелых проблем. Точно так же и экономический кризис должен в конечном счете привести к замене отжившей модели погони за прибылью. На ее место должны прийти концепции равноправного партнерства бизнеса и общества, их взаимной поддержки, совместной деятельности для общего блага. Кризис стал проверкой мировой экономики на прочность, и она эту проверку выдержала с большим трудом. Совсем немного оставалось до потери устойчивости, что могло привести к тяжелейшим социально-экономическим последствиям. Вызовы будущего могут стать еще более суровыми, чем тот, который мы пережили несколько лет назад. И предпринимательство, и общество должны быть к этому готовы. Социальная ответственность бизнеса — это отнюдь не пустая формальность среди огромного числа требований, предъявляемых к предпринимательским структурам. Это одна из их жизненно необходимых характеристик. И необходима она потому, что от социальной ответственности напрямую зависит устойчивость бизнеса как части общества, его способность адаптироваться к стремительно меняющимся условиям, усложняющимся правилам игры в региональном, национальном и глобальном хозяйстве.

Социальное регулирование имеет одну характерную особенность. Оно не может осуществляться без непосредственного участия объекта регуляции. Отчетность и контроль отходят при этом на второй план. Основную роль играет способность регулируемого процесса или института к действию в интересах всего общества. Регулируя деятельность деловых структур, общество задает правила игры и одновременно меняется, отвечая на требования предпринимательства. Иными словами, социальное регулирование деятельности бизнеса — процесс двунаправленный, его невозможно представить без активного участия каждой из сторон. Современный бизнес все больше сближается с обществом. Они живут общими проблемами и перспективами развития. У них общие стратегические цели и оперативные задачи, главной из которых является содействие всестороннему развитию личности как члена общества, с одной стороны, и как участника предпринимательских структур, с другой. Бизнес должен осознавать свою роль в судьбе каждого из нас, и строить свою деятельность с учетом концепций социальной ответственности.

Список литературы

1. *Афонин Ю.А.*, Жабин А.П., Панкратов А.С. Социальный менеджмент. М.: Издательство МГУ, 2004. 320 с.
2. *Басовский Л.Е.* Менеджмент. М.: ИНФРА–М, 2005. 216 с.
3. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
4. *Зарубина Н.Н.* Деньги и культура богатства: перспективы социальной ответственности бизнеса в условиях глобализации // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 13–23.
5. *Кравченко А.И.* История менеджмента. М.: Академ. проспект: Трикста, 2005. 560 с.
6. *Организация* предпринимательской деятельности / под ред. С.И. Грядова. М.: КолосС, 2005. 416 с.
7. *Сологубов В.М.* Философия конкуренции // Философия хозяйства: альманах центра общ. наук и эконом. фак-та МГУ. 2006. № 4(46). С. 32–38.
8. *Фомичев И.Ю.* Хозяйственная этика российского Постмодерна // Философия хозяйства: альманах центра общ. наук и эконом. фак-та МГУ. 2007. № 3(51). С. 136–140.
9. *Чиркин В.Е.* Государственное управление. М.: Юристъ, 2003. 320 с.
10. *Юхолин Э.* Ради бизнеса или ради блага всех? Финский подход к корпоративной социальной ответственности // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3, № 3. С. 379–396.

Получено: 25.06.2013.

References

1. Afonin Yu.A., Zhabin A.P., Pankratov A.S. *Sotsialnyj menedzhment* [Social management]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2004, 320 p. (In Russian).
2. Basovskiy L.E. *Menedzhment* [Management]. Moscow, INFRA-M Publ., 2005, 216 p. (In Russian).
3. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990, 808 p. (In Russian).
4. Zarubina N.N. [Money and culture of wealth: prospects of corporate social responsibility in the context of globalization]. *Sotsiologicheskie issldovaniya* [Sociological Studies]. 2008, no 10, pp. 13–23. (In Russian).
5. Kravchenko A.I. *Istoriya menedzhmenta* [History of management]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., Triksta Publ., 2005, 560 p. (In Russian).
6. *Organizatsiya predprinimatel'skoj deyatel'nosti* [Organization of entrepreneurship]. Moscow, KolosS Publ., 2005, 416 p. (In Russian).
7. Sologubov V.M. [Philosophy of a competition]. *Filosofiya hozyajstva. Al'manah tsentra obschestvennyh nauk i jekonomicheskogo fakul'teta MGU* [Philosophy of economy. Almanac of Centre of Social Sciences and Faculty of Economics of Moscow St. Univ.]. 2006, no 4 (46), pp. 32–38. (In Russian).
8. Fomichev I.Yu. [Economic ethics of Russian Postmodern]. *Filosofiya hozyajstva. Al'manah tsentra obschestvennyh nauk i jekonomicheskogo fakul'teta MGU* [Philosophy of economy. Almanac of Centre of Social Sciences and Faculty of Economics of Moscow St. Univ.]. 2007, no 3 (51), pp. 136–140. (In Russian).
9. Chirkin V.E. *Gosudarstvennoe upravleniye* [Public administration]. Moscow, Yurist' Publ., 2003, 320 p. (In Russian).
10. Yuholin Je. [For business's good or for everyone's good? Finnish approach to corporate social responsibility]. *Zhurnal issledovanij sotsial'noj politiki* [Journal of social policy studies]. 2005, vol. 3, no 3, pp. 379–396. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 25.06.2013.

SOCIAL MECHANISMS OF BUSINESS REGULATION

Kirill B. Safonov

Novomoskovsk Institute (branch) of Russian D.I. Mendeleev University of Chemistry and Technology;
8, Druzhby str., Novomoskovsk, 301665, Russia

The peculiarities of business are defined by the key characteristics of the society in which it is carried out. The aim of the article is the investigation of the social regulation of modern entrepreneurship. To understand the essence of this process the main characteristics of the business as a social institution are analyzed. The factors of comprehensive cooperation of the society and business structures are defined. Great attention is paid to the issues of corporate social responsibility. When studying the identified problems the author defines the essence of social control and cooperation of society and the representatives of business. The set of mechanisms of social regulation of entrepreneurship is considered in the context of approaches to the interaction between business and modern society. The main social factors of full realization of the potential of entrepreneurship as an inseparable part of the society are identified.

Key words: business; society; social regulation; social responsibility.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Сафонов К.Б. Социальные механизмы регулирования предпринимательской деятельности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 25–30.

Please cite this article in English as:
Safonov K.B. Social mechanisms of business regulation // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 25–30.

УДК 316.42:316.26:167

РЕГУЛЯТИВНОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ МАТЕРИИ*

Чумаков Валерий Александрович
инженер
606000, Дзержинск
e-mail: va-chumakov-f@mail.ru

В исследовании использован обобщенный ментально-цивилизационно-формационный метод анализа общества. Представлен механизм общественного развития, выражающийся в регулятивном взаимодействии общественного сознания и общественного бытия. Обосновается выделение общественного сознания в качестве категории формы способа производства. Найдено, что противоречие между совокупным общественным сознанием господствующих и починенных классов и содержанием способа производства, возникающее в период формационных изменений, приводит к смене социально-экономических отношений. Отмечен различный характер регулирования формационной и цивилизационной составляющих общества.
Ключевые слова: ментальная, цивилизационная и формационная составляющие общества; регулятивное понимание истории.

Обозначим кратко используемую нами систему понятий обобщенного МЦФ-анализа при исследовании социально-экономического развития общества. Она делится на ментальную (М), цивилизационную (Ц) и формационную (Ф) составляющие (компоненты) общества. Основой *цивилизационной составляющей* являются производительные силы, техника, технология, разные науки, все сферы деятельности: образование, медицина, искусство и т.д., а также собственные идеальные структуры в виде индивидуального и коллективного разума, что свидетельствует о ее относительной ее самостоятельности. В основе *формационной компоненты* лежат материальные социально-экономические (производственные — по Марксу) отношения, а также политическая и правовая сферы деятельности и связанные с ними социальные институты. Имеющиеся идеологические структуры антагонистических классов состоят в постоянном информационном противоборстве. *Ментальная составляющая* является идеальной, духовной основой общества, включает мировоззрение, убеждение, общественное мнение, нравственность, волевые, интеллектуальные и другие психические качества, присущие общественному сознанию [3]. Хотя ментальная компонента взаимодействует с цивилизационной, но основное ее воздействие направлено на формационную составляющую общества. Общественное бытие представляет совокупность цивилизационной и формационной составляющих общества, или по-другому — способ производства.

* * *

Существующее понимание исторического процесса можно разделить на три субстанционных подхода. Одним из первых был сформулирован *идеалистический подход*, представители которого считают сознание людей, идеи, мировой дух конечной причиной всех общественных явлений, исторических событий, социальных процессов. Представители *натуралистического подхода* в качестве первоосновы жизни и развития общества выбирают природные факторы (климатические условия, географическую среду, биологические и расовые особенности людей). К. Маркс, проведя критический анализ метафизического, фейербаховского материализма, разработал *материалистический подход к анализу общества*, или материалистическое понимание истории, которое переносит материалистическое решение

*Мнение членов редколлегии отличается от мнения автора статьи.

© Чумаков В.А., 2014

основного вопроса философии в сферу социальных явлений истории человечества.

Основное содержание материалистического понимания истории в предельно сжатой форме представил Маркс в предисловии к «К критике политической экономии» (январь 1859 г.). Он понимал причины исторического развития следующим образом: «Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями… Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [1, с. 6]. Можно сказать, что первые два предложения — «начальная часть» материалистического понимания истории. Из них следует, *что материальное бытие является главным в связке бытие — сознание, поскольку, на наш взгляд, глагол «обуславливает» и использованный дважды глагол «определяет» обозначают жесткую заданность сознания бытием, фактически исключая обратное воздействие сознания на бытие.* В последующей части цитируемого текста отражены процессы, *от которых зависит формационное развитие общества — противоречия между производительными силами и социально-экономическими отношениями, обусловливающие «социальную революцию».* Однако, по нашему мнению, как в предисловии, так и в содержании всей книги они не получили доказательного подтверждения.

Секрет перехода к такому сугубо материалистическому пониманию развития человеческого общества раскрыт в статье Энгельса «Карл Маркс. К критике политической экономии», вышедшей через полгода после публикации рассматриваемого предисловия. *«Положение, что сознание людей зависит от их бытия, а не наоборот, кажется простым; однако… обнаруживается, что это положение уже в первых своих выводах наносит смертельный удар всякому, даже самому скрытому идеализму»* [5, с. 491]. Может быть, это соотношение было действительно простым в отношении первых людей, когда их действия были подчинены реальностям окружающего мира и коммунистической справедливости уравнительного первобытного общества. Но, на наш взгляд, уже в процессе его разложения и дифференциации, развития имущественного неравенства, выделения из общей массы властных индивидуальностей взаимоотношение сознания и бытия постепенно усложнялось, выдвигая на первое место мышление. Оно же оказалось основным в процессе дальнейшего формирования различных ремесел, покорения водных просторов, а в XX в. небесного и космического пространства. Бытие указывало возможное направление, но выбор пути стал принадлежать человеку, определяя его действия и поступки.

Понимание реальных причин эволюции социальной материи приходит в результате исследования процесса ее становления, как продолжение развития неживой (косной) и живой материи. На Земле около 4 млрд. лет назад в процессе взаимодействия различных факторов косной материи сложились условия возникновения жизни. Эволюция живой материи привела к появлению разнообразных классов растений и животных. Природа, внешние условия, «бытие» определяли как эволюцию, так и поведение живых организмов, обеспечивающее сохранение жизни, питание и продолжение рода. Результатом этого развития стало появление человека разумного. К косной и живой материи добавилась материя социальная. Человек, обладая органами чувств, развитым головным мозгом и сильными передними конечностями, позволяющими трудиться, стал во все большей степени вмешиваться в свое бытие. В нем чудесным образом соединилось идеальное: сознание, мышление и материальное, которое своими действиями преображало природу согласно своему пониманию безопасного и комфортного существования. Системный подход дает возможность определить, что *преображение происходило в результате взаимодействия сознания человека и его окружения — бытия, в которое входили как природные, так и социальные условия. Взаимодействие представляло естественно организованную систему регулирования.* Человек являлся регулятором (субъектом регулирования) бытия — предмета (объекта) регулирования, между которыми действовали каналы прямой (управляющей) и обратной (информационной) связи. *Появился замкнутый процесс регулятивного взаимодействия сознание — бытие.* Характер этого взаимоотношения с течением времени менялся, дойдя до того, что человек своими действиями стал превалировать над природой, изменяя ее в соответствии со своими нуждами. Человек начал определять свое бытие.

Саморазвитие общественного бытия без сознательного, творческого вмешательства человека невозможно, в противном случае человечество до сих пор находилось бы в первобытном состоянии или бы вымерло, не сумев преодолеть сопротивление природы, жестоких условий естественного отбора. Человек сумел преодолеть все препятствия. В процессе исторического развития все материальные изменения в обществе происходили под воздействием сознания и интеллекта человека. Объективный анализ общества позволяет заключить, что его развитие происходит в результате множества субъективных социально-экономических актов взаимодействия сознания отдельных лиц с окружающим бытием. *Бытие информирует человека о своем состоянии, а его сознание производит выбор предпочтительного варианта действия из нескольких возможных, определяя и регулируя изменение бытия.* Бытие обозначает лишь границы, *в которых могут происходить действия, выбранные сознанием*. В синергетике подобное состояние называется *точкой ветвления*, в которой происходит *альтернативный выбор* последующего движения системы. *Возникает замкнутый процесс регулирования — регулятивная взаимосвязь, взаимодействие сознания человека и окружающего бытия.* В масштабах общества индивидуальные процессы взаимодействия сознания и бытия переходят в свое массовое состояние — регулятивное взаимодействие общественного сознания и общественного бытия [4].

Исследование становления и развития социальной материи указывает на первое з*аблуждение* материалистического понимания истории, которое кроется в тезисе «бытие определяет сознание». По нашему мнению, *определять, обуславливать материя способна живую материю, но никак не человека*. Все люди участвуют *в регулятивном взаимоотношении с их частным бытием*, активно воздействуя на него. Однако большинство людей довольствуются *существующим общественным бытием*, частично подтверждая мысль Маркса, что оно определяет их сознание. Вместе с этим *психологи утверждают, что среди людей имеется примерно 10–15 % личностей, остро воспринимающих действительность, сомневающихся, которые видят недостатки общественного бытия и способны бороться с ними.* В их число входят изобретатели, ученые, политики, лидеры политических партий, общественные деятели, предприниматели и т.п. Эти люди рассматривают бытие как арену своей активной деятельности. *Идеальная деятельность отдельных личностей, материализуясь, постепенно становится идеальным достоянием народных масс, основой общественного сознания, побуждая их к коллективным действиям для изменения общественного бытия.* Таких людей можно называть «прогрессорами», пользуясь известным наименованием, взятым из произведения «Трудно быть богом» братьев Стругацких. *Регулятивное взаимодействие общественного сознания и общественного бытия становится основным фактором социального развития.*

Несмотря на субъективность каждого акта воздействия сознания на бытие, общество сохраняло объективную тенденцию развития от низшего к высшему, или, анализируя историю человечества, от крайне противоположного социально-экономического положения людей, от одностороннего угнетения и эксплуатации человека человеком в рабовладельческом обществе к относительно справедливому сообществу в условиях бывшего «развитого» социализма. В ходе исторического процесса возрастающую тенденцию развития, наряду с регулятивным механизмом, обеспечивало действие известных законов диалектики (переход количества в качество, борьба противоположностей и отрицание отрицания), которые постепенно объективировали запутанный субъективными действиями значительных личностей ход истории, направляя его движение от низшего к высшему в естественноисторическом процессе развития. Объективирующее свойство диалектических закономерностей проявлялось дополнением к регулятивному взаимодействию общественного сознания и общественного бытия. Именно поэтому *субъективный характер общественного развития на сравнительно небольших промежутках времени необходимо трансформировался в объективную тенденцию нарастающего развития истории.*

Обращаясь ко второй части гипотезы К. Маркса, можно сказать, что анализ человеческой истории показывает отсутствие прямой связи между «противоречиями» производительных сил и социально-экономических отношений и наступающей «эпохой социальных революций», что, на наш взгляд, является *вторым заблуждением* сторонников материалистического понимания истории. *Было непонятно, что дает сигнал к началу социальной революции и какой закон диалектики использовался в этом случае.* К тому же *люди не чувствуют снижения темпов цивилизационного развития общества, хотя они отчетли-*

во ощущают степень своего духовного, психического и материального состояния — свободы или угнетения, эксплуатации и несправедливости, зависимых от социально-экономических отношений. Поиски чувствительного датчика и источника сигнала вновь приводят нас к психике человека и человеческого сознания вообще. Единственной структурой, способной открыть «эпоху социальных революций», является общественное сознание трудящихся масс. *Трудящиеся, составляющие неимущее большинство, ощущают несправедливость социального устройства и, осознав порочность существующих социально-экономических отношений, побуждают общество к их изменению, активизируя классовую борьбу.* Основной причиной наступления «эпохи социальных революций» является степень эксплуатации и материальные лишения народных масс, обусловленные в конечном счете формой собственности на средства производства.

С другой стороны, периодическое появление «противоречия» между производительными силами и социально-экономическими отношениями не является в общем-то доказанным. Существуют ли это противоречие, которое вызывает «социальную революцию»? По нашему мнению, *настоящие противоречия закона единства и борьбы противоположностей* действуют *между органически взаимосвязанными элементами, являющимися родственными, однородными объектами, имеющими одинаковую сущность*. В качестве примера можно привести пролетариат и буржуазию, являющихся родственными, однородными объектами. Производительные силы и социально-экономические отношения *принадлежат к различным сущностям*, хотя они и связаны человеческим фактором. Состав их неоднороден, назначение и содержание различны, в силу чего они не могут быть связаны закономерностью единства и борьбы противоположностей.

Для того чтобы обойти это препятствие, в историческом материализме появился тезис, который стал выдаваться за доказательство противоречия производительных сил и социально-экономических отношений. Он был основан на том, что в способе производства были выделены диалектические категории содержания — производительные силы и формы, состоящей из социально-экономических отношений, между которыми *согласно общим представлениям диалектического материализма возникают внутренние противоречия*. Такая расстановка диалектических категорий прекрасно ложилась на материалистическую концепцию развития общества, связанную с противоречием «развивающихся» производительных сил и «застывших» социально-экономических отношений. *Это позволило сформулировать в истмате «общий, действующий на протяжении всей истории социологический закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил», из которого следует зависимость социально-экономических отношений от развития производительных сил.* Эта закономерность исторического развития представлена во многих учебниках по философии советского периода, например, в учебнике А.П. Шептулина «Философия марксизма-ленинизма» (1970 г.), в коллективном учебнике «Основы марксистско-ленинской философии» (1982 г.), в известном учебном пособии А.Г. Спиркина «Основы философии» (1988 г.).

В начале 80-х гг. в философии исторического материализма появилось определение категорий содержания и формы способа производства, отличное от ранее использовавшихся в истмате. *Диалектический материализм требовал включать все элементы и процессы рассматриваемого объекта в его содержание,* поэтому в книге «Материалистическая диалектика как научная система», пожалуй, впервые говорится: «Исходя из определений категорий содержания и формы, нельзя считать… производственные отношения — формой производительных сил. И производительные силы, и производственные отношения являются элементами способа производства и тем самым входят в его содержание. *Произвольный вынос производственных отношений из содержания способа производства есть теоретическое обеднение его содержания»,* что, казалось бы, должно положить конец рассуждениям истмата о внутренних противоречиях производительных сил и социально-экономических отношений и их зависимости от развития производительных сил. Тем не менее, чуть ниже утверждается, что «формой же способа производства выступает связь между его элементами, т.е. та связь, которая очень четко и вполне конкретно выражается в законе соответствия производительных отношений характеру и уровню развития производительных сил» [2, с. 197]. Фактически в теории сохранилась зависимость социально-экономических отношений от производительных сил и возможность появления между ними противоречий, якобы побуждающих способ производства к развитию. Научное разделение истматом способа производства на диалектические катего-

рии, к сожалению, не *привело к изменению закона о «соответствии социально-экономических отношений уровню и характеру развития производительных сил»*. Может ли неопределенное и «бесконфликтное» понятие «соответствие» являться причиной связи, скрепляющей воедино производительные силы и социально-экономические отношения, что должно быть свойственно форме способа производства? *Анализ показывает, что «соответствие» не может определять связь между элементами содержания, поскольку оно является следствием взаимосвязи элементов содержания, следствием функционирования некоей реальной формы, как причины, организующей единый целостный объект.* Не подтверждается, на наш взгляд, и общее положение диамата *о наличии внутренних противоречий между диалектической формой и содержанием*, которое было выбрано истматом в качестве движущей силы развития способа производства.

Создание человеком или формирование природой объекта косной материи связано с воздействием внешних сил, в результате чего происходит одновременное и согласованное появление категорий содержания и формы. Образование объектов косной материи не приводит к появлению противоречия между его содержанием и формой. *Изменение объекта также происходит при воздействии некоторой внешней силы, которая одновременно изменяет его содержание и форму.* На наш взгляд, следует признать, что с*аморазвития в смысле взаимодействия содержания и формы в предметах косной материи не существует.* Элементы развития появляются с уровня живой материи, благодаря наличию генетического механизма наследственности, *определяющего* как существование, так и необходимое возрастное развитие организма.

Реально саморазвивающимся видом материи, в котором может появиться противоречие между формой и содержанием, приводящее к изменению содержания, является социальная материя. Памятуя о том, что человек является существом дуальным, включающим как материальную, так и идеальную составляющие, позволяющие ему творчески подходить к изменению бытия, определим его диалектические категории содержания и формы. В содержание входят органы, клетки, молекулы ДНК, физиологические процессы и другие материальные образования. В форму необходимо входят расположение клеток и органов, процессы, связанные с генетическим механизмом развития и поддержания гомеостаза организма, а также *функционирование головного и спинного мозга*, поддерживающих как внутреннее взаимодействие органов человека, так и его взаимодействие с окружающим миром. *Идеальная составляющая: сознание, мышление, подсознание головного мозга, поддержанное «деятельностью» спинного мозга, становится по мере взросления главной частью формы человека.* Эта часть формы заботится о целостности своего организма, взаимодействуя с болевыми сигналами, поступающими от него, а также от окружающего мира, препятствуя его преждевременной кончине. Перенесем эту азбучную истину на большие социальные структуры: семью, различные социальные организации, на общество в целом, наконец. Что в них является формой? Еще Маркс говорил, что идея, овладевшая массой, становится материальной силой. На наш взгляд, это означает именно то, *что идеальное является фактором, от которого зависит сплоченное поведение людей.* Коллективное сознание, основанное на информационно-ментальных процессах, играет роль формы общественной организации, способной изменить ее содержание. Единство социальных образований определяют не финансы, не оборудование и технологии, которые относятся к содержанию, *а идеальная воля и желания людей, воплотившиеся в форму и зафиксированные в учредительных документах*.

Рассматривая семью — минимальную ячейку общества, — следует включить в содержание всех ее членов, финансы, недвижимость, прочие вещи и принадлежащие ей документы. Формой, скрепляющей семью, оберегающей ее от распада, следует считать *психические, идеальные качества людей*: любовь, духовную близость, «зов родной крови», заботу о детях, заботу детей друг о друге и о родителях, в конце концов, материальный интерес. Психологический климат в семье, ее форма являются основной составляющей семейного счастья. Она обеспечивает согласованные отношения между членами семьи. *Перемены в семье могут происходить исключительно по причине изменения ее формы, связывающей элементы содержания, и способной изменить целостность объекта, в случае появления у людей противоречивых чувственных составляющих формы, зависимой от ее регулятивного взаимодействия с бытием.* Появление противоречий между составляющими элементами формы приводит к противоположности между ней и категорией содержания семьи. *Эта противоположность и определяет изменение семьи, включая возможный ее распад.* В социаль-

ной материи форма вследствие своего саморазвития получает возможность определять изменение элементов содержания.

В таком социальном объекте, как общественная организация или политическая партия, содержанием являются все члены организации, документы, имущество. Категорию формы составляют воля, общие убеждения, идеологические и материальные интересы членов сообщества. Наличие партии и ее устойчивость зависят от сохранения объединяющего духа — формы организации. Наглядным примером негативного влияния утраты единства формы является история КПСС в последний период своего существования, что привело к развалу Советского Союза. В этом сказалось появление противоположных идеологических и материальных интересов членов компартии, особенно в ее руководящем звене.

Материальное в обществе — общественное бытие, способ производства связаны, как и в человеке, с идеальным — общественным сознанием, ментальной составляющей общества, которое не только скрепляет, связывает, но еще и регулирует бытие. К содержанию способа производства следует отнести производительные силы и социально-экономические отношения [2, с. 197]. Что же «склеивает» их и дает возможность развития способа производства, что является его формой? Главными компонентами производительных сил и социально-экономических отношений являются люди, обладающие сознанием, которое в массовом масштабе трансформируется в общественное сознание, регулятивно взаимодействующее с общественным бытием, включающим способ производства. *Общественное сознание обеспечивает поддержание способа производства, как экономической структуры, отвечающей за жизнь и судьбу людей в каждой формации, являющиеся формой способа производства.* В каждом социуме общественное сознание расколото, как минимум, на сознание трудящихся и сознание хозяев средств производства, которые являются противостоящими структурами, вовлеченными в диалектическую закономерность единства и борьбы противоположностей. Разделение общественного сознания как *формы способа производства дает возможность каждому классу на основе регулятивного механизма взаимодействия общественного сознания и общественного бытия* определять *свою линию поведения в развитии способа производства.* Буржуазии необходимо сохранение угнетения и эксплуатации людей, извлечения максимальной прибыли, трудящимся массам — достижение справедливого и равноправного общества, свободного от эксплуатации человека человеком. *Это противоречие лежит в основе развития способа производства и в первую очередь в развитии социально-экономических отношений.*

Изменение содержания способа производства зависит от развития соотношения общественного сознания, принадлежащего противостоящим классам, которое *определяет* характер классовой борьбы, являющейся инструментом, изменяющим его содержание. *В стационарном периоде развития суммарное действие раздвоенного общественного сознания поддерживает единое, устойчивое содержание способа производства.* В этих условиях между противоположными «частями» общественного сознания устанавливаются отношение паритета, как следствие некоторого равновесия в противостоянии биполярной формы способа производства. Когда происходит количественное изменение соотношения общественного сознания противостоящих классов в пользу угнетенного класса, образуется качественно новое совокупное общественное сознание, которое обеспечивает появление противоречия между новым общественным сознанием и существующим общественным бытием, создавая революционную нестационарную ситуацию.

Нарушение формационного равновесия противоречий общественных сознаний противостоящих классов приводит к тому, что *совокупное общественное сознание как форма способа производства становится противником существующего содержания*, вызывая обострение классовой борьбы и начало социальной революции, которая при благоприятном стечении субъективных и объективных обстоятельств приводит к качественному изменению социально-экономических отношений. Замена их дает возможность развития производительных сил общества в условиях новой общественно-экономической формации. *Радикальное противоречие между совокупной формой и содержанием способа производства, появившееся в предреволюционных условиях, исчезает.* Формация начинает новое квазистационарное развитие, постепенно накапливая появляющиеся противоречия в общественном сознании для достижения нового соотношения классовых сил, необходимого для следующей смены социального устройства. Теоретическое обоснование *процессов формационного регулятивного развития* подтверждается многочисленными историческими примерами развития рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической

формаций. В связи с этим, по нашему мнению, *следует признать известный закон развития материального производства в виде соответствия элементов содержания не отвечающим сути происходивших исторических событий.*

Регулирование цивилизационной и формационной составляющих общества имеет существенные различия. *Для изменения существующей в обществе формы собственности на средства производства требуется задействовать максимально возможный объем общественного сознания неимущих масс для количественного преобладания над общественным сознанием имущих масс, что приводит к значительному замедлению и накопительному, прерывистому характеру процесса смены формации.* Общественное сознание неимущего класса через индивидуальных лиц воспринимает степень эксплуатации и унижения, и, по мере превращения количества противоборства и ненависти к угнетателям в действенное, решающее качество классовой борьбы, изменяет социально-экономические отношения, снижая уровень эксплуатации. *Регулирование объектов бытия цивилизационной компоненты общества производится множеством внутренних локальных схем управления небольшого масштаба: отрасли, компании, предприятия, института, лаборатории*. В соответствии с этим сужается регулирующее воздействие общественного сознания, основной сигнал о возможности роста цивилизационной составляющей поступает от новой формационной составляющей. После ее реального изменения локальные регуляторы производительных сил, получая дополнительную свободу действий, способствуют их быстрому количественному и качественному росту. Большое значение отводится непосредственному лидеру социального объекта и его команде — главным элементам регулятора производительных сил. Процесс регулирования в основном не выходит за рамки цивилизационной составляющей, прогрессивное изменение формационной компоненты лишь побуждает к увеличению темпов развития производительных сил.

История человечества находит свое объяснение в действии формационного регулятивного развития. Особенно наглядно, осознанно и организованно происходила социальная революция в процессе замены феодализма капитализмом. Деятельность «прогрессоров», составляющих, те 10–15 %, которые, остро воспринимая действительность, способствовали изменению общественного сознания неимущих, эксплуатируемых масс, начинающих понимать несправедливость и порочность существующих сословных социально-экономических отношений, побуждая феодальное общество к изменению, активизируя классовую борьбу. Изменение суммарного общественного сознания в результате регулятивного взаимодействия с бытием подчинялось *диалектической закономерности накопления — перехода количества в качество*. Когда народному терпению пришел конец, *наступил количественный скачок в общественном сознании трудящихся, как формы способа производства, который посредством закономерности единства и борьбы противоположностей, существующей между общественными сознаниями имущих и неимущих классов, привел к качественно новому состоянию совокупного общественного сознания*. В нестационарных революционных условиях *форма стала противником содержания феодального способа производства, что привело к началу активного периода классовой борьбы, череде буржуазно-демократических революций и смене социально-экономических отношений, к изменению формационной составляющей общества* — установлению капитализма. *Анализ общественного развития показывает, что в основном производительные силы соответствуют имеющимся социально-экономическим отношениям, которые определяют их уровень и характер развития.* Появляющиеся иногда технические и организационные новшества, опережающие время, не соответствующие социальным запросам, существующим социально-экономическим отношениям, обычно не принимались обществом. Этому есть множество примеров, взять хотя бы неудачную попытку Р. Оуэна с организацией в XIX в. коммунистических производственных общин.

Подводя итог исследованию процесса общественного развития, можно утверждать, что регулятивное понимание истории *преодолевает односторонность* как идеалистического, так и материалистического взглядов на общественное развитие. Эволюция человечества происходила в результате суммарного действия взаимосвязанных процессов: *регулятивного взаимодействия общественного сознания и общественного бытия; воздействия совокупного общественного сознания как формы способа производства на его содержание в процессе формационного регулятивного развития; а также проявления диалектических закономерностей развития.* Регулятивное понимание истории на основе обобщенного формационного анализа позволяет с максимальной достоверностью производить исследование развития человеческого общества и его прогнозирование.

Список литературы

1. *Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. Т. 13. С. 1–167.
2. *Материалистическая* диалектика как научная система / под ред. проф. А.П. Шептулина. М.: Изд-во МГУ, 1983. 295 с.
3. *Чумаков В.А.* К вопросу формационно-цивилизационного анализа общественно-экономических систем // Законы экономической сферы общества: материалы 9-й Междунар. нижегородской ярмарки идей (34-й академ. симпозиум). Н. Новгород: Издатель Гладкова, 2006. С. 138–142.
4. *Чумаков В.А.* Регулятивный механизм развития общества // Новые идеи в философии. Вып. 21: Философия как инновационный фактор науки и образования / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2013. Т. 2. С. 35–41.
5. *Энгельс Ф.* «Карл Маркс. К критике политической экономии» // К Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. Т. 13. С. 489–499.

Получено: 10.04.2014.

References

1. Marx K. *K kritike politicheskoj jekonomii* [A Contribution to the Critique of Political Economy]. *Marx K., Engels F. Sochineniya. Tom 13* [Oeuvre. Vol. 13], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury Publ., 1959, pp. 1-167. (In Russian).
2. *Materialisticheskaya dialektika kak nauchnaya sistema* [Materialist dialectics as a scientific paradigm]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ.,1983, 295 p. (In Russian).
3. Chumakov V.A. [Revisiting formation and civilization analysis of social and economic system]. *Zakony jekonomicheskoj sfery obschestva*: *materialy 9-j Mezhdunar. nizhegorodskoj jarmarki idej (34-j akadem. simpozium)*. [Laws of economic sphere of the society: Proceedings of the 9th international ideas fair of Nizhny Novgorod (34th academic symposium)]. Nizhny Novgorod, 2006, pp. 138–142. (In Russian).
4. Chumakov V.A. [Regulatory tool of society development]. *Novye idei v filosofii. Filosofiya kak innovatsionnyj faktor nauki i obrazovaniya, Materialy vserossijskoj nauchnoj konferentsii. Tom 2* [New ideas in philosophy. Philosophy as an innovative factor of science and education, proceedings of all-Russian scientific conference. Vol. 2], Perm, 2013, no 21, pp. 35–41. (In Russian).
5. Engels F. *Karl Marx. K kritike politicheskoj jekonomii* [Karl Marx. A Contribution to the Critique of Political Economy]. *Marx K., Engels F. Sochineniya. Tom 13* [Oeuvre. Vol. 13], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury Publ., 1959, pp. 489–499. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 10.04.2014.

REGULATORY DEVELOPMENT SOCIAL MATTER

Valeriy A. Chumakov

Dzerzhinsk, 606000, Russia

The article is devoted to the study of the social sphere. Civilization-formation method of analyzing society is offered for it's study. Analysis showed insufficiency of the evidence. The mechanism of social development that manifests itself in the regulatory interaction of public consciousness and social existence. Explain the rationale for the allocation of public consciousness as a form categories mode of production. It is found that the contradiction between total public consciousness haves and have-nots classes and content of a mode of production, which develops in the period of formation of change leads to a change of socio-economic relations. Marked by a different nature of the regulation of the structural components of society and civilization. *Key words*: mental, civilizational and formational components of society; regulatory understanding of history.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Чумаков В.А. Регулятивное развитие социальной материи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 31–38.

Please cite this article in English as:
Chumkov V.A. Regulatory development of social matter // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 31–38.

УДК 111.82

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СООТНОШЕНИЯ БЫТИЯ И НЕБЫТИЯ В ОПЫТЕ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ И НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Красильников Владимир Анатольевич

помощник директора
Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского (Приволжского) федерального университета
423812, Республика Татарстан, Набережные Челны, ул. Мира, 68/19
e-mal: vlkrnch@mail.ru

В статье рассматривается вопрос соотношения основополагающих философских понятий бытия и небытия, диалектически связанных и одновременно разъединенных сущностными характеристиками содержания. В работе проводится мысль, что данные категории не вступают между собой в противоречие, а дополняют друг друга в гносеологическом смысле. На фоне анализа отдельных философских концепций предпринимается попытка доказать взаимное существование бытия и небытия без обоюдного отрицания, при этом оставляется открытым для дальнейших исследований вопрос первопричинности и приоритетной значимости каждого из субъектов этих отношений. Представленный историко-философский анализ логического обоснования соотношения обоих понятий предметно дополняет объективно существующие связанные с ними противоречия и проблемы.

Ключевые слова: бытие; небытие; отрицание; не существование; онтология; нонэссеология; диалектический метод; ничто; нечто.

Мы часто задаемся вопросом бытийности, анализом содержания, значимости бытия, разворачивающегося вокруг нас. Причин и объяснений этому множество. С давних времен имеет место утверждение, что бытие есть основополагающий термин философии, на который надстраивается вся картина познания мира, а также возможности или невозможности этого познания. Выражаясь словами одного из современных зарубежных философов, «это вопрос, к которому мы всегда будем возвращаться, вопрос, на который мы уже ответили, прежде чем ответить на другие вопросы» [26]. В традиции европейской философии, имеющей античные корни, принято считать, что онтологически различные значения бытия являются причинными, исходными категориями познания. Первыми это отметили древнегреческие мыслители, которые сформулировали исходные тезисы о бытии как таковом. Одновременно появляются оформленные трактования противоположной категории — небытия, точнее, утверждения о невозможности его познания или содержании его элементов внутри бытийных объектов.

Так, с точки зрения Парменида, наиболее известного представителя элейской философской школы, бытие существует само по себе, безотносительно к чему-либо внешнему или иному, оно не возникает из «ничего» и не может исчезнуть в «никуда», т.е. находится в неизменном состоянии, тождественно самому себе. Парменид наделил бытие качествами единства, неделимости и одновременно противопоставил его миру субъективных представлений (мнений) [см.: 1, с. 97]. На данном примере можно предположить, что элеаты представляли бытие как объективно существующую реальность, независимую от воли человека.

В тот же период формируются очертания и тезисное содержание логически противоположной бытию философской категории — небытия. Известно, что многие античные философы приписывали небытию свойства несуществующего, вследствие чего о нем нельзя было ни мыслить, не говорить, т.к. это невозможно делать в отношении того, чего не существует. Исследователи приписывают тому же Пармениду формулу: «Бытие есть, небытия нет». Ее объяснение выглядит следующим образом: «То, чего нет нельзя ни познать, ни изъяснить. Ибо мыслить — то же, что быть… Можно лишь говорить и мыслить, что есть; бытие ведь есть и ничто не есть» [11, с. 296].

© Красильников В.А., 2014

Отрицание существования небытия является ключевым пунктом в нонэссеологии Парменида. Данное отрицание есть небытие небытия, которое в свою очередь является бытием отрицания небытия. Это «Бытие отрицания небытия» есть базовый тезис диалектики проблемы небытия в истории философии Древней Греции [2]. Таким образом, Парменидом были заложены изначально жесткие, непримиримые свойства позиции обоснования бытия. Вместе с тем даже вся однозначность этой позиции не могла полностью исключить противоположные (параллельные) суждения или допущение их возможности.

В отличие от элеатов, Платон допускал, что если принять за неподвижное и неизменное одно лишь бытие, то его познание становится невозможным, т.к. оно предполагает взаимодействие между познаваемым и познающим. Вместо категорического противопоставления бытия небытию, как это делали элеаты, Платон ввел дополнительное понятие «иное», которое выступает как частная антитеза бытию. Иное у Платона «нисколько не меньшее бытие, чем само бытие, оно не обозначает противоположного бытию, но лишь указывает на иное по отношению к нему» [6, с. 365]. Здесь иное есть сущность, дополнительная к бытию, однако бытие при этом первично. В своих рассуждениях относительно бытия (соотношения бытия-небытия) Платон отходит от метафизического монизма Парменида. В обосновании отношения бытия с приданными категориями (иным), опора на умозрение становится недостаточной и возникает необходимость апелляции к физическим прообразам (чувственным данным). Это в достаточной мере соотносится с содержанием выведенной категории «иное», т.к. позволяет взглянуть на бытие с несоотносящихся с ним позиций. О небытии как таковом речь пока не идет, его осмысление с помощью «иного» означало бы допущение параллельного существования с бытием.

Вместе с тем в философии Древней Греции нашлись формы, где существование небытия допускалось, хотя бы потому, что, кроме небытия-пустоты, в рассматриваемом субъекте больше ничего нет. Философы-атомисты Левкипп и Демокрит, изучая соотношение двух противоположных инстанций, как известно, наделили атомы свойствами бытия, а находящуюся между ними пустоту — свойствами небытия. Характеризуя точку зрения атомистов, известный российский философ А.Н. Чанышев утверждал, что для них «мир в целом — беспредельная пустота, наполненная многими мирами, число которых беспредельно» [23, с. 246].

Фактически атомисты определяют небытие как возможность для движения атомов, возможность для существования имманентного сущего (чувственно воспринимаемого мира) или просто как возможность. Но если быть более точным, то в атомистическом учении под отсутствием, не существованием чего-либо просматривается категория «ничто». Коренное отличие небытия от ничто в философии Левкиппа–Демокрита состоит в том, что, если ничто есть возможность для возникновения чувственно воспринимаемых явлений, то небытие — это возможность возникновения самого чувственно воспринимаемого мира и миров, находящихся за пределами чувственной области. А потому небытие, будучи само по себе сущим, является еще и условием существования вообще [см.: 3, с. 21]. В этом предположении присутствуют элементы соприкосновения с учением Платона о физических, чувственных прообразах, однако у атомистов они выступают как основание для такого восприятия. Следовательно, ими допускается возможность «помыслить» о небытии, что в основании расходится с учением Парменида.

В отличие от Демокрита, Левкипп полагал, что у него есть доводы, которые согласуются с чувственным восприятием и не отрицают ни возникновения, ни уничтожения, ни движения, ни множественности существующего. Он утверждал, что движение не может быть без пустоты, что пустота есть небытие и ничто из существующего не есть небытие. «Ведь подлинно сущее есть совершенно полное бытие. Но оно не едино, а есть бесконечное множество частиц, невидимых из-за малости своих размеров» [1, с. 8].

Демокриту опытным путем удалось доказать, что пустоты (частички небытия) существуют не только в воображаемом атомарном, но и в реальном, природном мире. Это лишь укрепило позиции атомистов и их последователей в различении признаков бытия и небытия. Тем самым для физического, чувственного восприятия становилось вполне допустимым объективное существование двух рассматриваемых противоположностей, а также возможность такого существования, взаимного присутствия в одном предметном поле, какими бы свойствами оно не обладало. Таким образом, атомисты сделали первый шаг к возможности рассмотрения «изнанки бытия», поставили небытие «в один ряд с бытием и свели к физиче-

ской пустоте, т.е. как бы подменили субстанцию модусом» [22, с. 159].

Характеризуя положения, выдвинутые атомистами, Аристотель и атомы и пустоту называл материальными причинами существующего. При этом Александр, ссылаясь на Аристотеля, говорил, что, согласно Демокриту, атомы и пустота существуют в равной мере в каждой части чувственно воспринимаемых вещей [см.: 12, с. 251]. Аристотель, возможно, указывает на противоречивость точки зрения Демокрита. С одной стороны, Демокрит принимает, во-первых, что никакая вещь не может возникнуть из ничего и, во-вторых, что пустота нечто несуществующее. Однако, с другой стороны, он утверждает, что «все возникающее не в меньшей мере состоит и возникает из пустоты, чем из полного» [12, с. 266]. В этом случае, как видно, Демокрит допускает возможность возникновения телесного из несуществующего [20].

Здесь мы видим очередное полемическое противоречие поставленной элеатами философской проблемы возможности существования небытия. Но такая возможность (вероятность) в древнегреческой философии ограничивается атомарной пустотой. Тезисы о более широкой природе изучаемого явления будут развиты учеными в последующие эпохи, в Античности же мы наблюдаем признаки возникшего своеобразного «комплекса неполноценности» бытия из-за появившихся зачатков сомнения в его абсолютности и первичности, отсутствия оформленного антагонистического понятия.

В определении рассматриваемого соотношения в рамках античной философии, на наш взгляд, оригинальной выглядит позиция наиболее известных представителей софистики Протагора и Горгия. По мнению Аристотеля, предметом онтологического рассмотрения софистов выступала формула «бытие или ничто». В своих рассуждениях на эту тему софисты опирались на упомянутую позицию элеатов, отрицавших возможность существования небытия, точнее, мышления и изъяснения о нем. Однако софисты, в частности Горгий, пошли еще дальше, утверждая, что и бытие, и небытие одинаково не существуют: «Все только кажется, на деле же ничего нет». В своих суждениях о не существовании бытия и небытия они развивали субъективный фактор, оперируя исключительно частным мнением: «Нет ничего», «все из Небытия», «все есть мнение», «существует только так, как нам кажется» [21, с. 390].

Мнение отдельного человека выступает у софистов всеобщей мерой, а объективное существование различных понятий, в т.ч. бытия и небытия, поставлено в зависимость от этой меры. В их понимании отдельно взятый предмет (вещь, свойство, субстанция и т.п.), не воспринимаемый органами чувств человека, либо не имеет постоянных свойств, либо вовсе не существует. Накладывая на рассматриваемое соотношение бытия и небытия мировоззренческие установки интересующих софистов, необходимо отметить, что мировоззрение Протагора, основанное на динамичной субстанции Гераклита, сводилось к универсальному тезису, что относительно всякой мысли могут быть высказаны два противоположных друг другу суждения [12, с. 58–59]. В его понимании все истинно — как кому кажется, так оно и есть. С этой точки зрения существование небытия вполне допустимо, но учитывая специфику и особенности софистики, данное предположение можно доказательно как утвердить, так и опровергнуть.

Позиция Горгия, опирающаяся на метафизику элеатов, выражалась в трех фундаментальных аргументах, основным и первым среди которых становилось утверждение, что «ничто не существует», вторым — «если есть нечто сущее, то оно не познаваемо», третьим — «если даже оно познаваемо, то невыразимо и неизъяснимо» [21, с. 397]. Он учил, что все ложно, кажущееся, значит, не существующее объективно [23].

Отрицающие тезисы не означали у Горгия, что небытие существует. Этим подчеркивалось, что нельзя доказать ни того, что небытие существует, ни того, что бытие не существует, ни того, что бытие и небытие существуют вместе [23]. По его мнению, суждение «небытие существует» ложно, поскольку оно в предикате утверждает то, что отрицает в субъекте. Противоположное суждение «бытие существует» также нельзя доказать, однако в его понимании это суждение, в отличие от первого, непротиворечиво. Поэтому ложность данного тезиса доказывалась им опосредованно, путем обозначения неразрешимости проблем, связанных с фактом признания бытия (сущего) сущным [23].

Наконец, нельзя не отметить, что как и другие представители указанного направления, в доказательстве своих утверждений относительно бытия и небытия, Горгий не гнушался прямыми софизмами. Применяя их, он, прежде всего, пытался использовать в личных целях те трудности, в которые впадает разум, пытаясь построить непроти-

воречивое мировоззрение на уровне фундаментальных философских категорий.

Таким образом, в общей оценке указанных представителей античной философии бытие как объективное явление действительности оказывается тесным образом связано с такими понятиями, как «ничто» и «нечто», которые, по нашему мнению, в свою очередь являются составными понятиями противоположной категории небытия. Также при определении соотносимости рассматриваемых категорий немаловажную роль играет имеющий место в античной философии фактор не существования, отсутствия. Данные факторы выступают скорее косвенным подтверждением возможности существования небытия, чем опровержением такой возможности. Вместе с тем при внимательном рассмотрении можно заметить, что в целом философская линия рассматриваемого вопроса, идущая от Парменида («Есть бытие, а небытия вовсе нету»), отказывает небытию в онтологическом статусе, в лучшем случае — признает гносеологическую значимость категорий «небытие» и «ничто» [20].

Рассмотренные выше положения античной философии позволяют сделать определенный вывод: бытие и небытие — наиболее общее представление о некоммутативном (или асимметричном) отношении, в котором стороны этого отношения не противостоят, но дополняют одна другую, образуя разнообразные необратимые, взаимосвязанные процессы. Бытие и небытие, таким образом, не существуют раздельно, а образуют особое бинарное отношение, которое мы называем, следуя традиции квантовой механики, отношением дополнительности [15, с. 73]. Они выступают не только как предельная понятийная пара, но и как форма особого отношения. Оно в корне отличается от отношения других противоположных категорий. Положения одного из типов таких отношений, в частности, разработал древнегреческий философ Стагирит, у которого они определены относительно друг друга: «большее-меньшее», «двойное-половинное», «отец-сын», «господин-раб» и т.п. Подобное трактование демонстрирует бинарное отношение порядка, при котором изменение мест соотносимых элементов не влечет за собой потери смысла данного отношения [см.: 14, с. 48].

По нашему мнению, соотношение бытия и небытия выходит за пределы указанного порядка, оно гораздо сложнее и объемнее. Они выступают прежде всего как логически дополнительные основания мироздания. Признание первичности (причинности) одной категории означает отрицание либо вторичность другой. Однако особенность рассматриваемого отношения заключается еще и в том, что оно может носить как бинарный, так и не бинарный характер, в зависимости от выстраиваемого подхода к решению проблемы и преобладающей в данный период времени научно-философской парадигмы, влияние которой, как правило, велико.

Начиная с Нового времени бытие рассматривается в онтологической связи с составляющими небытия, если они вообще брались в расчет. В частности, Гегель, анализируя проблему единства бытия и ничто (проблему становления), признает существование ничто, а через него и — небытия: «Ничто, взятое в своей непосредственности, оказывается сущим, ибо по своей природе оно то же самое, что и бытие. Мы мыслим ничто, представляем его себе, говорим о нем; стало быть, оно есть… Ничто имеет свое бытие в мышлении, представлении и т.д.» [5, с. 162]. То есть, по мнению великого немецкого философа, оно существует субъективно. Далее он делает вывод по поводу ничто: «не оно есть, не ему, как таковому, присуще бытие, а лишь мышление или представление есть это бытие» [5, с. 162]. Ничто, по Гегелю, связано, соприкасается с некоторым бытием, не отделимо от него, находится в некотором наличном бытии.

В отличие от предшествующих эпох на современном этапе развития философии практикуются несколько иные подходы к определению соотношения бытия и небытия, в т.ч. испытывающие влияние техногенной цивилизации, но имеющие в своем основании возникшие ранее мировоззренческие установки, определения и понятия.

Среди философских концепций, освещающих в настоящее время проблематику небытия и его соотношения с бытием, особый интерес представляют позиции российских ученых — В.А. Кутырева и Н.М. Солодухо, имеющих ряд отдельных исследований в этом направлении, а также работы других авторов, чьи точки зрения перекликаются с положениями указанных концепций. Привлекательным элементом для избранного рассмотрения служит тот факт, что упомянутые авторы используют противоположные по смыслу трактовки онтологического значения небытия.

По мнению автора первой концепции, в условиях техногенной цивилизации человечество впервые столкнулось со средой, неадекватной его телесности и физической определенности, а содержанием познания стало невидимое, неощу-

щаемое, несоизмеримое с пространственно-временными параметрами. Применение электричества и магнитных полей, теория относительности, расщепление атома, изобретение компьютеров сделали нашим окружением то, что в классическую эпоху считалось нематериальным: «В существование микромира как и в бога мы верим по его проявлениям (знамениям, следам), а непосредственно ни того, ни другого никто не видел» [10, с. 16]. То есть появились новые, неведомые ранее признаки небытия или, точнее, его проявлений в виде «ничто» как отсутствия видимости и «нечто» как неосязаемого явления. Вследствие этого наука стала терять свою наглядность и по множеству свойств перестала быть «реалистической», осязаемой, эмпирически доказываемой. Одновременно стали возможны проявления небытия, по крайней мере, его трактования в указанных, а также других различных формах.

В изменившихся научных подходах физическая реальность наделяется чертами нематериальности и «невесомости», при том не в абстрактных теориях, что было бы как-то понятно, а в экспериментах [7]. Физический вакуум (ничто, пустота) приобретает свойства, когда в нем может содержаться любое «нечто». Из «ничего» может возникнуть «что-то» — формулировка, напоминающая теологическую константу, когда из небытия творится мир. С данных позиций, по мнению автора концепции, небытие видится как метафизический приоритет в сравнении с бытием. В подтверждение этого приводится своеобразная квалификация вакуума, используемая рядом исследователей: «Физический вакуум — основной метафизический элемент квантовой космологии. Он вполне соответствует библейской метафизике творения, хотя и без употребления слова “Бог”. Можно быть атеистом, считая, тем не менее, что Вселенная возникает из Ничего» [8, с. 111]. Правда, справедливости ради, можно вспомнить о предположении, согласно которому квантовая теория вакуума — попытка описания более простой — субфизической — материи [13, с. 12].

С возникновением виртуальных реальностей как одного из проявлений имманентного бытия, материальная субстанция заменяется опосредованными отношениями и функциями, в которых вовлечение человека происходит только с помощью сознания. Внутри виртуальной реальности, в которой, по мнению автора рассматриваемой концепции, в настоящее время пребывает немалое количество земного населения, материальные предметы и тела становятся как бы лишним, ненужным элементом и превращаются в ничто: «По мере того как виртуальность умножается, телесности становится все меньше, и материальные условия виртуальности все больше уничтожаются» [9, с. 70].

Внутри данного подхода развивается тезис о движении от бытия человека к «никто», которое также является своеобразным проявлением, формой небытия. Это движение отождествляется с потерей человеком своей идентичности, прежде всего в духовной сфере, передачей образующих личность функций продуктам технократической цивилизации — роботозированным системам, машинам: «Они будут судьями в суде. Они могут быть сиделками в больницах. Они будут заниматься уборкой, освобождать нас от других неприятных дел» [25]. Возникает вполне естественный вопрос о новых условиях существования человека как части уже не бытия, а небытия, который постепенно все более утрачивает свое прежнее значение и назначение, вплоть до тех пор, пока этот вопрос не принимает риторическую форму: «…куда теперь это насквозь устаревшее существо девать?» [24].

Таким образом, автор представленной концепции и ее сторонники уповают на «античеловечность», «антигуманность» небытия как деструктивного элемента, присутствующего в реальной действительности. Оно невольным образом воспринимается и впитывается мировоззрением современного человека, оказывает на него исключительно негативное влияние. Неприятие проявлений небытия как такового и каких-либо его форм ведет к существенному затруднению его рассмотрения как противоположной категории бытия, что в рамках данной концепции исключает их онтологическое соотношение.

Тем не менее, несмотря на все имеющиеся и кажущиеся противоречия, на наш взгляд, было бы полезным все же попытаться найти ключевое онтологическое обоснование соприкосновения двух интересующих нас противоположных категориальных понятий без претензиозных отрицаний и проявлений позиционной нетерпимости. Тем более что такие точки соприкосновения и зоны совместимости ранее уже были предложены.

Как нам представляется, в оценке связки бытия-небытия прежде всего необходимо исходить из объективно присутствующего понятия противоположности. Обращение к понятию «бытие» так или иначе подразумевает понятие «небытие». В истории философии в концепциях мыслителей, пытавшихся выстраивать диалектику бытия и не-

бытия, приоритет, как известно, отдавался первой категории. Из этого подхода сформировалась онтология, как одна из фундаментальных отраслей системного философского знания.

Если, к примеру, брать за исходное основание обсуждаемой проблемы человека, данный подход также представится весьма интересным. Объективно бытие распространяется на человека в проявлении его усилия для сбывания в человеческом качестве. Это означает, что бытие становится предметом волевого выбора, целеполагания человека и поддерживается его метафизической работой. И именно поэтому человек может и не быть (в онтологическом смысле), может и не сбыться [17, с. 149]. Здесь вновь проявляются, хотя и на особом уровне, признаки небытийности, а с антропоцентристских позиций — одной из форм небытия, т.е. отсутствия.

Н.М. Солодухо, автор небытийной концепции, полагает, что небытие содержит в себе момент бытия, поскольку небытие существует хотя бы потому, что его пытаются помыслить. А бытие содержит в себе момент небытия, т.к. не существует в качестве небытия. Отсюда вытекает бытийное существование или бытийное бытие и небытийное существование (небытийное бытие). К предложенной схеме в контексте рассматриваемой проблемы добавляются вопросы о бытийном не существовании (бытийном небытии) и небытийном не существовании (небытийном небытии). Используя данный подход, становится очевидным, что небытие и бытие диалектически сращены, но каково их реальное соотношение — вопрос чрезвычайно сложный [20].

Также становится понятным, что рассматривать две противоположные субстанции по отдельности в заданной проблемной плоскости исследователю весьма затруднительно. На наш взгляд, невозможно выстроить полноценную картину понимания соотношения или возможного соотношения бытия и небытия без описания противоположного явления во взаимодействии. Здесь вновь на первый план выходит диалектический метод познания и, несмотря на всю сложность вопроса, именно он как предлагаемый подход к разрешению представляет тот инструмент, который помогает интересующимся исследователям раскрыть его различные стороны.

Для уточнения понимания соотношения бытия и небытия отдельные исследователи предлагают использовать субъектный и предикативный подходы. В рамках субъектного подхода определение бытия формулируется как существующая реальность. В предикативном подходе дается определение бытия как реально существующее. Соответственно, субъектное определение небытия — несуществующая реальность, а предикативное определение — реально несуществующее. Согласно этому подходу способом существования бытия является нечто, а способом существования небытия — ничто. При этом существует различие между ничто предметным и ничто беспредметным: ничто предметное имеет направленность на предмет как таковой, на конкретный предмет бытия. Отсутствие последнего или его видоизменение приводит к предметному ничто. Ничто беспредметное не имеет ориентации на конкретный предмет бытия. Беспредметное ничто выражает отсутствие форм бытия вообще [20].

В этом же подходе составляющими элементами онтологическо-нонэссеологической связки выступают понятия относительного и абсолютного небытия. Относительное небытие присутствует в форме отсутствия в феноменологически наблюдаемом бытии. Абсолютное небытие характеризует объективное отсутствие чего-либо как такового. Определение ничто в представляемой структуре небытия также разделяется на ничто предметное, относящееся к сфере относительного небытия, и ничто беспредметное — из сферы абсолютного небытия. Относительное и абсолютное небытие представляются вполне реальными. При этом прошлое и будущее наделяются свойствами небытия, точнее, относительного небытия, а настоящее характеризуется бытийностью. Соотношение бытия-небытия имеет также пространственно-временные свойства и характеризуется следующим образом: если пространство и время принадлежат бытию, то бесконечность и вечность — достояние небытия [20].

Таким образом, в оценке соотношения бытия и небытия предложенный подход представляет безусловный интерес. В нем конкретные формы бытия имеют преходящий характер: все, что имеет свое начало (а начало имеет все), имеет и свое окончание. Небытие же, как относительное, так и абсолютное, трактуется как отсутствие, но оно есть вполне реально, есть онтологически. Однако абсолютное небытие запредельно, потусторонне, трансцендентно по отношению к бытию [см.: 20, с. 127].

С учетом всей специфики вопроса было бы неправильным оставлять без внимания другие наиболее известные подходы к изучению рассматриваемой проблемы, предлагаемые к использованию исследователями.

Так, из содержания марксистской материалистической диалектики, где положение о взаимодействии бытия и небытия развернулось в признание возможности существования двух логик — формальной и диалектической, проистекают два типа мировоззрения — метафизическое (приоритет устойчивости) и диалектическое (приоритет изменчивости). В этом контексте бытию приписывается категория устойчивости, а небытие наделено диалектической изменчивостью. Материя и бытие напрямую связываются между собой, образуя неразрывную пару. Движение признается неотъемлемой характеристикой материи, способом ее бытия. Мир представляет собой непрерывно изменяющееся, возникающее и исчезающее бытие. Изменение становится непременным атрибутом бытия.

В материалистической диалектике, таким образом, абстрактное противопоставление категории бытия, в своем сущностном качестве выражающей постоянство, вечность и идентичность вещей и категории небытия, выражающей их временность и непрерывную трансформацию в нечто иное, преобразуется в конкретное работающее противоречие [10].

По мнению компетентных исследователей, в частности, В.А. Кутырева, с наступлением периода постнеклассической науки, появлением и развитием технократического общества диалектика утратила свое влияние в мышлении вместе с заменой природы техникой, вещно-событийной среды информационно-знаковой, а образов и понятий моделями и символами. Ей на смену приходит небытийное восприятие мира. В таком контексте содержание противоречия бытие-небытие может выступать без сознательного стремления к отказу от онтологии, но вполне определенно на первый план выходит понятие становления, которое противопоставляется бытию и постепенно вытесняет его из данного противоречия. Либо бытие, либо становление — так поворачивается вопрос об их соотношении [10]. Конечный логический вывод из концепции «от бытия к становлению» означает отказ от онтологии и метафизики в пользу теории самоорганизации. Таким образом, на этом пути какое-либо продолжающееся соотношение бытия и небытия видится сторонникам представленной позиции невозможным — одно поглащается другим (небытие поглащает бытие), а его принципы становятся совеобразным догматическим инструментом воздействия на сознание и мировоззрение.

Дробление небытия на элементы и частицы пустоты выступает выражением меонизма — веры в ничто, физическое учение о пустоте, которое в данном контексте противопоставляется атомизму — учению о материи, делается его зазеркальным отображением. Представленный подход именует учение о небытии нигитологией и из него следует прямое сопоставление с онтологией, т.е. вопрос соотношения бытия и небытия проходит через два указанных структурных философских учения. Вместе с ними сопоставление, а точнее, противопоставление идет через идеализм и меонизм, с одной стороны, и материализм и атомизм с другой. Тем самым в очередной раз подчеркивается принципиальный характер философской проблемы, нити противоречия которой проходят через основные, «столповые» положения философии. Разделение имеет место также вне философии — в социокультурной среде, между деятельностью и созерцанием, культурой и природой, технологией и культурой.

Кроме того, в данной концептуальной позиции обозначается, что в современной философии и науке происходит отказ от парадигмы бытия и переход к парадигме небытия. Подобное означает отказ от приоритетности принципа тождества в мышлении и его вытеснение принципом противоречия, когда «А» не равно «А» и это отношение выражает снятие, отрицание одной формы бытия другой. Принцип противоречия лежит в фундаменте упомянутого выше движения становления, тесным образом связанного с потенциализмом и виртуализмом. Другими словами, устраняется закон тождества, на протяжении веков лежавший в фундаменте бытийной картины мира [4, с. 79].

В то же время, в так называемых небытийных подходах бытие выступает как реальность существования и онтологическая противоположность небытия — реальности отсутствия. С точки зрения «философии небытия» мир бытия понимается как гигантская флуктуация в онтологически неопределенном океане небытия [19]. По другой версии данной трактовки бытие возникает как результат собственного отрицания или аннигиляции небытия. Бытие есть самоуничтожение или самоуничтожающееся ничто. Однако в рамках небытийных концепций данное выражение бытия к проявлениям небытия не исключает обратного процесса: самоуничтожение, аннигиляция бытия приводит к небытию, к ничто [см.: 18, с. 180].

При анализе указанных подходов, становится очевидным, что ключевыми понятиями в трактовке изучаемого соотношения являются «отри-

цание» и «не существование», выступающие как связующее звено в соотношении бытия и небытия, пусть и с отрицательным значением. Использование данных понятий открывает прямую категориальную зависимость, определяющую указанное соотношение: бытие как отрицательность есть не существование небытия (небытие небытия) [22]. Следовательно, бытие включает в себя не существование как момент отношения к своей противоположности — небытию.

Как видно, различные, зачастую противоположные концепции и точки зрения весьма расходятся в понимании возможности или невозможности онтологического (нонэссеологического) соотношения бытия и небытия. Истоки подобного противоречия или проблемы восходят к античной философии. Но если в ней противоречие (проблема) выстраивалось в основном вокруг атомарно-пустотной концепции, то в более позднее время поле проблемности вопроса существенно расширилось, а на современном этапе приняло критический характер.

На наш взгляд, несмотря на все неприятия, отрицания и противопоставления вокруг антагонистической пары бытия-небытия, их соотношение во внефизическом, нематериальном, неосязаемом смысле вполне допустимо. Историко-философский анализ представленных концепций показывает, что искомое соотношение выстраивается вокруг диалектического принципа единства и противоположности. В силу своей специфики диалектический метод позволяет создавать условия для рассмотрения подобных соотношений. Существуя независимо друг от друга, бытие и небытие объективно не могут не вступать в соотношение, хотя бы потому, что даже отрицание или взаимоотрицание уже предполагает условия для этого соотношения. Основную сложность представляет вопрос, как это соотношение происходит. Важным условием решения проблемы является не отбрасывание предлагаемых вариантов и категориальных установок, пусть даже взаимоисключающего характера, а принятие их во внимание для последующей выработки соответствующих подходов, необходимых для хотя бы минимального разрешения накопленных противоречий.

Список литературы

1. *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
2. *Богомолов А.В.* Нонэссеология Парменида и формирование тезиса в диалектике проблемы небытия в истории философии Древней Греции // Credo new. 2010. № 4. С. 17–27.
3. *Богомолов А.В.* Разделение категорий «Ничто» и «Небытие» в философии Демокрита. К обоснованию необходимости нонэссеологии // Credo new. 2012. № 1. С. 21–30.
4. *Гайденко П.П.* Искушение диалектикой: пантеистические и гностические моменты у Гегеля и Вл. Соловьева // Вопросы философии. 1998. № 4. С. 79–84.
5. *Гегель Г.* Наука логики. Соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 501 с.
6. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учении и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 571 с.
7. *Жданов Г.Б.* О физической реальности и экспериментальной «невесомости» // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 101–107.
8. *Захаров В.Д.* Метафизика в науках и природе // Вопросы философии. 1999. № 3. С. 111–117.
9. *Крокер А.*, Вайнштайн М.А. Политическая экономия виртуальной реальности: панкапитализм // Виртуальные реальности и современный мир (Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 3). М., 1997. С. 70–78.
10. *Кутырев В.А.* Оправдание бытия (явление нигитологии и его критика) // Вопр. философии. 2000. № 5. С. 15–18.
11. *Лебедев А.В.* Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. 1. 576 с.
12. *Лурье С.Я.* Демокрит: Тексты, перевод, исследования. Л.: Наука, 1970. 664 с.
13. *Орлов В.В.* XXI век и проблема научности философии // Вестнк Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. № 1. С. 4–13.
14. *Попов В.Г.* Главная симметрия природы. СПб.: Анатолия, 2005. 280 с.
15. *Попов В.Г.* Природа и разум. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 347 с.
16. *Родзинский Д.Л.* Небытие и бытие сознания в ранних формах индийской, китайской и греческой философии. М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2006. 280 с.
17. *Сайкина Г.К.* Человек — бытийное или социальное существо? // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 1. С. 147–156.
18. *Солодухо Н.М.* Бытие и небытие как предельные основания мира // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 176–184.
19. *Солодухо Н.М.* Небытийная основа Вселенной: флуктуационная концепция бытия // Космическое пространство в науке, философии и богословии: материалы VII Междунар. семинара. СПб., 1994. С. 93–95.

20. *Солодухо Н.М.* Понимание онтологического статуса небытия // Известия КГАСУ. 2006. № 1(5). С. 126–128.
21. *Трубецкой С.Н.* Метафизика в Древней Греции. М.: Мысль, 2003. 592 с.
22. *Чанышев А.Н.* Трактат о небытии // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 159–162.
23. *Чанышев А.Н.* Философия Древнего мира. М.: Высшая школа, 2003. 703 с.
24. *Joy B.* Why the Future Doesn't need Us? // Wired. 2002. Vol. 8, № 4. P. 238–262.
25. *McNally Ph.*, Inagatullah S. The rights of robots. Technology, culture and law in the 21-st century // Futurus. 1988. Vol. 20. № 2. P. 133–134.
26. *Rorti R.* Moral universalism and Economic Triage // Materials of UNESCO Philos 173. Spring, 1996. P. 3.

Получено: 19.03.2014.

References

1. Aristotle. *Sochineniya v 4 tomah. T. 1* [Works in 4 vol. V. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1976, 550 p. (In Russian).
2. Bogomolov A.V. [Nonesseologiya of Parmenides and the formation of the thesis in the dialectic of the problem of non-being in the history of philosophy in ancient Greece]. [Credo new]. 2010, no 4, pp. 17–27. (In Russian).
3. Bogomolov A.V. [Separation of categories of «Nothing» and «Non-being» in the philosophy of Democritus. Justification of the need in nonesseologia]. [Credo new]. 2012, no 1, pp. 21–30. (In Russian).
4. Gaidenko P.P. [Temptation by dialectic: the pantheistic and gnostic moments of Hegel and Vl. Solovyov]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 1998, no 4, pp. 79–84. (In Russian).
5. Hegel. *Nauka logiki. Sochineniya v 3 tomah. Tom 1.* [Science of Logic. Works in 3 vol. V. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1970, 501 p. (In Russian).
6. Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filosofov* [About life, teachings and sayings of famous philosophers]. Moscow, Mysl Publ., 1979, 571 p. (In Russian).
7. Zhdanov G.B. [On the physical reality and the experimental «weightless»] *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 1998, no 2. pp. 101–107. (In Russian).
8. Zakharov V.D. [Metaphysics in science and nature]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 1999, no 3, pp. 111–117. (In Russian).
9. Kroker A., Vainshtain M.A. [The political economy of virtual reality: pankapitalizm]. *Virtual'nye real'nosti i sovremennyj mir (Trudy labiratorii virtualistiki. Vypusk 3)* [Virtual Reality and the Modern World (Proceedings of the virtualistics laboratory. No 3)]. Moscow, 1997, pp. 70–78. (In Russian)
10. Kutyrev V.A. [The justification of being (nigitologia phenomenon and its criticism)] *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 2000, no 5, pp. 15–18. (In Russian).
11. Lebedev A.V. *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Chast' 1* [Fragments of the early Greek philosophers Part 1]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 576 p. (In Russian).
12. Lurye C.Y. *Demokrit: Teksty, perevod, issledovaniya* [Democritus: The texts, translation, research]. Leningrad, Nauka Publ., 1970, 664 p. (In Russian).
13. Orlov V.V. [The XXIst century and the problem of philosophy's scientificity] *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2010. no 1, pp. 4–13. (In Russian).
14. Popov V.G. *Glavnaya simmetriya prirody* [Major symmetry of nature]. Saint Petersburg, Anatolia Publ., 2005, 280 p. (In Russian).
15. Popov V.G. *Priroda i razum* [Nature and Mind]. Saint Petersburg, St. Petersburg St. Univ. Publ., 2004, 347 p. (In Russian).
16. Rodzinskiy D.L. *Nebytie i bytie soznaniya v rannih formah indiiskoj, kitajskoj i grecheskoj filosofii* [Non-existence and existence of consciousness in the early forms of Indian, Chinese and Greek philosophy]. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute Publ., 2006, 280 p. (In Russian).
17. Saikina G.K. [Is a Man Existential or Social Being?]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriia Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Series Humane sciences]. 2013, vol. 155, book 1, pp. 147–156. (In Russian).
18. Solodukho N.M. [Being and non-being as the ultimate foundations of the world]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 2001, no 6, pp. 176–184. (In Russian).
19. Solodukho N.M. [Non-being basis of the universe: the fluctuation concept of being]. *Kosmicheskoe prostranstvo v nauke, filosofii i bogoslovii: Materialy VII mezhdunarodnogo seminara* [Outer space in science, philosophy and theology: Proceedings of the VII International workshop]. Saint Petersburg, 1994, pp. 93–95. (In Russian)
20. Solodukho N.M. [Understanding the ontological status of non-existence]. Izvestia KGASU [Tidings of Kazan State Architecture and Construction University]. 2006, no 1(5), pp. 126–128. (In Russian).

21. Trubetskoy S.N. *Metafizika v Drevnej Gretsii* [Metaphysics in Ancient Greece]. 2003, 592 p. (In Russian).
22. Chanyshev A.N. [Treatise on non-being]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 1990, no 10, pp. 159–162. (In Russian).
23. Chanyshev A.N. *Filosofiya Drevnego mira* [Philosophyof the ancient world]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2003, 703 p. (In Russian).
24. *Joy B.* [Why the Future Doesn,t need Us?]. [Wired]. 2002, Apr., vol. 8, no 4, pp. 238–262.
25. *McNally Ph., Inagatullah S.* [The rights of robots. Technology, culture and law in the 21-st century]. [Futurus]. 1988, vol. 20, no 2, pp. 133–134.
26. *Rorti R.* [Moral universalism and Economic Triage]. Materials of UNESCO Philos 173. Spring, 1996, p. 3.

The date of the manuscript receipt: 19.03.2014.

BEING AND NON-BEING ONTOLOGICAL RELATIONSHIP KEY ELEMENTS IN ANCIENT PHILOSOPHY AND SOME MODERN CONCEPTS

Vladimir A. Krasilnikov

Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny;
Naberezhnye Chelny, 423812, Republic of Tatarstan, Russia

The relationship of fundamental philosophical concepts of being and non-being, dialectically connected and disconnected at the same time by the essential characteristics of the content is considered. The idea that these categories do not come into conflict but complement each other in the epistemological sense is offered. Against the background of some philosophy concepts analysis the attempt to prove the mutual existence of being and non-being without the negation of each other is undertaken, wherein the problem of root case and a priority value of each entity of these relationships is left open for further research. Presented historical and philosophical analysis of the ratio rationale of both concepts substantively complements objectively existing contradictions and problems.

Key words: being; non-being; negation; non-existence; ontology; nonesseologia; dialectical method; nothing; something.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Красильников В.А. Основные элементы онтологического соотношения бытия и небытия в опыте античной философии и некоторых современных концепций // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 39–48.

Please cite this article in English as:
Krasilnikov V.A. Being and non-being ontological relationship key elements in ancient philosophy and some modern concepts // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 39–48.

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2014 **Философия. Психология. Социология** Выпуск 2 (18)

УДК 111

«ПАТОЛОГИЯ» РУССКОГО БЫТИЯ, ИЛИ РУССКАЯ ГЛУПОСТЬ. МАЛЕНЬКОЕ ЭССЕ О ГЛУПОСТИ (2)

Комаров Сергей Владимирович

доктор философских наук, профессор кафедры Менеджмент и маркетинг
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29
e-mail: komarov@rmc.edu.ru

В статье проводится анализ онтологической глупости как фундаментальной характеристики русского бытия. На основе экзистенциальной Dasein-аналитики выявляются основные структуры русского здесь-бытия: «авось» — бытие, событие и русская беззаботность. Делается вывод о том, что русское бытие оказывается бытием по ту сторону западной оппозиции существования и не-существования, мышления и безумия, страха и бесстрашия, смерти и бессмертия, добра и зла. На основе этого анализируются русские эквиваленты экзистенциалов здесь-бытия, которые лежат в основе русской глупости. Указывается, что «патология» русского бытия заключается в его онтологической амбивалентности и в непонимании западным мышлением такой его онтологической структуры.

Ключевые слова: ум; разум; глупость; бытие; здесь-бытие; «авось»; событие; беззаботность; расположенность; брошенность/найденность; решимость; совесть; смерть; понимание.

Что русскому — здорово,
то немцу — смерть.

В музее Прадо в Мадриде есть картина Иеронима Босха «Операция глупости», на которой изображена процедура извлечения из мозга человека камня безумия, или соцветия глупости. Это типичное шарлатанство старой Европы, подчеркнутое к тому же всеми атрибутами насмешки над глупцами с той и другой стороны — мнимыми целителями и «больными». Все символы картины, вроде воронки мудрости, надетой на голову хирургу, кувшинов на поясе у врача и в руках у монаха, символизирующих прорву слабоумия, сумки пациента, пронзенной кинжалом, показывающей «дырчатость» ума, книги на голове, якобы дарующей мудрость, указывают на дурость самой ситуации удаления органа глупости. Нельзя не признать некоторую логическую последовательность такого взгляда: если есть орган ума, то должен быть и орган глупости — нечто, вроде антипода декартовской шишковидной железы.

И, однако, это неверное представление; глупость не есть противоположность разума. Как мы пытались показать в первой статье [6], *онтически* глупость есть проявление и выражение ума. Глупость суть его *недостаток* — и в предметном, и в атрибутивном смыслах. Она есть *нехватка* ума, *лишенность* разума[1]. Это касается всех ее видов — инструментальной, социальной и нравственной глупости.

Но разум не есть вещь-в-себе, он существует только в его реализации, в его развертывании в делах и поступках человека. А потому глупость и есть мера *явления* разума, мера его практического осуществления. Она поэтому есть не субъективная, а *объективная* характеристика наличного здесь-бытия, наличной ситуации, мера разумности самого присутствия. Тем не менее, встает вопрос: в каком смысле и на каком основании мы можем говорить о глупости как объективной характеристике наличного здесь-бытия?

Речь теперь пойдет об анализе *онтологической* глупости как фундаментальной характеристике русского бытия. Речь пойдет о самой онтологической *структуре* русского *существования*.

1. Замысел: экзистенциальная аналитика русского здесь-бытия

В своей фундаментальной онтологии М. Хайдеггер выявляет не разумность, а конечность в качестве онтологического априори бытия сущего по имени Dasein. Существование Dasein заключается в отношении к своему бытию, и в круге изначальной конечности кажет себя само бытие как феномен. Иначе говоря, само бытие понимается из присутствия этого конечного сущего. Это отношение ме-

© Комаров С.В., 2014

жду Dasein и Sein сохраняется и у «позднего» Хайдеггера, хотя их отношение переворачивается: теперь не бытие понимается из здесь-бытия, а бытие сущего Dasein понимается из Sein, являясь его «местом». Однако, как бы то ни было, именно конечность является фундаментальной характеристикой присутствия сущего Dasein, но вовсе не его разумность/глупость. Более того, именно на конечности присутствия основывается у Хайдеггера всякая «Ich-problematik». О какой же объективной разумности или глупости бытия может идти речь?

Дело заключается в том, *как* понимается само бытие из присутствия конечного сущего, как оно уже изначально «предвзято», «предусмотрено» и «предрешено» [9, с. 150]. Как же изначально «предвзято» бытие Dasein у Хайдеггера? Всякое бытие выражает себя во всяком сущем. Но лишь в сущем Dasein оно выражает себя напрямую; именно соотношение Sein с da делает конечность основополагающей присутствие размерной чертой. С каким da имеет дело немецкий философ? Во-первых, с da, взятым как *наличное «здесь»*, смысловым горизонтом которого является именно конечность, а границей — Ничто. Во-вторых, с da, изначально понятым как *тождество бытия и мышления* [7, с. 604–608]. Опыт мышления сущего и есть первая форма присутствия для западного человека. Хайдеггер старательно избегает каких-либо антропологических характеристик при описании Dasein, но факт остается фактом: само истолкование его осуществляется как ноэма «западного» субъекта [12, с. 308–319]. Хайдеггер дает онтологию *западного* бытия, бытия западного человека.

Но вся проблема в том, что феноменологически нам не даны Sein и da отдельно друг от друга; они изначально слиты. Нельзя отождествлять Sein, каким оно себя открывает в горизонте «здесь»-бытия, в da как круге наличного конечного, с Sein как таковым. Строго говоря, здесь нельзя настаивать ни на их тождестве, ни на их различии. Единственно, что можно со всей очевидностью различать, — это само «da». Бытие проявляет себя различно, в зависимости от того, с каким da (местом) оно имеет дело. А потому их различение выступает не как данность, а как *заданность*, т.е. как вышеуказанные предвзятие, предусмотрение и предрешимость. Во-первых, da может раскрываться при этом как непосредственное «тут»-присутствие, но может быть понято (открыто) и как «здесь и там» (в немецком языке «da» неопределенно и означает не только hier, но и dort). Структура da, в которую обрушено Sein, в таком случае будет отличной от хайдеггеровского описания [8, с. 278–279]. Во-вторых, da может рассматриваться (хотя бы гипотетически) как чистое присутствие вне его понимания (мышления), точнее — понимая присутствие не как данность, а как чистое пребывание. В этом случае, хотя присутствие и будет первоочевидностью мышления, рассматриваться будет только как наличное бытие [8, с. 280].

Отсюда важнейший вывод: *сущее по имени Dasein может экзистировать к своему бытию различным образом, а следовательно, и само бытие как феномен будет в этом случае открываться иным образом, в ином смысловом горизонте. Это означает, что если возможно понимание здесь-бытия иным образом, то и само бытие как феномен будет раскрываться по-другому*.

Нам представляется, что именно таковым и является *русское* бытие. Оно есть *иное бытие* в отличие от бытия, открываемого в структуре западного Dasein'a, потому что само русское da понимается *по-другому*. Оно не конечное здесь-бытие, а неопределенное, безграничное и безмерное присутствие; в этом da есть не только «здесь», но и «там», причем так, что они неразличимы [5, с. 204]. Поэтому, строго говоря, оно немыслимо. А потому для русского быть — значит быть вне мышления. Русский Dasein есть чистое присутствие вне всякого мышления; это пребывание вне мышления и без мышления [5, с. 335]. В таком случае необходима специальная *экзистенциальная аналитика русского здесь-бытия*, которая как раз раскроет особенности русского бытия в его отличии от западного онтологического аналога.

В рамках такой аналитики и разворачивается вся интересующая нас коллизия. Поскольку в самих истоках западного мышления лежит скрытое различие между разумным и глупым бытием (разумное бытие — космично, гармонично и упорядочено мышлением; глупое бытие — хаотично, безмерно, беспорядочено, потому что оно — немыслимо; оно есть сама платоновская κχορα), постольку иное — русское бытие — оказывается изначально иным, *неразумным*, *глупым* бытием. Именно в этом случае речь идет об *онтологической* глупости, о глупости как *объективной* характеристике самого существования.

Дело, однако, не в том, что русское бытие «измеряется» при этом (и европейцами, и нами самими — так «читают» западных философов русские) по мерке западного Dasein'a. Русское бытие *объективно* глупое не в себе, а только *по сравнению* с западным бытием. Невнятность, неразумность, неясность русского бытия делают его глупым по сравнению с бытием западного человека. Оно — *относительно* глупое бытие; само

по себе оно ни глупо, и ни умно, а просто *есть*. Дело, однако, в том, что русское бытие (и русская жизнь) *не вполне другое* бытие. Ведь *не может же быть другого бытия, другого разума и другой глупости, поскольку бытие — одно и едино*?

Русское бытие как бы неправильное, искаженное, «недоделанное» или «недоразвитое» западное бытие. Речь не идет об аутентичности, подлинности или неподлинности бытия; русское бытие вполне подлинное, но в своей подлинности какое-то нелепое, неказистое, какая-то ошибка существования. Проблема именно в том, что русское бытие не вполне другое — как бытие японца или африканца, с этим западный человек вполне готов примириться; но русский человек — европеец, однако какой-то неправильный, неподлинный и ненастоящий. Он — свой в обличии другого; этой двойник европейца, он европеец, но не вполне. Русское бытие как бы не вполне бытие, какое-то несостоявшееся бытие. Оно как бы больное, *патологическое* бытие. Русская жизнь — это какой-то «вывих» разумной и правильной европейской жизни, русское бытие — какое-то извращение западного бытия, русская история — вообще есть какое-то повторяющееся хождение по кругу («хождение по мукам», словно «морок» водит) вместо прямой линии развития любого самого маленького европейского народа и государства. Как будто бы у русских «другой» ум[2]. Словом, русское бытие — это *глупость самого существования*.

Наш замысел и заключается в том, чтобы, используя аппарат и способ экзистенциальной аналитики, выявить фундаментальное отличие русского здесь-бытия для того, чтобы выявить его изначальную *глупость/разумность*. По необходимости такая задача будет носить эскизный характер, но она вполне соответствует судьбе самого русского бытия, поскольку *надо идти туда, неизвестно куда, и найти то, незнамо что*.

2. Абрис онтологии русского бытия

Итак, речь идет о фундаментальном отличии в онтологической структуре здесь-бытия, которое онтически переживается как «глупость», «неразумное», «неправильное», «искаженное» состояние. Как раскрывается русское здесь-бытие?

а) Русское здесь-бытие (Dasein). Как уже говорилось, бытие выражает себя через любое сущее, и только в Dasein оно непосредственно конституирует себя через особое da («вот»). Каким является это русское «вот»? Оно открывается непосредственно в опыте восприятия и языке не только «здесь» (конечное da), но и «там». «Вот» — это где? Не только «здесь», под рукой (Zuhandenheit), в непосредственной наличности, но и «там», где оно также наличествует-присутствует (Vorhandenheit). Оно близко, всегда здесь, присутствуя в *быте*, в банальных вещах повседневного существования; но и «там» такой же быт и пребывание о*бы*денности. Поэтому русское бытие имманентно в своей беспредельности, ибо для бытия нет границы, а следовательно, «там» — оно также «здесь». Оно не находится на расстоянии, не оттянуто и не отложено, оно погружено в русских как их *самое-самое*. Как это понимать? Русское бытие есть нечто абсолютно интимное, вплоть до его забвения. А потому русский Dasein не может вступить в отношения с бытием, ибо оно не отдельно от него; никакого отношения (Bezug) между da и Sein быть не может; оно (Sein) настолько плотно (густо) как само «тело» присутствия, которое везде[3].

Для европейца Dasein — «между», для русского — внутри: мы обнаруживаем себя уже — и всегда — внутри, не выделенно из бытия. Поэтому русский Dasein не обнаруживает себя как бытие в мире, окруженным мирским горизонтом, а погруженным в Мир, где Мир есть само наше безграничное пребывание. Поэтому для русского нет самого феномена бытия в Мире (In-der-Welt-sein), ибо сам Мир не есть нечто противоположное (Gegenstand), некий внешний горизонт, требующий проясненного к себе отношения. Мы в Мире, а значит, уже в отношении; а точнее, само наше пребывание и есть от-ношение: мы несем Мир с собой. Мир русских не есть Welt или κόσμος европейца; русские не столько вы-ходят в Мир из *себя*, сколько в-ходят в него; в-ходят — в смысле: имеют его в себе, несут его в себе (в своей душе) и в смысле: вступают, погружаются в него. Мир для русского человека выступает не как нечто чуждое, но как на себе несомый покой пребывания.

Именно поэтому русское бытие беспредельно и безгранично: «там» есть то же самое, что и «здесь»; мы всегда при бытии, а не при внутримирных сущих. Но это означает, что у русского бытия нет границы[4], а следовательно, нет отношения с Ничто, с которым западный Dasein в своем Sein безусловно связан. В самом деле, если в русском da имеется не только «здесь», но и «там», причем так, что они неразличимы, то, значит, в нем нет и различия между бытием и не-бытием. Это порождает особое отношение русских к смерти в отличие от хайдеггеровского zum-Tod-Sein: смерть не абсолютное ничто, а естественная граница жизни, которую просто нужно принять. Бытие для русских не начинается с рождением индивида и не кончается с ним. Бытие пребывает всегда

к тому, что уже есть; «пребывает» значит «появляется» — откуда? — из яви самого бытия, пребывает из бывания. И «убывает» от бывания; убывает — куда? — в явь, только неявную теперь. Русское здесь-бытие не кончено и бессмертно.

«Там» — это не-«здесь», и если «здесь» пребывает бытие, то «там» его нет, т.е. «там» — небытие. И это отношение может быть перевернуто: если «там» — бытие, то «здесь» его нет. Но если «там» такое же бытие, как и «здесь», то нет различия между бытием и не-бытием, точнее, бытие и ничто — едины. Как это может быть? Только так, что бытие и есть, и не есть одновременно, оно есть *становление*. А потому оно избегает всякого мысленного гипостазирования, оно требует своего переживания или проживания как немыслимое: быть — значит просто быть, просто длить свое присутствие… без всякого отношения к нему. Поэтому русское бытие выражается «странной» логической формулой — ***«есть и не есть зараз», н-есть*** [4, с. 115–164].

б) Пребывание и авось-бытие. Поэтому русское бытие есть и переживается как предельно близкое вплоть до *забвения* его. Отсюда не просто беспафосное, в отличие от западной мысли, отношение к бытию, точнее — чувственное и вполне нивилирующее всякую мысль — не-отношение к нему. Русские не просто отказываются мыслить бытие; они его не мыслят, а *практикуют* путем простого пребывания в нем. Где бытие? — Да здесь, на печи, в пирогах, в белизне снега, в белой березе за моим окном, в пустоте квартиры… Так же, как и в буйстве океана, в горах Кавказа, в африканских саваннах или на острове Буяне…

Хайдеггер указывает, что конституционной характеристикой западного Dasein'а является *бытие с- и в-* (Mit-sein и Sein-in), что предполагается отношением, т.е. изначальной разделенностью и различением: мы обнаруживаем *себя* в отличие от всего остального; отношение к миру есть возвратное отношение к себе. Различие заключается уже в самой структуре Da-sein, определяющим «локализацию» и характер пребывания — экзистирование к своему бытию — сущего по имени Dasein. У Хайдеггера экзистирование Dasein связано с его одиночеством: среди других оно выворачивает себя наизнанку, чтобы обнаружить это совместное бытие. Ничего этого не обнаруживается в структуре русского Dasein: русское тут-бытие изначально открывается как «не мое», а такое же, как у других. Оно одно на всех: оно не просто и «здесь», и «там», оно «везде». Русское бытие изначально с другими, а потому понимается не как соединение единиц (как у немецкого mit), но как воссоединение части с целым. Аналогично «быть-с» для русского означает не просто «быть между», «быть среди», но быть «среди своих», «быть у себя». Первоначально конститутивным для русского Sein в его здесь-бытии является *«народ»*, а не «личность». Русский человек экзистирует не сам по себе, как автономная единица, а через народ, а потому экзистенциальная сингулярность западного Dasein к нему неприменима. Русский — не личность, а здесь-бытие с народом, совместное — одно на всех — бытие. Отделение от народа переживается русским как отделение от бытия[5].

Отсюда и само русское *решение быть* принципиально отличается от хайдеггеровского Entscheidung. Последнее является «наброском» на бытие в стремлении осуществиться, в стремлении пребыть. Такое экзистирование, как известно, содержит в себе, во-первых, различение между «здесь» и «там». Во-вторых, неполноту пребывания «здесь» как основание экзистенции. Наконец, в-третьих, понимание пребывания как собственной возможности, как возможности быть. Поэтому понимание бытия-в-возможности есть набросок бытия (Entwurf). В отличие от этого русское бытие раскрывается как не требующее специального мужества или отваги быть: мы уже в бытии, а следовательно, все, что необходимо для бытия, уже имеется. Возможность есть при-бывание, т.е. его наполнение, а потому оно не требует наших усилий и не зависит от нас. Место решимости в русском здесь-бытии «занимает» ожидание (надежда), а место возможности — упование на «авось»

Это особая надежда; это такая не верящая в себя надежда и, конечно, отнюдь не расчетливо-рискующее определение вероятности сбывания возможного будущего. Это ожидание того, что возможно, но без активного приложения усилий к этому сбыванию. Для русского имеет место не возможность, а «авось». «Авось» — это слабая надежда, основанная на беспредельном доверии к бытию. Это не гадание, не пожелание, не уверенность, не безразличие. Это выражение согласия (принятие) со всем вообще, со всем, что случится или может случиться. «А» — отрицание, а «вось» — конструкция «ово», т.е. вокруг — «вот». Другими словами, русское «авось» и есть указание на «вот»-бытие. Точнее, русское Dasein, рассмотренное через экзистенциал решимости (русской решимости), открывает *возможность* как исполнение доверия к бытию. Мы существуем на авось… Такое выражение глобального согласия со всем, что может с нами случиться, при малой надежде на добрый конец. При этом

«авось» никогда не подводит нас; подводим себя мы сами. Поэтому и надежда на «авось», будучи самой слабой, есть самая надежная из надежд.

в) Русское сбывание. Событие есть сердцевина хайдеггеровского учения о бытии. Daseiner-eignet: здесь-бытие случается. Игра слов ereignen (происходить, случаться) и er-eignen (делать собственным) указывает на событие как мгновение аутентичности, собственности; в событии то, что случается, есть собственным образом. Можно сказать словами А.Ф. Лосева, в событии дано *самое само*. В событии, решившись быть и избрав такую возможность, Dasein становится собственным Sein. Однако нужно иметь при этом в виду, что сбывается не просто бытие, а именно здесь-бытие; Ereignis есть выявление сингулярности и аутентичности (eigene) самого Dasein. Поэтому в событии осуществляется то, что сочетается с бытием — здесь-бытие. Сбывается только то, что (уже) пребывает в бытии, что в нем наличествует [14, с. 197–208].

Поэтому (русское) событие здесь-бытия принципиально отличается от Ereignis'а как простого происшествия, простого случая, от случайного сбывания. Произвольность события — оно может случиться, а может и нет — связывается с волей. Но в так понятом событии нет и намека на решимость, волю или желание. Событие не может не сбыться, потому что оно уже принадлежит бытию. Если оно пребывает, то, как было показано выше, пребывает изнутри бытия, из его лона. В русском событии нет и малейшего намека на волю (Wille). Русское событие с произвольным Ereignis'ом роднит только то, что в них нечто дается, вы-ступает в явь бытия. В произволе обычного события выдается волюнтаристский выверт собственного, т.е. чистой субъективности. В событии выдается само сбывающееся бытие. В произволе обычного события мы решаемся посреди бытия учредить, водрузить, соорудить то, чего еще не было; в сбывании события осуществляется само бытие, для которого здесь-бытие является только местом раскрытия. Произвольное событие сопряжено с Ничто и временем: во времени осуществляется то, чего нет. В событии бытия само событие развертывается вечно, в нем бытие постоянно сбывается. Событие непрерывно, но подчеркивает — в отличие от «пребывания» — именно при-бывание или у-бывание бытия, т.е. его покойное движение, ощущение полноты бытия. Поэтому русское здесь-бытие сбывается, т.е. пребывает в своем бывании, через при-бывание и у-бывание.

В любом случае отличие русского события и западного Ereignis'а заключается в различном отношении к Sein. В западном Ereignis'е присутствует недоверие к нему, ощущение его нехватки и желание осуществить то, чего нет. На этом зиждется (открывается) сама возможность как экстаз расположенности Dasein, решимость как модус здесь-бытия и сама Забота как целостный экзистенциал. В русском здесь-бытии, напротив, нет никакого отношения к своему бытию, ибо мы уже при нем, мы доверяем ему и ожидаем его («авось-бытие»). А потому наше бытие не есть Забота, а есть беззаботное бытие.

г) Бытие как беззаботность. Начала русской глупости. Феномен целостности бытия открывается в экзистенциале Заботы. Наше бытие и есть Забота, а наше здесь-бытие есть озабоченность своим бытием. В Заботе открывается то, как экзистирует Dasein в Мире, конституируя этим экзистированием и сам Мир, и самого себя. Забота поэтому есть не просто свойство Dasein'а, акциденция или предикат; это есть его фундаментальное априори, это его *суть*. Европейский человек в своем тут-бытии обращен к собственному концу, к дефициту бытия. Экзистенциалы Ужаса (die Angst), Смерти (der Tod) и Совести das Gewissen) конституируют целостность Заботы в изначальном горизонте конечности существования. Именно озабоченность своим бытием является онтологическим истоком труда как фундаментальной характеристики западного тут-бытия.

Асимметрично к такой озабоченности собственным бытием можно феноменологически констатировать удивительную беззаботность русского Dasein'а. Поскольку русское здесь-бытие не находится на границе между бытием и не-бытием (ничто), постольку мы не обнаруживаем в его основоустройстве экзистенциалов ужаса или смерти. Его бытие не заботит русского человека: оно изначально имеется, а потому не представляет угрозы, нехватки, недостаточности. Полнота существования — достаточное основание для беззаботности. Русский не озабочен, скорее, что-то заботится через него, что-то высказывается, вызывается через него, а не к нему. Русское тут-бытие не перед Миром, а внутри него; бытие простирается отсюда — из наличной ситуации — во все стороны — «шарообразно» как парменидовское бытие.

Это означает, что ничто, бездна, небытие есть внутри самого этого бытия. «Шарообразность» и выражает то, что вертикаль как бы обрушена в горизонтальную поверхность, в точку, и, наоборот, горизонтальная плоскость стягивается в точку в поперечной плоскости вертикали. Ничто со-

держится в бытии, а бытие ничем не держится (оно просто есть); бытие потому и бытие, что оно безосновно, ничто и есть его основание [10, с. 74–76]. Феноменологически это переживается не как ужас перед бездной Ничто, а так, что этот ужас ничтожится в русском человеке до такой степени, что уже не пугает. Поэтому, во-первых, русский человек до глупости бесстрашен, потому что ничего невозможно сделать против интегрированного в само бытие ничто. Поэтому, во-вторых, русский человек бессмертен, ибо это бессмертие основано на ощущении тотальности существования, в котором ничтожение есть момент бытия, а не его граница. Бессмертие русского человека есть ее принятие во-внутрь, включение ее в себя, в сам русское экзистирование. «Другое» (смерть) здесь мыслиться как *то же самое*, как и *это*.

Русскому человеку совесть открывается не как Зов из-вне, из-за границы бытия. В здесь-бытии взывает бытие к самому себе. Этот посыл Хайдеггера русскому человеку хорошо известен: в феномене совести нам открывается само наше бытие как таковое. А потому: «человек живет не для радости, а для совести». Быть совестным для русского вовсе не слышать какую-то особую Весть; это вполне заурядное и обыденное дело. «Совеститься» означает просто: выпускать из-себя бытие и в-пускать его в себя. Поэтому совесть не есть «предмет» Заботы; озаботиться совестью нельзя, ибо это просто само наше бытие[6].

Иначе говоря, *забота не есть экзистенциал русского бытия*. *Русское бытие беззаботно*. Но именно это является основой русской *глупост*и. Экзистирование русского человека является пребыванием, вниманием бытию, но не предстоянием перед ним. Озабоченность своим бытием рождает в западном человеке невроз и силу, агрессию и воление, панику и стремление, одним словом — деятельность. Беззаботность русского человека рождает безволие и бесстрашие, приятие смерти и приятие жизни, бессовестность и совестливость. Глупость русского человека в сравнении с западным человеком обнаруживается в удивительном безразличии к собственной личности, в бесконечном бесстрашии до безумия, в странном безразличии к своей смерти, в удивительной неразвитости нравственного сознания и, одновременно, сострадательном, милосердном, деятельном поведении. Наконец, в странном для западного человека безразличии русского к вопросу о самом смысле жизни. Русский не задается этими вопросами, он просто живет; просто «практикует» бытие в самой повседневной жизни. Для русского смысл жизни не вне ее, а в самой жизни. Смысл бытия — в самом бытии. В чем смысл жизни для русского человека? — В том, чтобы ее прожить до конца, чтобы изжить ее полностью, чтобы испить и испытать все, что выпадет на твою долю. И ничего другого. Это очень банально, а потому — *глупо*.

Таким образом, русское бытие оказывается по ту сторону западной оппозиции бытия и небытия, по ту сторону мышления и безумия, по ту сторону страха и бесстрашия, по ту сторону смерти и бессмертия, по ту сторону добра и зла.

3. «Патология» русского бытия

С точки зрения западного Dasein'а русское бытие является «*патологией*». В чем это выражается? Каковы основные структуры, фундирующие русское бытие как патологическое?

а) Befindlichkeit. Русский смысл «бытия-в-Мире» как «пребывания» делает бессмысленным хайдеггеровский экзистенциал «находимости». Русские вовсе не «находятся» в Мире, поскольку они себя в нем никогда и не теряли. Возвратность глагола (sichbefinden), означающая направленность или обращенность на себя, для русских проблематична: они существуют не *от себя* и не *из себя*. Русские всегда находятся там, где пребывают, всегда у себя дома, всегда при своем Мире, в собственном покое. Befindlichkeit скорее надо понимать не как «находимость», а как «расположенность». Русские располагаются в бытии как дома, а потому просто об этом не думают.

Но именно эта удивительная — вплоть до забвения — «расположенность» в бытии рождает полную безалаберность в повседневной жизни, патологическую халтурность в отношении труда, удивительную непрактичность в каждодневном существовании. Речь не идет о безответственном отношении к собственной жизни и деятельности; речь идет о том, что вполне разумное и практичное отношение к конечным делам сопровождается беззаботным отношением к жизни в целом. Русские могут быть не менее практичными в повседневности, чем французы; не менее экономичными в своем ремесле, чем немцы; не менее рассудительными, чем англичане. И вместе с тем они могут быть и абсолютно непрактичными, неэкономными и неразумными в отношении к повседневности. В чем дело? Дело именно в различении повседневных дел и жизни в целом, наличного здесь-бытия и бытия как такового. Поскольку для русских такого различия не существует, их отношение к своему бытию поэтому оказывается *амбивалентным*: удивительная разумность в конечном бытии и беззаботность в отношении Бы-

тия с большой буквы может одновременно сочетаться с безразличием к наличному здесь-бытию и озабоченностью Бытием вообще. Вся суть в том, что это, как можно было бы подумать, не два разных отношения Dasein к своему бытию; это одно отношение, а точнее — *не-отношение*. В самом деле, как было показано выше, русское здесь-бытие не имеет границы; оно не экзистирует к своему бытию, оно *не относится* к нему. Оно просто пребывает.

Русское здесь-бытие поэтому не может характеризоваться настроенностью на свое бытие. Оно не настроено ни на что, оно просто *имеется (esgibt)*. Оно не настроено, а потому не может и расстраиваться. Такая расположенность русских в бытии делает их в глазах западного человека «безвольными». Хайдеггеровское тут-бытие всегда настроено (gestimmt); набросок, проект и воля есть его фундаментальные характеристики. Проект-бросок есть ответ Dasein на заброшенность (Geworfenheit) и выражает бесконечное развертывание энергии (деятельности) во-вне, поскольку само это «вне» для такого Dasein *есть*. Это есть выражение «субъективности» западного здесь-бытия.

Но у русских такого «вне» («Мира») нет. Русские изначально всегда на месте, на их естественном месте. Они всегда «помещены», куда нужно. Русские расположены так, что они находятся в постоянном неподвижном движении. Это естественное место есть здесь-бытие как непосредственное бытие; никакой границы, устремляясь к которой можно было бы расширять свое присутствие, нет. А потому не может быть русского «субъекта» как внутреннего по отношению к такой внешней границе: для этого просто отсутствует экзистенциальная территория. Русское здесь-бытие тождественно с бытием как таковым, оно и есть сама внутренняя граница бытия. Русские все время внутри бытия, а не пред ним. А потому не может быть никакого «наброска» на «внешнее» бытие. Русские все время по сю сторону бытия: всякий бросок якобы «во вне» оказывается просто кувырком Ваньки-встаньки «внутри» бытия.

А потому пресловутая «слабость» русской воли есть выражение невозможности конституирования «внешнего» мира как противоположного предмета. Как не может быть русского «субъекта», так не может быть и русского «проекта». Воля для русских не напряжение субъективных внутренних сил, направленных к фиксированной цели. А скорее выражение живого движения самого бытия, выпускание самого естественного движения [5, с. 153–163]. «На свете счастья нет, но есть покой и воля…». Поэтому русские «не в состоянии», они и есть само это «состояние», само живое движение. Простое и бесцельное движение, *глупое, как сама жизнь*.

б) Брошенность/найденность. Verfallen. Это означает, что хайдеггеровское различение аутентичности/неаутентичности, подлинности/неподлинности и падшести в Мир не имеет отношения к русскому бытию. Хайдеггеровское понятие das Mann должно было выражать потерянность, заброшенность в массовидности совместного существования индивидуального здесь-бытия. Однако Другие — это не те, кто существуют совместно со мной, не весь остаток, помимо меня. Тот, кто присутствует вместе со мной, типологически от меня не отличается [9, с. 118]. Dasein, поэтому всегда является всеобщим (Mit) и в-месте с тем индивидуальным: здесь-бытие есть *индивидуализация всеобщего*.

Однако, вся суть в том, что это при этом Dasein выражает прежде всего именно это конечное da. В нем *индивидуализируется* именно всеобщее, а потому оно имеет лицо и выступает как *личность* [2, с. 227–230].В русском здесь-бытии, напротив, выражается не da, а именно Sein. Поэтому у русских, наоборот, здесь-бытие есть выражение не индивидуальности, а *всеобщности* [8, с. 413–414]. Поэтому русский Dasein отнюдь не имеет лица, оно такое же, как и другое; оно не есть выражение личности.

В русском здесь-бытии присутствует всегда идентификация себя со всеобщим, с «народом». Строго говоря, есть не человек, а есть народ, единое целое, которое только частично представлено в здесь-бытии. Поэтому для русских, строго говоря, не имеет онтологического смысла ни одиночество (Einsamkeit), ни бытие-с (Mitsein) как таковое. У русских сосредоточение на своем индивидуальном бытии переживается как оторванность от бытия как такового, воспринимается как неполнота существования, незавершенность, недостаточность и даже как безосновность. Способом идентификации становится *русскость*, т.е. выражение в собственном бытии «народа», т.е. совместного бытия, судьбы совместного пребывания. Здесь русскость не есть налично-данное, ибо всякое налично данное — конечно и ограничено. Такая русскость здесь выступает как *все*: тотальность существующего. То есть вбирает в себя всю полноту существования, не только то, но и другое (противоположное), в том числе — и западную личность.

Чем более одинок западный человек, тем более он у себя, тем более он личность. Чем более западный человек вместе с другими, тем более он себе не принадлежит, тем более он потерян, тем более

он не может быть личностью. Чем более одинок русский человек, тем более он потерян, тем более он для себя не-есть (он не может идентифицировать себя и установить в своем одиночестве — есть ли он?). Чем более он с другими, с «народом», тем более он находит себя, тем более он онтологически укоренен. Однако парадокс тут еще глубже: личность русских как не-русское есть и не есть одновременно [3, с. 222–225].

Поэтому западное здесь-бытие выступает не как онтологически отличное от русского, а как то же самое, что и оно. Западное мышление выступает не как противоположное русскому, а как то же самое, что и русское. Западная личность не противоположность русской, она та же сама, хотя и другая. Для русского бытия другое бытие есть то же самое. Для западного мышления другое — русское — есть просто другое. Для русского другое — западное — есть тоже русское. Для русского бытия нет оппозиции; оно есть для западного здесь-бытия. Поэтому такое межумочное существование есть полная глупость с точки зрения западного человека.

в) Entscheidungund Gewissen. Существование конечного сущего есть бытие-к-смерти. Поэтому М. Хайдеггер указывает на то, что смерть, являясь возможностью нашего бытия, придает всякий смысл нашему существованию. В смерти мы обращены к самому нашему бытию. Вместе с тем сама по себе эта возможность не может конституировать целостность нашего существования, а потому она отсылает к совести и решимости быть.

У русских иное отношение к смерти; конечно, смерть есть возможность нашего бытия. Однако в каком смысле? Смерть есть не просто противоположность жизни; она есть то, что по сю сторону бытия — не как потенциальное существование, а как постоянное присутствие. Смерть взята в само бытие как *ничто* этого бытия. Поэтому она, строго говоря, не есть граница и противоположность жизни. Смерть есть *другое* жизни, то же самое, но другое. Другой — противоположностью жизни — смерть является только потому, что Dasein отличает себя от Sein, противополагает свое здесь ему и таким образом относится к нему. Сущее Dasein конечно и смертно, потому что противополагает себя своему бытию и тем самым, воспринимает и понимает себя — в отличие от него — как конечное. Становясь лицом к смерти, Dasein конституирует свою конечность. Но если здесь-бытие и есть само бытие, то отношения к нему быть не может, а следовательно, нет и констатации собственной конечности. Если здесь-бытие есть то же самое, что и другое, то мы не можем встать в отношение к собственной конечности и, соответственно, лицом к смерти. Русское бытие экзистирует в своем бессмертии до такой степени, что не замечает саму смерть. Она не просто есть неизбежное, о чем поэтому можно не задумываться; она не «там», а «здесь»; о ней можно забыть, потому что она уже здесь, мерно разлита в несмерти, она есть другое *этого* бытия.

Поэтому смерть есть русское у-себя-бытие. Русские как бы обживают смерть, понимая и относясь к ней как делу жизни, а не убегая от нее [1]. В смерти для русских излишнего трагизма нет; дело не в самой нашей смертности или ее случайности, а в том, чтобы бытие имело смысл жизни. То есть принятие смерти как возможности вынести отпущенное бытие до конца. Это основа известного фатализма русских есть выражение их серьезного отношения к ней[7]; наоборот, всякая игра со смертью, попытки отдаления конца или самоуправство со смертью (самоубийство) выражают для русских не-серьезность такого бытия. Русские, конечно, знают и волевую решимость, и субъективный выбор, но для них они являются только иным выбора самого бытия, его сбыванием-событием. Решимость принятия смерти для русских (готовность к смерти и ожидание смерти) поэтому есть выражение не субъективного своеволия, а имманентности нашего бытия, выражения доверия к нему.

4. Заключение. Понимание и «кувырок бытия»

Все это, конечно, абсолютно глупо и непонятно с западной точки зрения. Русское бытие оказывается *изначально* действительно *глупым*. Однако все дело в том, что *бытие* русскими *не понимается, а принимается.* Понимание, точнее, «предусмотрение» — только один из модусов отношения сущего Dasein к своему бытию; есть еще «предвзятие» и «предрешение», т.е. принятие и согласие.

Вокруг этого и разворачивается вся коллизия понимания русского бытия, совершенно непонятная западному человеку. Понимание бытия для русского человека важно, но не достаточно для пребывания. Понимание (dasVerstehen) вообще не есть экзистенциал русского здесь-бытия, это именно экзистенциал западного бытия. Русские не понимают своего бытия, они просто живут. Поэтому русская жизнь непонятна для западного мышления: как можно просто жить, не понимая себя и своего бытия?

Однако вся проблема в том, что русские понимают свое бытие и понимают вполне на западный манер. Точнее — они его и понимают, но не принимают такого понимания. Почему? Потому что

такого понимания недостаточно. Русское бытие, как было показано, включает в себя абсолютно все, все противоположности, ибо другое есть то же самое, бытие включает в себя не-бытие, а не полагает его как противоположность; другое есть не свое иное, а то же самое. Поэтому русское понимание бытия включает в себя и западное понимание: это тоже русское мышление. Но именно поэтому русские и понимают, и не понимают. А еще точнее — русские не понимают бытие, а живут им. Их отношение к бытию не есть его понимание, а есть его проживание.

Именно это-то и оказывается непонятным западному мышлению. Именно поэтому русское глупое бытие на поверку оказывается более глубоким и более умным бытием, а русская глупость — выражением более глубокого ума. Потому что русские *одинаково принимают* как свой ум, так и свою глупость. А принять они ее могут, потому тем самым они принимают само бытие.

А еще точнее — русские *смеются* над собственным бытием. Понимание требует серьезного отношения к себе, а непонимание позволяет относиться к бытию со смехом. Поэтому русское здесь-бытие несерьезно. Отсюда пресловутое несовершенство русской жизни, о которой говорилось в начале. Русское бытие есть пародия на бытие, это *не-вполне-бытие*. Это не жизнь, а какая-то *клоунада*; русские не живут серьезно и не относятся к своей жизни серьезно, а как будто бы играют в жизнь. Они — как дети, живут начерно. Их жизнь до того несерьезна, что напоминает серьезному западному человеку — этому ходячему воплощению разума — шутовской балаган.

Русское бытие есть игра, несерьезное дело, которое, однако, включает в себя всю серьезность. Потому что бытие как таковое — а оно, ведь, одно — русское или нерусское — все время ускользает, становится другим, все время увертывается от понимания, делает кувырок через голову как цирковой паяц. Оно автореферентно, но в этой автореферентности оно все время ускользает от всеобщих понятий, сведения к сущему или феноменологической очевидности. Бросок на бытие как экзистирование Dasein оказывается акробатическим кувырком через голову: полагая бытие как свою внешнюю границу, оно само оказывается внутри этой границы. Поэтому для западного мышления бытие есть складка, а для русского мышления это прыжок через голову, т.е. через понимание. Бытие и есть просто Sprung [12, с. 235–242]. Это прыжок от избытка бытия, от избытка жизненной энергии, от восторга существования.

Русское здесь-бытие и есть такой *экстаз* бытия. Поэтому глупое русское бытие на поверку оказывается умным бытием, а русская глупость — умом самого бытия.

Примечания

[1] В этом смысле глупость имеет очевидные смысловые параллели с понятиями «зло» и «не-бытие» в христианской и античной философии. В самом деле, в христианской традиции зло несубстанциально и не онтологично; оно есть нехватка и неполнота бытия (присутствия) в наличной ситуации. Как глупость есть выражение нехватки разума, так и зло есть выражение нехватки блага (бытия). Это и есть мера несовершенства конечного сущего, т.е. его изначальной тварности и греховности; отсутствия собственного основания для присутствия. И, однако, само это отсутствие, эта неполнота бытия конечной твари есть только выражение фундаментальной полноты присутствия в мире в целом. Недостаток в одном локусе тварного мира выражает преизбыточную полноту в другом его локусе. Даже бунт твари против Творца есть не просто выражение ее конечного несовершенства, но и выражение меры присущего ей бытия, данного от Творца. Иначе говоря, нехватка бытия и есть выражение присущего такому несовершенному сущему бытия, и через него — выражение полноты бытия Сущего вообще. В античной философии, небытие как отсутствие опять же возможно только на основе бытия — как его выражение. Бытие и мысль о бытии есть одно и то же. Следовательно, не-бытие *имеется* (es gibt), когда мышления нет. Можно сказать так: не-бытие и не-мышление есть одно и то же, при этом неважно — это не-мышление о том, что есть, или о том, чего нет. Когда я не мыслю, ничего нет: (*есть*) чистое отсутствие. Это чистое отсутствие есть возможность быть и возможность не быть, а потому оно неопределенное и понимается как *глупость*. Здесь глупость двоится: с одной стороны, она есть возможность, начало и основание мышления, с другой стороны, она не является основанием действительности мышления (к бытию): мышление есть начало самого себя. Поэтому во всей рационалистической западной традиции от Античности до Нового времени глупость связывалась с отсутствием ума как характеристикой *наличного бытия*.

[2] А точнее — вообще нет ума. Русские живут так, как будто бы не имеют своего ума или он вне их самих. Все архитепические русские герои — Иван-дурак, Емеля, Иван-пастух и т.д. — обладают этим фундаментальным отличием: их ум у Другого. Это значит, что их бытие изначально не умно, не тождественно с разумом. Где их ум? — В клубке, у щуки, у Конька-горбунка; эти другие являются их «органом» мышления. Им доверяет, на них полагается культурный герой. Само же бытие русского героя как бы вне этого, оно просто бытие, бытие само по себе, чистое

бытие как таковое… Ведь *быть* — это и значит *просто быть, присутствовать*, а вовсе не мыслить бытие, вовсе не отождествлять свое мышление с бытием, вовсе не делать из своей жизни мыслительную задачу, как это делает западный человек.

[3] Поэтому, видимо, не зрительные или аудиальные, а кинестетические образы описывают русское присутствие. Кинестетика пребывания выражается в языке пре*бывани*я, у*бывания*, от*бывани*я, пере*бывания*, из*бывания*, до*бывани*я, о*бывания*, за*бывания*, с*бывания* и т.д. Сама стихия русского языка указывает не на отношение из-вне, а, скорее, на переход из одного состояния в другое состояние того же самого [см.: 5, с. 281–283].

[4] Отсюда удивительные отношения русских с пространством и перемещением в пространстве. Всякие географические путешествия вроде «Путешествия за три моря» Афанасия Никитина рассматриваются как любопытная затея, не более. А вот поход в Сибирь или на край Ледового моря отнюдь и не «поход», а погружение в бытие.

[5] Здесь необходимо отличать русское «народ» от немецкого Volk. Последнее есть указание на некую изначальную общность, которая есть единство автономных личностей, скрепленных общим Духом и Судьбой, т.е. единым мировоззрением и общей историей. Такое понимание «народного духа» идет от Гегеля. Это чувствуется даже в рафинированном исследовании Э. Юнгера [см.: 11]. Нацисты добавили сюда еще «Почву» и «Кровь», пространство пребывания и родство. Но это принципиально отличается от русского «народа», который есть не общее мировоззрение и история, земля и родство, а *совместное бытие* — пребывание в испытаниях. Русский всякий, кто разделяет русскую судьбу, т.е. русское бытие. Такое понимание «народности» ближе к античному пониманию трагедии как игры бытия. Нацисты представляли себя наследниками греков, но при этом не сознавали, что в «народной судьбе» присутствует еще что-то, кроме «Крови» и «Почвы». Но Хайдеггер даже не понял, что сама история опровергла его представление о Небе и Земле, о немецком Духе и русской Душе [см.: 13, с. 108].

[6] Нравственная глупость подразумевает совесть именно как экзистенциал Заботы в смысле западного человека [см.: 6]. Но именно поэтому можно говорить о неразвитости нравственного сознания в русском человеке, но нельзя говорить о *безнравственном поведении или жизни*.

[7] Это то, что мучало Л. Толстого: «А мужики, мужики-то — как умирают?»

Список литературы

1. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс–Академия, 1992. 528 с.
2. *Декомб В.* Дополнение к субъекту. Исследование феномена действия от собственного лица. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 576 с.
3. *Дугин А.Г.* Мартин Хайдеггер. Возможность русской философии. М.: Академ. проект: Гаудеамус, 2011. 500 с.
4. *Калитин П.В.* Уравнение русской идеи (посвятоотечески новая и оригинальная система «мысли–поступка–социума» российских ученых монахов второй половины XVIII – начала XIX вв.). М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
5. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн.4: Мудрость слова. СПб: Филологический факультет СПбГУ: Нестор–История, 2011. 480 с.
6. *Комаров С.В.* Казус дурака. Маленькое эссе о глупости (1) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Философия. Социология. История. Психология. 2014. № 2. С. 23–35.
7. *Комаров С.В.* Метафизика и феноменология субъективности. Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007. 736 с.
8. *Франк С.Л.* Сочинения. М.: Правда; Вопросы философии, 1990. 607 с.
9. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
10. *Щеглов А.П.* Древнерусская ноуменальная натурфилософия. М.: Gesharim: Иерусалим,1999. 197 с.
11. *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб.: Наука, 2002. 539 с
12. *Heidegger M.* BeiträgezurPhilosophie (VomEreignis). // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 65. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2003. 521 s.
13. *Heidegger M.* Die Geschichte des Seyns // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 69. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2012. 229 s.
14. *Heidegger M.* Das Ereignis. // Heidegger M. Gesamtausgabe, Bd. 71. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2009. 345 s.

Получено: 01.05.2014.

References

1. Aries P. *Chelovek pered litsom smerti* [The hour of our death]. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1992, 528 p. (In Russian).
2. Descombes V. *Dopolneniye k sub'jektu: Issledovaniye fenomena dejstviya ot sobstvennogo litsa* [Addition to subject: first-person study of action phenomenon]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2011, 576 p. (In Russian).
3. Dugin A.G. *Martin Haidegger: Vozmozhnost'*

russkoj filosofii [Martin Heidegger. Possibility of Russian philosophy]. Moscow, Akademicheskiy proekt Publ., Gaudeamus Publ., 2011, 500 p. (In Russian).
4. Kalitin P.V. *Uravnenie russkoj idei (posvyatootecheski novaya I original'naya sistema «mysli-postupka-sotsiuma» rossijskih uchenyh monahov vtoroj poloviny XVIII – nachala XIX vekov)* [Equation of Russian idea (sacred-fatherly new and peculiar system «thought–action–society» of Russian scholar monks of 2nd half of the XVIIIth century – the beginning of the XIXth century)]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, 280 p. (In Russian).
5. Kolesov V.V. *Drevnya Rus': nasledie v slove: v 5 kn. Kn. 4. Mudrost' slova* [Ancient Rus: the legacy of the word: in 5 volumes. Vol. 4. The wisdom of word]. Saint Petersburg, Saint Petersburg St. Univ. Faculty of Philology Publ., Nestor-Istoriya Publ., 2011, 480 p. (In Russian).
6. Komarov S.V. [Casus of a fool. Small essay on stupidity (1)]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Istoriya. Psihologiya* [Perm National Research Polytechnic University Bulletin. Philosophy. Sociology. History. Psychology]. 2014, no 2, pp. 23–35 (In Russian).
7. Komarov S.V. *Metafizika i fenomenologiya sub'jektivnosti. Istoricheskie prolegomeny k fundamental'noj ontologii soznaniya* [Metaphysics and phenomenology of subjectivity. Historical prolegomena to fundamental ontology of consciousness]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 2007, 736 p. (In Russian).
8. Frank S.L. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Pravda Publ., Voprosy filosofii Publ., 1990, 607 p. (In Russian).
9. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow, AdMarginem Publ., 1997, 451 p. (In Russian).
10. Scheglov A.P. *Drevnerusskaya noumenal'naya naturfilosofiya* [Old Russian noumenal natural philosophy]. Moscow, Gesharim Publ., Jerusalem, 1999, 197 p. (In Russian).
11. Junger E. *Rabochij. Gospodstvo i geshtal't; Total'naya mobilizatsiya; O boli* [The worker. Dominion and geshtalt; Total mobilization; On pain]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2002, 539 p. (In Russian).
12. Heidegger M. BeiträgezurPhilosophie (VomEreignis). [Gesamtausgabe]. Bd. 65. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Publ., 2003, 521 s.
13. Heidegger M. Die Geschichte des Seyns. [Gesamtausgabe]. Bd. 69. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Publ., 2012, 229 s.
14. Heidegger M. Das Ereignis. [Gesamtausgabe]. Bd. 71. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Publ., 2009, 345 s.

The date of the manuscript receipt: 01.05.2014.

CASUS OF A FOOL. SMALL ESSAY ON STUPIDITY (2)

Sergey V. Komarov

Perm National Research Polytechnic University; 29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia

The article deals with an analysis of ontological stupidity as fundamental feature of Russian being. Based on existential Dasein — analytics the basic structures of Russian here-being are revealed: «avos» being, occurrence and Russian carelessness. It is concluded that Russian being turns out to be a one beyond western opposition of existence and non-existence, thinking and madness, fear and bravery, death and immortality, good and evil. Russian equivalents of existentials of here-being which are a cornerstone of Russian stupidity are analyzed. It is pointed out that «pathology» of Russian being is in its ambivalence and failure to understand such ontological structure by Western thinking.

Key words: mind, stupidity, being, here-being, «авось», occurrence, carelessness, exposure, being abandoned / found, commitment, conscience, death, understanding

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Комаров С.В. Казус дурака. Маленькое эссе о глупости (2) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 49–59.

Please cite this article in English as:
Komarov S.V. Casus of a fool. Small essay on stupidity (2) // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 49–59.

УДК 130.121.3

ГЕНЕАЛОГИЯ МАРГИНАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ, В ПРОЕКТЕ ИСТОРИИ СЕКСУАЛЬНОСТИ М. ФУКО

Рязанов Иван Владимирович
кандидат философских наук, доцент
Пермская государственная сельскохозяйственная академия
им. академика Д.Н. Прянишникова
614990, Пермь, ул. Петропавловская, 23
e-mail: iwan.riazanow@yandex.ru

На основании различия между историографическим и маргинальным способом изучения взглядов французского философа М. Фуко, представлен анализ проблемы субъекта в проекте его истории сексуальности. Исследуется маргинальный компонент воззрений на человека, связанный в проекте истории сексуальности с проблемой наказания. Рассматривается проблема преемственности генеалогического метода Ф. Ницше и М. Фуко. Выделяется традиционная для археологии М. Фуко «способность к безумию», способствующая изменению проекта истории безумия в проект истории сексуальности. Изменение генеалогического смысла сексуальности определяется посредством трех типов деструктивности субъекта исторического познания. Определяются условия для проведения сравнительной аналогии между античным текстом М. Хайдеггера и образом античности в проекте истории сексуальности М. Фуко.

Ключевые слова: антропология; археология; безумие; генеалогия; герменевтика; дискурс; маргинальное; сексуальность.

Выдрессировать животное,
смеющее обещать, —
не есть ли это как раз та
парадоксальная задача,
которую поставила себе природа
относительно человека?
Не есть ли это собственно
проблема человека?
Ф. Ницше

Творчество известного французского историка и философа М. Фуко является предметом пристального внимания представителей самых различных гуманитарных наук. Помимо исследованного европейскими и отечественными авторами историографического аспекта его творчества, на наш взгляд, необходимо обратиться к изучению маргинального компонента его мировоззренческих взглядов [1, 2, 3, 5, 11]. Только в этом случае мы имеем возможность получить более адекватное представление как о логике развития внутренней эволюции взглядов самого мыслителя, так и о том влиянии, которое он оказал на европейскую и отечественную гуманитарную традицию. В центре нашего внимания будет находиться проблема человека в творчестве позднего М. Фуко. Данную проблему с концептуальной точки зрения, т.е. исходя из предложенного способа изучения наследия французского мыслителя, мы можем гипотетически обозначить как маргинальную антропологию.

Обратимся к тексту второго тома «Истории сексуальности» М. Фуко и попытаемся проиллюстрировать креативность предложенного метода исследования. В первую очередь нас будет интересовать то, что у французского мыслителя обозначается в качестве «трансформированной сексуальности» [7]. Вопрос о природе механизма изменений природы сексуальности напрямую связан с той несколько декларативной позицией, которую занял М. Фуко, объясняя причины своего очередного теоретического сдвига, принципиально меняющего направление исследовательского интереса.

Во-первых, он выделяет традиционную для своего исследования форму эпистемологического парадокса. История сексуальности должна быть помещена в феноменологические скобки, поскольку «термин “сексуальность” появился довольно поздно, в начале XIX века» [7, с. 5]. В истории познания сексуальность, как и безумие, в качестве объектов познавательного интереса могли и не существовать, они определены конкретными усло-

© Рязанов И.В., 2014

виями происхождения. Поэтому вопрос о существующей или несуществующей сексуальности, как впрочем и вопрос о существующем или несуществующем безумии — это всегда вопрос о субъекте: «речь шла о том, чтобы проанализировать, каким образом в современных обществах сложилась такая “форма опыта”, где индивиды должны признавать себя в качестве субъектов определенной “сексуальности”» [7, с. 6]. С другой стороны, начиная с археологической реконструкции опыта безумия, дискурсивная сексуальность у М. Фуко была строго поделена между разумом и неразумием, нормальным и ненормальным. В археологическом проекте сексуальная этика с жесткой регламентацией межполовых отношений являлась своеобразным знаковым элементом всего ансамбля неразумия. Как определенный герменевтический ключ она служила для расшифровки следов безумия и в качестве «высшей формы чувствительности» конституировала психоаналитический дискурс о сексуальности. Тем самым ненормированная сексуальность, артикулировавшая себя на языке бессознательного, прямо проецировалась на буржуазную семью, не только порождая тот или иной модус восприятия безумия, но и создавая эффект исторически наказываемой сексуальности. В эпицентре происходящего смещения оказывается, таким образом, переход от формы буржуазной семьи к форме опыта субъективности конкретного индивида. Такая перекодировка сексуальности во многом способствует изменению всего генеалогического проекта. В силу указанной тенденции, по аналогии с историей безумия, мы можем допустить видоизменение известной формулы М. Фуко: отныне не только «безумие говорит на языке антропологии», но и сексуальность. Репрезентативными в этом смысле являются лекционные курсы французского мыслителя за 1973–1974 и 1974–1975 гг. [8, 9]

Во-вторых, изучение «форм, в которых индивиды приводятся к тому, чтобы признавать себя субъектами пола» [7, с. 8] потребовало от автора провести и более широкую аналогию, речь идет о воспроизводимой в границах маргинальной антропологии герменевтической проблематики, т.е. о проблематизации, которая как раз и связана с проблемой опыта субъективности. Еще раз обратимся к генеалогии внутренней работы М. Фуко. Как мы помним, археология субъекта в истории Безумия была отождествлена с археологией языка, исходя из чего становится более понятной герменевтическая аналогия в истории сексуальности. Теперь проблемы истолкования форм безумия, существующие для наук изучающих душевные расстройства, существуют и для изучения форм субъективности. К этому необходимо добавить, что поиск скрытого смысла при истолковании форм безумия, вытекал из трехчленной структуры: *человек, безумие и истина*. Сама археологическая структура этих компонентов во многом обуславливала смысловое пространство возможной интерпретации такого маргинального объекта, как безумие.

В проекте истории сексуальности возможность интерпретации вытекает из того, что опыт сексуальности — это, как минимум, историческая проекция «определенной генеалогии», необходима, как пишет М. Фуко, предварительная историческая и критическая работа в отношении субъекта желания. То, что раньше существовало в виде реконструкции генеалогического метода Ф. Ницше, теперь обретает статус герменевтики желания, основанной на способе, посредством которого субъект сексуальности, конституировал себя в качестве носителя скрытого смысла. И если «идея этой генеалогии была в том, чтобы проанализировать, каким образом индивиды приводились к необходимости применять к самим себе и к другим определенную герменевтику желания» [7, с. 9], то сам способ признания себя субъектом желания во многом дублирует и повторяет способность к безумию. В этом случае способность к безумию, имманентно содержащая в себе неразрешимость человеческого существования и образующая предел интерпретации исторической субъективности, во многом способствует преодолению разрыва, который существовал между археологией и генеалогией М. Фуко.

Одновременно с этим способность к безумию, превратившаяся в герменевтику исторической субъективности, означала и трансформацию генеалогического смысла сексуальности, так как позитивность ее происхождения требовала растворить субъекта в «местах пустого синтеза тысячи ныне утраченных событий». Другими словами, возможность изменения способности к безумию в проекте истории сексуальности — это способ преодоления деструктивности субъекта исторического познания и вместе с тем депсихологизации всего генеалогического подхода. А поскольку в этом подходе генеалогия исторического предполагала и допускала три способа и типа использования деструктивности, то можно относительно каждого способа сделать следующие выводы:

1. В первом типе меняется методологический способ пародийно-деструктивного использо-

вания реальности. Ранее в этом типе границы исторического познания были ирреальны, как и познание истории, в буффонадной истории реальное и ирреальное смещены относительно исторической идентификации историка. Теперь границы исторического познания больше не смещены относительно исторической идентификации историка, они проблематизированы, т.е. центрированы относительно способа признания субъектом себя в качестве субъекта желания. Например, «для того чтобы понять, каким образом для современного индивида стал возможен этот опыт отношения к себе как субъекту некой “сексуальности”, требовалось очевидно предварительно исследовать способ, каким западный человек в течение многих веков приводился к тому, чтобы признавать себя в качестве субъекта желания» [7, с. 9]. Таким образом, М. Фуко не просто вернул проекту истории сексуальности, антропологическую форму времени, он в имманентности генеалогического радикализировал вопрос об интерпретации исторического, т.е. вопрос об историчности самой интерпретации.

2. Во втором типе видоизменяется диссоциативно-деструктивное использование идентичности, вследствие чего генеалогия исторического больше не ставит перед собой задачу систематически растворять идентичность исторического субъекта. Скорее наоборот: множественная генеалогия синтезов состоявшегося и несостоявшегося в истории ставит перед собой проблему соотношения себя с множественностью идентифицирующего себя субъекта. А нелинейная динамика исторической событийности в силу очередного теоретического сдвига обретает форму вопроса «о формах и модальностях отношения к себе, посредством которых индивид конституирует и признает себя в качестве субъекта» [7, с. 10]. Такая трансформация, на наш взгляд, означает изменение методологического статуса принципа исторической событийности, который рассматривается вне контекста сингулярного закона, направленного против метаисторической непрерывности. Тем самым историческое событие репрезентирует себя в форме интерпретации, в которой исторический смысл и историческая цель неразрывно связаны с «историей человека желания». Это в очередной раз подтверждает инструментальность генеалогического метода, находящего в герменевтической структуре исторического процесса возможность для преодоления деструктивности субъекта исторического познания, с одной стороны, и анонимности истории разорвавшей связь с субъектом, с другой. Подобная интерпретация уже не усиливает динамический аспект проблемы наказания и основанную на этом аспекте реконструкцию «систем порабощения», поскольку и первое, и второе разрушали герменевтическую структуру исторического процесса, она скорее расширяет проблемное поле этого процесса, позволяя одновременно и расширять предел интерпретации исторической субъективности. И если множественность «человека желания» методологически видоизменена, то это и есть результат объективизации того, что Поль Вен считал главным достижением М. Фуко как историка. Историческая сингулярность невозможна без редкости человеческого факта, тем более что сознание эту редкость не воспринимает, даже историческое сознание: «человеческие факты редки, они не укоренены в полноте разума, вокруг них имеется пустое пространство для других фактов, о которых наш разум не догадывается; ведь то, что есть, могло бы быть другим» [4, с. 51]. Историческая редкость «человека желания» настолько расширяет проблемное поле исторического процесса, насколько «человек желания» объективирует себя посредством детерминированных практик, детерминированность которых, по словам Поля Вена, следует выявлять, поскольку сознание их не воспринимает.

3. Третий тип был связан с сакрально-деструктивным использованием истины противоположной истории. В этом противопоставлении историческое познание как совокупность форм воли к знанию обладало масштабом собственной несправедливости. Поэтому исторический анализ воли к знанию постулировал, что в «самом познании отсутствует право на истину» или ее основание, исходя из чего деструкция познающего субъекта была соизмерима с бесконечностью познания и идеей абсолютного знания. В таком случае вместе с деструкцией познающего субъекта под вопросом оказывалась и любая историческая форма воли к знанию, а генеалогия как модальность исторического познания становилась деструкцией познающего субъекта. Допускает ли «генеалогия истори-

ческого» такое использование деструктивности? Допускает, если объектом исторического анализа оказываются отношения устойчивого и неустойчивого, структурированного и неструктурированного и так далее, т.е. если усиливается динамический аспект проблемы наказания и вытекающая отсюда проблема реконструкции «систем порабощения». Но в нашем случае в центре внимания оказывается трансформация, которая сакрально-деструктивное использование истины превращает в «анализ истинностных игр в отношении себя к самому себе и форм конституирования себя в качестве субъекта» [7, с. 10]. Тем самым в истории сексуальности поле исследования напрямую отождествляется с «историей человека желания».

Методологическим ключом, объясняющим механизм реорганизации исследовательского проекта М. Фуко, может быть переинтерпретация проблемы наказания, поставленная Ф. Ницше в сочинении «Генеалогия морали». Выделяемая немецким философом исходная посылка любого исторического исследования заключена в том, чтобы не смешивать между собой происхождение и цель наказания, два компонента, применяемых к истории возникновения права: «причина возникновения какой-либо вещи и ее конечная полезность, ее фактическое применение и включенность в систему целей totocoelo расходятся между собой» [6, с. 455]. В силу данной посылки история репрезентирует себя в форме интерпретации, поэтому в генеалогической матрице исторического процесса «всякое возобладание и господство есть новая интерпретация» [6, с. 455]. Исходя из этого различия М. Фуко и провел анализ истинностных игр в их связи с отношениями власти, он усиливал динамический аспект проблемы наказания. Аспект совершенно неопределимый с точки зрения Ф. Ницше, в силу того что понятие наказания представляет не один смысл, но целый синтез смыслов, отсюда и вся история наказаний у автора «Генеалогии морали» — это единство, «с трудом поддающееся анализу и, что следует подчеркнуть, совершенно неопреодолимое» [6, с. 457]. Поэтому позитивность вопроса о наказании — «Почему, собственно, наказывают?» — перестает быть позитивностью, связанной с реконструкцией «систем порабощения», в которых неустойчивое и неструктурированное совершенно свободны по отношению к обозначаемому историческому смыслу. Генеалогия наказания, таким образом, осуществляя власть над субъектом в процессе переинтерпретации, уступает место власти субъекта над самим собой, а вопрос о наказании теперь оказывается смещен из центра генеалогической проекции, он не может больше изменять герменевтическую структуру исторического процесса.

В качестве методологического различия происхождения и цели наказания этот вопрос становится формой новой интерпретации, и его структурная конфигурация напрямую вытекает из герменевтики исторической субъективности, отсюда и основной вопрос, который будет конституировать всю последующую маргинальную антропологию М. Фуко: «Посредством каких истинностных игр человек признал себя в качестве человека желания?» [7, с. 11].

Мы видим, как в процессе стратегической переориентации проекта истории сексуальности метаисторическая форма, деструктурированная генеалогическим содержанием проблемы наказания, уступает свое место такой форме истории, где отношения субъекта и истины построены уже не на деструкции субъекта исторического познания, а, наоборот, на исторической самоинтерпретации. С одной стороны, это означает, что субъект и истина становятся противоположными полюсами, всей совокупности дискурсивных и недискурсивных факторов, общей генеалогии исторического, а с другой стороны, указывало, что сексуальность теперь является некой криптограммой маргинальной субъективности. Трансформировалась ли сексуальность в процессе подобной исследовательской реорганизации в субстрат герменевтических отношений? Возможно ли применить к ней традиционные приемы дешифровки скрытого смысла. Или герменевтика М. Фуко — это способ бриколажного функционирования, в котором маргинальный объект необходимо рассматривать как момент сцепления генеалогической и герменевтической структуры исторического процесса. Во всяком случае, к специфике методологической практики М. Фуко можно отнести то, что она воспроизвела форму анализа, при котором различие конкретных инструментов познания не деформировало сам способ «понимания истории истины», т.е. маргинальность объекта соответствовала форме познания, что и давало, на взгляд автора «Истории сексуальности» определенные теоретические преимущества. С точки зрения структурной организации проблемы отношения субъекта и истины это еще и почти герменевтический круг истории маргинальной субъективности, где герменевтика оце-

нивается и обесценивается исходя из генеалогии самой проблемы. Статус объекта в таком случае и есть ключ к пониманию причин, способствующих переходу к герменевтике исторической субъективности.

Подводя итог нашему исследованию, мы пришли к следующему суждению: история безумия и история сексуальности оказались крайними полюсами маргинальной антропологии, в которой герменевтика — это наиболее адекватный объекту инструмент познания. С учетом этого становится более понятным, почему в контексте общей линии исследования маргинальной антропологии и весьма противоречивой методологической практики у М. Фуко на горизонте истории «человека желания» возникает образ античного текста. Этот образ одновременно содержит возможность «глубокого понимания» и «отличия, не позволяющие нам ликвидировать дистанцию между нами и той мыслью, в которой мы признаем истоки нашего современного мышления» [7, с. 12]. Каков статус этого образа, если оценивать его исходя из методологической установки, связанной с историей истины, а точнее, с уже видоизмененной археологической формулой «человек–безумие–истина», которая трансформировалась по определенным правилам методологической стратегии в формулу «человек–сексуальность–истина»?

В истории современной философии, которая уже стояла перед проблемой «каков способ бытия истины» имеется прецедент как деструкции всей метафизической традиции, так и воспроизведения образа античности в качестве исконного философского вопрошания или герменевтики, «завязанной» на проблему истины и человека, вопрошающего о ней. Например, в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера можно выделить позитивный аспект применяемой им деструкции. Речь идет о вопросе, отнесенным автором «Бытия и Времени» к ближайшему, что затрагивает человека и саму его способность вопрошать: «Была ли в течение истории онтологии вообще интерпретация бытия и могла ли быть — и в какой мере — тематически приведена в связь с феноменом времени?» [10, с. 23]. Из общей структуры вопроса в перспективе будущего исследования нас может интересовать его первая часть, так как именно она проблематизирует последующую эволюцию многих идей немецкого мыслителя и позволяет в какой-то мере говорить о возможности или невозможности проведения аналогии между античностью М. Хайдеггера и М. Фуко.

Список литературы

1. *Автономова Н.С.* Мишель Фуко и его книга «Слова и Вещи» // Мишель Фуко. Слова и Вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad, 1994. 406 с.
2. *Бланшо М.* Мишель Фуко, каким я его себе представляю. СПб.: Machina, 2002, 96 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Забыть Фуко. СПб.: Владимир Даль, 2000. 90 с.
4. *Вен П.* Как Пишут Историю. Опыт эпистемологии. (Приложение Фуко совершает переворот в истории). М.: Научный мир, 2003. 351 с.
5. *Дьяков А.В.* Мишель Фуко и его время. СПБ., Алетейя, 2010. 672 с.
6. *Ницше Ф.* К генеалогии морали. Полемическое сочинение. Т. 2. М.: Мысль, 1996. 829 с.
7. *Фуко М.* Использование Удовольствий. История сексуальности. СПБ.: Академ. проект, 2004. Т. 2. 432 с.
8. *Фуко М.* Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб.: Наука, 2004. 432 с.
9. *Фуко М.* Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Наука, 2007. 450 с.
10. *Хайдеггер М.* Бытие и Время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
11. *Эрибон Д.* Мишель Фуко. М.: Молодая гвардия 2008. 378 с.

Получено: 10.03.2014.

References

1. Avtonomova N.S. [Michel Foucault and his book «The order of things»]. *Michel Foucault. Slova i veschi. Arheologiya gumanitarnyh nauk* [An Archaeology of the Human Sciences]. Saint Petersburg, A-cad Publ., 1994, 406 p. (In Russian).
2. Blanchot M. *Mishel Fuko, kakim ya ego sebe predstavlyayu* [Michel Foucault as I imagine him]. Saint Petersburg, Machina Publ., 2002, 96 p. (In Russian).
3. Baudrillard J. *Zabyt' Fuko* [Forget Foucault]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2000, 90 p. (In Russian).
4. Veyne P. *Kak pishut istoriyu. Opyt epistimologii (Prilozhenie: Fuko sovershaet perevorot v istorii)* [Writing History: Essay on Epistemology. (Appendix: Foucault makes upheaval in history)]. Moscow, Nauchnyj mir Publ., 2003, 351 p. (In Russian).
5. Dyakov A.V. *Mishel Fuko i ego vremya* [Michel Foucault and his time]. Saint Petersburg, Aletejya

Publ., 2010, 672 p. (In Russian).
6. Nietzsche F. *K genealogii morali. Polemicheskoe sochineniye. Tom 2* [On the Genealogy of Morals. A polemic. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1996, 829 p. (In Russian).
7. Foucault M. [The Use of Pleasure. The History of Sexuality]. Vol. 2. 2004, 432 p. (In Russian).
8. Foucault M. *Nenormal'nye: Kurs lektsij, prochitannyh v Kollezh de Frans v 1974–1975 uchebnom godu* [Abnormal. College de France course lectures of 1974–1975 academic year]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007, 450 p. (In Russian).
9. Foucault M. *Psihiatricheskaya vlast': Kurs lektsij, prochitannyh v Kollezh de Frans v 1973-1974 uchebnom godu* [Psychiatric power. College de France course lectures of 1973–1974 academic year]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007, 450 p. (In Russian).
10. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow, Ad MarginemM Publ., 1997, 451 p. (In Russian).
11. Eribon D. *Mishel Fuko* [Michel Foucault]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2008, 378 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 10.03.2014.

THE GENEALOGY MARGINAL SUBJECTIVITY, THE HISTORY OF SEXUALITY M. FOUCAULT

Ivan V. Ryazanov

Perm State Agricultural Academy; 23, Petropavlovskaya str., Perm, 614990, Russia

The article presents the analyze of the problem of the subject in the context of it's history of Sexuality. The analyze is based on the difference between historiographic and marginal ways of learning Michel Foucault's views. The marginal component of the views on the person associated in the project of the history of sexuality is being considering in the article. Also seriously considers the problem of eligibility of genealogical methods of F. Nietzsche and M. Foucault. The modification of genealogy by three types of subjects destructiveness of historical cognition. The traditional for M. Foucault's archeology issue of the «ability to insanity» fosters modification of the history of sexuality. The conditions of conducting comparative analogy between the ancient text of M. Heidegger and the way of antiquity in the history of sexuality M. Foucault are being determinating in the article.

Key words: anthropology; archeology; madness; genealogy; hermeneutics; discourse; marginal; sexuality.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Рязанов И.В. Генеалогия маргинальной субъективности, в проекте истории сексуальности М.Фуко // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 60–65.

Please cite this article in English as:
Ryazanov I.V. Genealogy marginal subjectivity, the history of sexuality M. Foucault // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 60–65.

УДК 130.2

РЕФЛЕКСИЯ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В XX ВЕКЕ: «АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС»

Комадорова Ирина Владимировна
доктор философских наук, профессор, директор
Набережночелнинский филиал Университета управления «ТИСБИ»
423825, Республика Татарстан, Набережные Челны, ул. Татарстан, 10
e-mail: irina-komadorova@yandex.ru

Кузнецова Евгения Владимировна
кандидат философских наук, доцент, заместитель директора по научной работе
Набережночелнинский филиал Университета управления «ТИСБИ»
423825, Республика Татарстан, Набережные Челны, ул. Татарстан, 10
e-mail: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru

В XX в. человек раскрыл свой творческий потенциал. Доказательством тому служит множество открытий и изобретений материально-предметной и духовной деятельности. Но в то же время человек оказался на грани самоуничтожения. Авторы статьи пытаются раскрыть сущность возникшего общественного кризиса. Они делают экскурс в историю представлений о человеке. Они также приводят различные характеристики данного цивилизационного этапа, основываясь на взглядах отечественных и зарубежных исследователей. Основная причина разворачивающегося кризиса, по мнению авторов, заключается в уничтожении «человеческого в человеке».
Ключевые слова: бытие человека; одномерный человек; массовость; массовая культура; бунт человека; антропологический кризис; информационная цивилизация.

Проблема сущности и бытия человека, его места в социуме, всегда находилась в центре философских исследований, но особенно острой она становится в переходные моменты исторического развития человечества и общества, когда требовалось ее скорейшее осознание. Каждая историческая эпоха, каждое столетие обогащало человечество в социально-духовном плане чем-то новым.

Человек в древнеиндийской философии — часть мировой души, его бытие подчиняется принципам универсума, его индивидуальная душа (атман) растворяется в мировой душе (брахман). Прослеживается тесная взаимосвязь между человеком, животными и растениями. Но освободиться от земных страстей, от закона сансары — кармы способен только человек, потому что в нем заложено стремление к свободе. Впоследствии данная идея Упанишад нашла отражение в других древнеиндийских философских учениях.

Нравственные качества человека становятся центральной темой конфуцианства — антропоцентрического учения Древнего Китая, названного в честь его автора и создателя Конфуция (Кунцзы). Целью всей жизни человека, по мнению Конфуция, является его нравственное и моральное совершенствование, достижение уровня «благородного мужа» (цзюнь-цзы). Чтобы достичь этого, необходимо следовать ряду этических принципов. Особое место среди них занимает концепция «жэнь» (человечность, гуманность), которая выражает закон идеальных отношений между людьми в семье и государством. Ведущее правило древнекитайского учения конфуцианства — «не делай людям того, чего не пожелаешь себе». Исходное положение даосизма, еще одного древнекитайского философского учения, — это учение о «дао» (дорога, путь). Принцип «дао» заключается в полной согласованности природы, человека и Вселенной, гармонии всего живого. Отсюда вытекает принцип, благодаря которому человек способен достичь состояния гармонии.

Основной чертой всей древневосточной философии становится, таким образом, ориентация личности на изменение не внешних обстоятельств, а самого себя, своих внутренних качеств. Еще одна черта — трансцендентализм, когда человек тесно связан с запредельным миром, является его составной частью. Отметим, что данные

© Комадорова И.В., Кузнецова Е.В., 2014

характеристики стали впоследствии определяющими в формировании и развитии культуры стран Востока и формировании менталитета жителей в этих странах.

На ранних этапах становления античной философии человек выступает в качестве отдельного момента проявления всеобщего космического процесса. Так, пифагорейцы рассматривают космос как огромный человекоподобный организм, мыслители милетской школы (Фалес, Анаксимен, Анаксимандр) трактуют человека в неразрывной связи со всем окружающим миром. По мнению древнегреческих философов, человек является микрокосмом, т.е. выражает в себе бытие, Вселенную — макрокосмос. Лозунг, выдвинутый Сократом, «Познай самого себя!» означает принадлежность человека к космическому единому, его познание — это познание принципов бытия. Вместе с тем этот призыв означает еще и «Ищи себя» или «Испытай себя». Для Сократа особый интерес представляет внутренний мир человека. Он утверждал, что «добродетель есть знание», т.е. человек, познавший, что такое добро, не будет поступать дурно. Таким образом, нравственное совершенство человека строится на познании истины. Истина же есть познание собственной нравственной сущности. Сущность платоновских представлений о человеке можно определить как антропологический дуализм: дуализм души и тела. Душа, как считает философ, вечна, бессмертна, тело смертно. Тело — это материя, душа устремлена в мир идей, это транцендентная субстанция. Трагизм человеческого существования заключен в этом дуализме, единстве и противоположности души и тела. В концепции Аристотеля человек — «социальное животное». Его истинная сущность может проявляться лишь в общении с другими людьми. Социальность наряду с разумностью отличает человека от животного. По Аристотелю, человек — существо деятельное, добродетельная жизнь человека может проявиться только в его деятельности. В период эллинистической философии проблема человека решается с точки зрения социально-нравственного уклада жизни людей. Социум представляется средством для удовлетворения потребностей отдельного человека. Таким образом, человек в античной философии занимает уже достаточно активную позицию, но в целом еще подчиненную всеобщему: социуму, государству, Вселенной.

В Средние века человек предстает как часть мирового порядка, установленного Богом. Человек — существо, созданное по образу и подобию Божьему. Человеческая душа представляется особой субстанцией, отличающей человека от животного и указывающей на божественное происхождение человека: как произведение Бога — Творца. Дуалистическая идея противоположности души и тела, обоснованная в эпоху Античности Платоном, находит свое яркое продолжение в работах средневековых философов, в первую очередь в работах Августина Блаженного (Аврелия Августина). По мнению Августина, человек — сложная личность, раздираемая различного рода сомнениями и противоречиями. Телесная субстанция греховна по своей сути, душа же указывает на сопричастность человека божественному, но в то же время душа — собственная субстанция каждого человека. Христианство в этот период утверждает такие ценности, как индивидуальное бессмертие, индивидуальное спасение и искупление грехов. Несколько отлично от Августина решает проблему двойственности человека Фома Аквинский (Аквинат). Он определяет единство души и тела, сущность же каждого человека определяет именно его душа. Таким образом, дуализм и мистицизм становятся ключевыми в определении человека.

В эпоху Возрождения утверждается ценность телесного в человеке и принадлежность его к миру материальному. Человек Ренессанса живет земными радостями и огорчениями, он сам строит свою судьбу, познает мир и творит его согласно своим человеческим представлениям, демонстрируя силу духа. Естественно-научные открытия Кеплера, Галилея, Ньютона, Коперника заставляют человека искать новые методы в познании, тем самым устанавливая свое господство в мире и подчиняя себе природу. Проблема человека, таким образом, решается уже с позиций материализма, в отличие от мистицизма Средневековья.

В XVI–XVII вв. постепенно складывается концепция, согласно которой человек вправе по своему усмотрению преобразовывать мир, будучи высшим существом, наделенным разумом. «Рацио» постепенно становится доминантой всего Нового времени. Многих философов этого периода (Р. Декарта, Ф. Бэкона, Б. Спинозу) объединяет понимание разумности как свободного и активного действия на основе познания объективной необходимости.

В частности, Б. Паскаль утверждал, что все «величие и достоинство человека заключается в его способности мыслить». Согласно Р. Декарту, мышление является достоверным свидетельством человеческого существования. Но в то же время в

духе дуализма Декарт четко разводит субстанции души и тела. Тело представляется ему машиной, на которую воздействует сознание. У французских просветителей (Д. Дидро, П. Гольбах, Г. Гельвеций) особое развитие получает механистический взгляд на человека, рассматриваемого как некий механизм или машина. Работа Ж. Ламетри так и называется: «Человек-машина». Одна из концепций этих философов сводится к определению человека как продукта природы. В данной связи Ж.-Ж. Руссо призывает человечество вернуться в лоно природы. Для него природа — это символ естественности и чистоты. Французские философы также утверждали, что человек изначально по своей сути добр. Английские философы Дж. Локк и Т. Гоббс утверждали иное: «Человек человеку волк», и для организации собственного сосуществования с другими подобными индивидами человеку необходимо государство, иначе человечество погрязнет в вечных войнах и конфликтах. Так появляется «теория общественного договора».

Таким образом, в эпоху Нового времени философы стремятся рассмотреть человека с различных сторон. Не случайно для И. Канта вопрос «что такое человек?» является центральным в его творчестве. Человек, по мнению Канта, принадлежит природе, с одной стороны, а с другой — абсолютным ценностям. И как природное существо человек подчинен необходимости, а как духовное — свободен. Основное отличие человека от других природных существ заключается в наличии самосознания. Г. Гегель называет человека субъектом духовной деятельности и носителем разума. Он считает, что отличие человека от животного заключается в разуме. Л. Фейербах видит в человеке, прежде всего, чувственно-телесное существо, утверждая материалистический (в его натуралистическом варианте) взгляд на человека и мир в целом. К. Маркс придерживается другой точки зрения: человек — совокупность общественных отношений, создатель и элемент «надприродного» материального мира.

Философские концепции XIX–XX вв. предлагают самые различные трактовки проблемы определения человека. З. Фрейд акцентирует в человеке бессознательные психические процессы, разуму он отводит незначительную роль. Австрийский мыслитель считает, что вечная трагедия человека предопределена тем, что он является одновременно существом природным и социальным и постоянно вынужден разрываться между природой и обществом. Таким образом, его прогнозы относительно человеческого существования пессимистичны. Жизнь человека — неразрешимый конфликт, так как природное начало человека сильнее, чем социальное. Ф. Ницше возвеличивает «сверхчеловека», герои Ж.-П. Сартра и А. Камю — гордецы, богоборцы, бунтари.

Несмотря на все существующее разнообразие взглядов на человека, осмысление этого сложного феномена осталось, по справедливому замечанию Э. Кассирера, однобоким вплоть до наших дней. Н.А. Бердяев пишет, что человек — «загадка в мире и величайшая, может быть, загадка».

XX век занимает в бытии человека особое место. В первую очередь потому, что человек небывалым образом раскрыл свой творческий потенциал. Доказательством тому служит множество открытий и изобретений в материально-предметной и духовной деятельности. Но в то же время человек оказался на грани самоуничтожения. Феномен разрушения стал следствием также деятельности человека. Мы попробуем разобраться, почему случилось так, что многие открытия и изобретения человека обернулись против него самого, и какие проблемы поставили человечество на грань катастрофы. Одна из характерных черт современности — технологизированность общества и, как следствие, зависимость от техники человека. Г. Маркузе характеризует нынешнее общество, сложившееся на основе технического прогресса, как «одномерное», утратившее «второе измерение». Отсюда термин «одномерный человек» — потребитель, стремящийся к удовлетворению лишь своих потребительских желаний. Человек зависит от общества, его формирование происходит через формирование рационального образа мышления, который оказывает репрессивное воздействие на нравственные, эстетические, духовные ориентации человека [5, с. 92]. Андре Глюксман считает, что суть взаимоотношений в обществе — это подчинение. Поэтому неизбежно, что общество и государство воплощают тоталитаризм [6]. Мотив репрессивности и агрессивности, таким образом, становится ведущим в социальном бытии человека в XX веке [11]. Э. Фромм полагает, что одиночество — характерная черта современного человека. По его мнению, одиночество и беспомощность вызваны желанием человека обрести экономическую независимость. Обретение экономической свободы и материального благополучия привели человека к одиночеству, неуверенности и изоляции от внешнего мира. Между тем человек как существо социальное не может вынести изоляции. Как результат,

потеря ориентации и ощущение бессмысленности собственной жизни. Выход из данной ситуации Э. Фромм видит в развитии свободы и реализации человека как личности [9, с. 90]. Достичь этой свободы можно при помощи бунта. Бунт — еще один мотив бытия человека в XX в. Многие философы современности (в первую очередь представители экзистенциализма) считают бунт протестом современного человека против мира обреченности, отчуждения и равнодушия. А. Камю полагает, что все существование человека абсурдно. В своей работе «Миф о Сизифе» он показывает эту абсурдность. По его мнению, бунт предваряет любую цивилизацию и является ее неотъемлемым элементом. В бунте видит утверждение права человека на свою жизнь. В последние десятилетия для существования современного субъекта особое значение приобрели такие понятия, как массы, массовый человек, массовое сознание, массовая культура, т.е. сейчас мы переживаем ситуацию, в которой мнение масс, их поведение, действия становятся в обществе доминирующими. XX век предоставил огромный материал для осознания сущности и роли масс. Это время двух мировых войн, многочисленных революций, межэтнических и межрелигиозных конфликтов, возникновения и падения тоталитарных режимов, периода урбанизации, разрыва социальных связей, миграции населения. Кардинальные трансформации в различных сферах современного общества означают принципиальное изменение характера деятельности человека, основная отличительная черта которой в XX в. — массовость. Массовое производство, массовое распределение, массовое распространение, массовое творчество — все это привело к образованию массовой культуры. Массовость проявляется как тенденция, свойственная действиям или взглядам множества людей, как производство товаров в большом количестве, как широко распространенное популярное потребление этих товаров. В создании, распространении и потреблении продукции массовой культуры принимает участие огромное количество людей, в основном большая часть населения городов, стран, регионов, имеющих развитые сети СМИ. Многообразие интересов, взглядов, чувств в массовой культуре спрессовываются в клишированных формах стандартизированной информации, рассчитанной на массовую распродажу с помощью различных средств массовой информации. Ряд этих, рассмотренных нами, и других техногенных и культурогенных явлений вверг человечество в кризис — экологический, духовный, нравственный. Этой цивилизацией было заложено представление о неистощимости природных запасов и их бесконтрольном использовании человеком, были выработаны ценности неограниченного права человека на Земле как Высшего существа, обладающего разумом. И, наконец, существующая цивилизация сформировала тип массового потребителя, обладателя таких качеств, как вседоступность и вседозволенность.

Таким образом, «синдром кризиса» возник еще в XIX в. в разгар экономических, политических и социальных потрясений. Выход из исторического кризиса, в котором оказался современный мир, стал ведущей темой исследования многих ученых в различных областях знания: философии, социологии, психологии, экологии [4, с. 30]. Однако суждения всех мыслителей роднит общая мысль о том, что причина кризиса заключена в ошибочных действиях человечества, явившегося, с одной стороны, создателем цивилизационных норм и ценностей, с другой — результатом, продуктом функционирования техногенной цивилизации. Действительно, основанием для формирования данной цивилизации явились грандиозные достижения науки. Научная техническая революция позволила человечеству сделать много открытий, жизненно важных и необходимых для облегчения существования: телефон, телеграф, железные дороги, самолет. В то же время успехи в области науки и техники сформировали утилитарные представления о безграничной вере в человеческое мышление. «Слишком большая роль отводится логике и рациональности… поиск ответов на вопросы ведется исключительно с помощью логики и рационального мышления, игнорируются такие формы человеческого познания, как медитация, молитвы, мечты, интуитивное прозрение» (К. Лебак). К. Лебак утверждает, что одна из основных ошибок человечества заключается в преобладании рационального метода познания как единственно верного [3, с. 150]. Между тем непоколебимая вера в рассудок привела еще к одной беде индустриальной эпохи — утрате духовного и нравственного начал в человеческой сущности. Однако мы можем сказать, что человек состоялся как личность лишь в том случае, если ему присущи совесть и сознание наравне с разумом. И возможный путь спасения человечества лежит в формировании подлинной нравственности — чувства ответственности за свои мысли и действия, в осознании собственного несовершенства и, как следствие этого, стремление к постоянному духовному развитию. «Даже то, что я живу в то время, когда это происходит, есть

уже моя вина» (К. Ясперс). Одним из серьезнейших дефектов цивилизационного сознания, породившего глобальный кризис, стало чувство собственного превосходства человека над всем живым, и соответственно, права его господства на Земле. Р. Атфилд видит причину возникновения глобальных проблем в вере в прогресс, унаследованной от эпохи Просвещения и немецких метафизиков, позволившей безжалостно эксплуатировать природные богатства. «Совершенно ошибочно считать, — пишет Р. Атфилд, — что если людям — существам моральным — столь всерьез многое вверено, то это непременно должно означать отсутствие моральных запретов на практике. Господь, по Библии, заботится о благосостоянии всего живого, а не только человека, и люди в соответствии с этим обязаны заботиться о природе, не разрушать ее целостность в безжалостном подчинении собственным нуждам» [2, с. 133].

Культ знания, провозглашенный эпохой Просвещения, привел еще к одной беде — созданию идеологических учений, основанных на расовом или классовом превосходстве, богоизбранности, что, в результате, способствовало возникновению тоталитарных режимов, человеку же свойственно делать свой выбор в пользу общества, в котором все продумано «сверху». Однако в таком обществе нравственное чувство, как считает французский социопсихолог Ж. Семлен, притупляется, ибо оно присуще личности, а не массе. Доминирование общества над личностью является угрозой самому существованию нравственности. Общество, построенное на какой-либо идеологической идее, старается подавить свободную личность любыми насильственными методами, поскольку для такого общества недопустимы альтернативные идеи, действия («авторитарность, насилие взаимосвязаны»). Отсюда тотальная война, массовое насилие, колоссальное уничтожение человеческих ресурсов в XX в.

Из всего вышесказанного следует вывод, что самая страшная из грозящих нам катастроф — это антропологическая, т.е. «уничтожение человеческого в человеке». В этом случае мы имеем право заявить, что кризис современного мира по своей сути не только и не столько цивилизационный, сколько общественный. Очевидно, что он вызван множеством научных истин и культурных теорий. Несомненно, что и выход из кризиса кроется также в системе духовных ценностей — построении новой модели культуры, которая бы объединила в себе все существующие сегодня в мире самые разнообразные культуры на основе провозглашения таких общечеловеческих ценностей, как ценность Любви к ближнему своему (ценность гуманизма), ценность Природы, ценность Бога как олицетворение Добра и Совершенства, и при этом сохранила бы своеобразие каждой отдельно взятой культуры. Однако произойти это может лишь с развитием информационных инфраструктур как основных средств коммуникации в процессе культурного взаимодействия на стадии цивилизационного развития, определяющей новую направленность поступков, образа жизни людей, новое понимание смысла жизни. «Только в этом случае можно рассчитывать на тысячелетнее царство, которое будет царством нового осмысленного бытия, а не апокалипсисом хаоса научно мотивированных в каждом частном случае, но в целом бессистемных актов, движений, жестов, выкриков, обещаний, сливающихся в общую какофонию мировой постмодернисткой тусовки» (Э. Тоффлер). Ученые до сих пор спорят о названии нового цивилизационного (общественного) этапа. Социологу Д. Беллу принадлежит термин «постиндустрильное общество» для обозначения общества, в котором экономика основана на сфере услуг, доминируют классы профессиональных и технических работников, центральное место занимает теоретическое знание, высоко развита интеллектуальная технология [10]. Кенет Боулдинг употребляет термин «постцивилизация» для противопоставления его «цивилизации», представляющей собой эпоху оседлых сообществ, сельского хозяйства и войн. Збигнев Бжезинский вводит выражение «технотронное общество», подразумевая под ним общество, основанное на передовых технологиях, в первую очередь на электронике и электронных средствах коммуникации. Базисом для становления такого общества должно стать государство США в силу ряда причин, в частности, английского языка, являющегося языком международного общения и, соответственно, основным средством коммуникации на данный момент, и наличия мощной системы технических возможностей. Существуют и другие термины: «трансиндустриальное общество», «постэкономическое общество», «мировая деревня». Однако ученые во всех вышеперечисленных случаях, определяя новый этап цивилизационого развития, делают акцент на особый вид технологии, не давая при этом фактически никакой оценки социальным аспектам. То есть повторяется та же ошибка: уделяется внимание технологическому элементу, но игнорируется система нравственных и духовных ценностей. Между тем само употреб-

ление термина «общество» обязывает к анализу прежде всего духовного и социального аспектов, поскольку цивилизация — это категория технологичная, а общество — категория духовная. Систему ценностей (идеи, гипотезы, научные формулы) в качестве основной характеристики «информационного общества» делает предметом своего рассмотрения известный американский футуролог Э. Тоффлер [8]. Мы позволили себе согласиться с его термином, поскольку он, на наш взгляд, наиболее точно отражает природу общества будущего (цивилизация «третьей волны»), включая в себя скорость культурных, социальных, психологических, технических изменений, новые принципы построения политической системы отношений государства и общества, сеть массовых коммуникаций как средство построения единого культурного пространства.

В построении новой культурной модели на этапе становления информационного общества, однако, видится ряд опасностей. Во-первых, на пути к глобальной культуре может произойти стирание культурного разнообразия и полная унификация культур, «…выстраивается единая глобальная цепочка, а все, что не подходит под этот стандарт, выпадает из поля зрения и интересов владельцев технологических средств»[7, с. 320].

Во-вторых, информационный прогресс порождает компьютерного человека, который приобретает сверхвозможности, имея доступ к информационный сети, но вместе с тем попадает в зависимость от информационно-компьютерных программ [1, с. 120].

В-третьих, глобальная информационная сеть может создать предпосылки для нового тоталитарного режима, так как повсеместное внедрение информационных технологий лишает личную жизнь человека приватности. Любой факт биографии рядового гражданина любой страны может стать известным административным органам.

Таким образом, мы имеем дело с рядом противоречий «информационного общества», разрешить которые возможно только при соответствующей выработке концепции культуры цивилизации «третьей волны», концепции, которая бы позволила снять сегодняшние цивилизационные противоречия, разрешить межкультурные и межэтические трудности и конфликты. И такая новая концепция культуры представляет собой функциональное единство мысли, руки, души, т.е. соединяет культуру знания, техники и этическую культуру, которая состоит в «ответственности и обязанности, направленной на другого».

Список литературы

1. *Андриянова Т.В.* Культура информационного общества // Идеи в культурологии XX века: сб. обзоров РАН ИНИОН. М.: РАН ИНИОН, 2000. С. 45–120.
2. *Атфилд Р.* Этика экологической ответственности // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 120–187.
3. *Глобальные* проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. 320 с.
4. *Мамардашвили М.К.* Сознание и цивилизация // Природа. 1988. № 11. С. 30–51.
5. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Минск: Харвест, 2003. 230 с.
6. *Семлен Ж.* Выход из насилия // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 46–119.
7. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2001. 603 с.
8. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2002. 615 с.
9. Фромм Э. Бегство от свободы. Минск: Харвест, 2003. 253 с.
10. *Bell D.* The End of Ideology. Glencoe, 1964. 250 p.
11. *Riesmen D.* The Lonely Crowd. N.Y., 1953. 420 p.

Получено: 02.03.2014.

References

1. Andriyanova T.V. [Culture of information society]. *Idei v kulturologii XX veka: Sbornik obzorov RAN INION* [Ideas in culturology of the XXth century: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences collection of reviews]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2000, pp. 45–120. (In Russian).
2. Attfield R. [Ethics of environmental concern]. *Global'nye problemy i obschechelovecheskie tsennosti* [Global problems and universal human values]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 120–187. (In Russian).
3. *Global'nye problemy I obschechelovecheskie tsennosti* [*Global* problems and universal human values]. Moscow, Progress Publ., 1990, 320 p. (In Russian).
4. Mamardashvili M.K. [Consciousness and civilization]. *Priroda* [Nature]. 1988, no 11, pp. 30–51. (In Russian).
5. Markuze G. *Odnomernyj chelovek* [One-dimensional man]. Minsk, Harvest Publ., 2003, 230 p. (In Russian).
6. Semlen J. [Outcome from violence]. *Global'nye problemy i obschechelovecheskie tsennosti* [Global

problems and universal human values]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 46–119. (In Russian).
7. Toffler A. *Shock buduschego* [Future shock]. Moscow, AST Publ., 2001. 603 p. (In Russian).
8. Toffler A. *Tret'ya volna* [The third wave]. Moscow, AST Publ., 2002, 615 p. (In Russian).
9. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Minsk, Harvest Publ., 2003, 253 p. (In Russian).
10. Bell D. The End of Ideology. Glencoe, 1964. 250 p.
11. Riesmen D. The Lonely Crowd. N.Y., 1953. 420 p.

The date of the manuscript receipt: 02.03.2014.

REFLECTION OF HUMAN EXISTENCE IN THE 20TH CENTURY: «THE ANTHROPOLOGICAL CRISIS»

Irina V. Komadorova, Evgenia V. Kusnetsova

Naberezhnye Chelny Branch of University of Management «TISBI»;
10 (25/14), Tatarstan str., 423825, Naberezhnye Chelny

In the 20th century a man realizedhis creative potential. Many discoveries and inventions of substantive material and spiritual activities prove it. But at the same time the man found himself on the verge of self-destruction.The authors of the article try to uncover the essence of modern social crisis. They make theexcursion into the history of conceptions about a man. They also use different characteristics of the civilization stage, basing on the views of domestic and foreign studies. The main reason for the unfolding crisis, according to the authors, is the destruction of the «human in a man».

Key words: human existence, a man with one measure, mass, mass culture, riot of a man, anthropological crisis, informational civilization.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Комадорова И.В., Кузнецова Е.В. Рефлексия бытия человека в XX веке: «антропологический кризис» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 66–72.

Please cite this article in English as:
Komadorova I.V., Kuznetsova E.V. Reflection of human existence in the 20th century: «the anthropological crisis» // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 66–72.

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2014 **Философия. Психология. Социология** Выпуск 2 (18)

УДК 18:394.3

ИГРА КАК ОСНОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО И НЕКЛАССИЧЕСКОГО ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОПЫТА

Нагой Фатима Нурдиновна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8
e-mail: fatima_nm@mail.ru

Эстетика как философская дисциплина включает обсуждение теорий возникновения и призвания искусства. Одним из ключевых понятий выступает игра. В статье проводится краткий историко-философский анализ изменения и накопления значений данного понятия и сравнительный анализ его звучания в русле классического и неклассического понимания эстетического опыта. Особый интерес представляет современная эстетическая ситуация сосуществования указанных подходов. В данном контексте игра — опора осмысления культуры, сама культура приобретает игровой свободный характер, игра трактуется как важная характеристика человеческого существования, а также является характеристикой элитарной культуры. Эстетический опыт рассматривается как выражение нравственных принципов личности, позволяющих провести границу между игрой и не-игрой.

Ключевые слова: эстетический опыт; игра; философия искусства; культура; реализм; романтизм; рационализм; иррационализм.

Как философия, так и искусство способны сохранять и продлевать удивительное сознательное состояние человека, «оживляющее» культуру через игру. Исторически первым пониманием игры стала ее трактовка как подражания (мимезиса) и имитации действительности, реализации избытка физических и психических сил человека. Игровая реальность (искусственная и искусная) в отличие от объективной действительности является «неосновательной» и даже «несерьезной», так как внутри нее все как будто не по-настоящему. Аристотель видел эстетический смысл этой игры в катарсисе — очищении (облагораживании). Это особенное подражание возникает на основе принципа эстетически важного, а не обыденных и случайных фактов.

Следует отметить, что именно античная культура создает то качество времени, которое обозначено как досуг, свободное время и особое место существования, свободное от мирских обязанностей и обыденности, место отраженной калокагатии — единства разумного и нравственного, общения равных. В этом месте можно мыслить свободно, впадать в иллюзии, следовать бескорыстию, радоваться знанию ради знания. Такое свободное парение человека, поднявшегося над обычным обыденным измерением жизни, и является творческим. Мы можем утверждать, что античные философские школы являются таким игровым пространством.

Любомудрие является проявлением тяги к самосовершенствованию, обретению морального права на место и призвание в мире. Произведение искусства говорит нам «я вам кажусь», перед нами видимость, иллюзорная реальность, мы переживаем настоящие чувства и вместе с тем сохраняем дистанцию, так как отстраненность и обобщенность проявляются в возможности и «недействительности», игре происходящего. Это один из истоков реалистического искусства, которое, именно изображая, воссоздает, пересоздает действительность. Согласно мнению Ж.Ж. Руссо, искусство не является описательным отражением внешнего мира, оно выражение его посредством человеческих страстей и эмоций.

Философская мысль создает духовное русло (контекст) понимания отношения философии и искусства. Рационализм (классический подход), как правило, поднимал философию над искусством. Кульминацией такой позиции стало мнение Г.В.Ф. Гегеля о том, что искусство, как чувственно-наглядная стадия опредмечивания Мирового

© Нагой Ф.Н., 2014

Духа (развертывания Абсолютной Идеи), есть чувственно-наглядное выражение сущности, отражающее абсолютную истину через образ. Прекрасное нам дано как чувственная видимость идеи в ее жизненной непосредственности. Мысля триадами как в истории культуры в целом, так и в мировой истории искусства, Гегель видел три стадии: символизм Древнего Востока (наличие формы, но слабость художественной идеи); классическую античность (диалектизм формы и содержания), европейский романтизм (идея, переливающаяся через границы формы). «Я убежден, — писал Гегель, — что высший акт разума, охватывающий все идеи, есть акт эстетический и что истина и благо соединяются родственными узами лишь в красоте» [3, с. 212].

Отметим, что для данной точки зрения художественная практика и эстетика как философская область знания не тождественны. Таким образом, век искусства остается позади, когда все возникшее продолжает существовать, но без качественного изменения. Иными словами, когда искусство утрачивает свою познавательную силу, исчерпывает способность отражать абсолютную истину. Антитезой выступает познание истины через веру — религия. Синтез представляет собой понятийная картина мира — философия. Ко всем этим возможностям постижения абсолютной истины применим метод аналогии. Можно сказать, что в этом случае познание не игра, а духовная работа по самопознанию, осуществляемая Мировым Духом через усилия конечного духа (модуса Мирового Духа) — человека с использованием игровых приемов («хитрость» Мирового Духа).

Особо подчеркнем точку зрения И. Канта, который в работе «Критика способности суждения» [4] характеризует искусство как свободную игру, имеющую себя в качестве цели, своего рода игру душевных сил. Чувственность дана нам в двух формах: внешнее чувство — пространство, внутреннее чувство — время, описывается средствами трансцендентальной эстетики (суждения эстетического вкуса), представлена как удовольствие постижения внерационального. Художник гениален в силу способности передавать нам свою творческую интуицию через субъективность видимого им пространственно-временного мира (художественное произведение), ноуменальный мир остается непознаваемым. Идеи разума представляют собой стимулы познавательной деятельности, а не ее застывшие результаты.

Романтик Ф. Шиллер утверждал, что именно игра как способность наслаждаться произведением искусства на основе эстетического опыта выводит человека из звериного состояния. Чувственными порывами в человеческой природе представлены законы природы, стимулами к форме являются законы разума, а играет он в силу свободы на уровне души и тела. Получается, что подлинно человеческой наша жизнь становится только в игре, где мы бываем больше и вполне людьми. В дальнейшем Шиллер видит две черты красоты: «И потому красота может считаться гражданкой двух миров, к одному из которых она принадлежит по рождению, а к другому — по усыновлению; она получает бытие в чувственной природе, а права гражданства — в мире разума. Этим объясняется также, каким образом вкус, как способность оценивать прекрасное, является посредником между духом и чувственной природой, объединяя в счастливом согласии оба отвергающие друг друга начала, — каким образом он снискивает у разума уважение к материальному, а у чувств — склонность к рациональному, возводя непосредственные созерцания в сан идей и превращая в известной степени чувственный мир в царство свободы» [6, с. 124].

Становится понятным, что свободу человека или сущность человека придется обосновать, чтобы явления получили уровень настоящего или полноценного эстетического опыта. И здесь, в настоящем эстетическом, соединяются свобода и необходимость, которые у Канта полностью совпадают в области этики, а не в области эстетики. Однако свобода у Шиллера понимается действительно в качестве некой свободы игры, а не просто как устойчивое совпадение кантовского долженствования и свободы. Именно эта возможность игры является принципом индивидуальности, которая у Канта совсем исключается перед властью нравственного закона, применяемого человеком. Иными словами, в области явлений человек может на основе игры соединить свободу и необходимость, в пространстве игры развертывается его индивидуальность на основе его собственной природы. Далее мы будем понимать индивидуальность как степень и характер развития человеческой природы в конкретном человеке.

Все это станет очевиднее, если мы обратим внимание на ключевое звено всех размышлений Шиллера: именно человек является ключевым звеном, т.е. он мыслит о красоте, о человеческом теле и т.д., все эстетические позиции связаны с

человеком. Шиллер объясняет прекрасное именно тем, что настоящее эстетическое явление связано с человеческой свободой, с человеческой индивидуальностью, с человеческим движением, с человеческой сущностью, со способностью человека воспользоваться разными вариантами, связанными с игрой, с баловством, с шуткой. Человеческая телесность и человеческая свобода являются двояко: со стороны эстетического явления (телесность человека) и со стороны проявления человеческой природы на основе свободы игры (человеческая свобода); целостное и совершенное проявление дано в определенном человеке как индивидуальности.

Нам интересна и точка зрения Ф. Шлегеля, считавшего именно иронию философским методом в ситуации мудрого человека, когда он не может объять собою больший, чем он сам, мир и не может отказаться от этой попытки. Шлегель развивает метафору Гераклита, осмысливая игру как онтологический принцип бытия Универсума, а искусства, в свою очередь, создают отдаленные подобия бесконечной игры мира, в которой последний предстает как вечно себя созидающее произведение искусства. Он пишет: «Ирония есть ясное осознание вечной изменчивости, бесконечно полного хаоса» [7, с. 61]. Философский романтизм стирал грань между жизнью, искусством, религией, философией. Центром духовной жизни становится философия искусства, поскольку, по мнению Ф. Шеллинга, философия тождества есть осмысление природы в виде произведения искусства, а так как Всеобщее в Боге дано как абсолютная красота и вечное произведение искусства, то отражающее и созданное искусство является более концентрированным выражением истины, чем философия. Творческая интуиция схватывает самые скрытые основы бытия.

Ф. Шлейермахер подчеркивал, что эстетический опыт романтизма является особым религиозным опытом, объединяющим душу с Целым. Можно сказать, что позже эти размышления стали еще одной причиной подчеркивания нерациональных и даже иррациональных способов познания и отношения человека к действительности. Науки о природе обобщают, генерализируют, устанавливают причинно-следственные связи, в то время как науки о духе индивидуализируют, субъективируют и понимают. Для Шлейермахера игра является той формой нравственности, которая тесно связана с искусством и дружбой, и представляет собой сферу «свободного общения», в которой человек получает возможность реализовать свою индивидуальность. Серьезный статус игра имеет в философии экзистенциализма, например, игра как язык трансценденции у М. Хайдеггера, а также «языковые игры» Л. Витгенштейна в аналитической философии.

Таким образом, категория игры становится одной из опор для осмысления человеческой культуры в целом: игра выступает как основа культуры; сама культура, по мнения ряда исследователей, приобретет игровой, а значит, свободный характер в будущем, когда общество перестанет быть «репрессивным»; игра трактуется как основополагающая характеристика человеческого существования; игра является характеристикой элитарной культуры.

Синтетической силой искусства во многом объясняется тот удивительный для философов факт, что среди всего многообразия видов духовной деятельности нет другой равной ему по силе социального воздействия на человека. Вместе с тем искусство нередко даже пугало людей своей таинственной силой, мистической игрой сокрытого. Так, высказывалось мнение, что любое стремящееся к порядку государство должно запретить музыку (да и другие искусства), ибо она размягчает нравы и делает невозможной строгую субординацию. Ортодоксальное христианство в первые века своего восхождения запрещало театр и живопись как нечто оспаривающее суровый аскетизм, которого требовали этические христианские догматы. Даже в Новое время, когда вследствие развития общественной жизни о запрещении искусства уже не могло быть и речи, государство находило возможность накладывать жесткие цензурные запреты на литературу, требуя от нее послушного воспевания официального мировоззрения.

Эстетически XIX в. завершался ситуацией, с одной стороны, внутренней неоднородности, противоречивости. Быть духовно полноценным и не обладать эстетическим чувством невозможно. Эстетизм и даже эстетство становится чертой думающего, подчас очень одинокого человека. С другой стороны, приоритет гносеологии ведет к панлогизму (логика выражает действительное отношение между вещами), акцентированию интереса к методам и способам познания. Как следствие, наука утверждается как ядро культуры (позитивистская эстетика), возрастает ориентация на практику (марксистская эстетика).

Неклассический философский подход не позволяет понятие «игра» определить как завер-

шенное, логически замкнутое. Приведем одно из таких определений — игра является разновидностью физической и интеллектуальной деятельности, которая не имеет непосредственной практической целесообразности, дает индивиду возможность самореализации и даже самоутверждения вне социального контекста. Претензия к любому подобному определению будет связана с его неполнотой, поскольку попытка искусственного ограничения смыслового поля термина обнаруживает, что за установленными границами возникают события, которые имеют игровой характер. Вместе с тем, отказываясь от всяких ограничений, мы присоединяемся к тезису, что «все есть игра». Действительно, с психологической точки зрения игра обладает произвольным характером поведения, не предполагающего биологической или социальной пользы. Однако это определение лишено тех ограничений, которые позволяли бы термину приобрести инструментальный характер. Главным признаком игры является отсутствие продуктивной деятельности, т.е. мотив игры заключен не в результате, а в самом процессе. Психическая установка верящего и не верящего в действительность разыгрываемой ситуации, двойственность его поведения сближает игру с искусством.

В это же время на рубеже XIX и XX вв. осознается проблема соотношения искусства и идеологии. Идеологические системы, вбирающие в себя политические, моральные и другие установки определенного общества, нередко стремятся к подавлению свободы искусства и вместе с тем к его политизации. Со временем, естественно, смысловая сторона художественных произведений упрощенно отождествляется с некой логически упорядоченной системой политических идей (например, социалистический реализм), что приводит к забвению специфики собственно художественного мышления, к «утилитаризации» эстетического чувства. В результате идеологического диктата обретает силу и расцветает массовая культура, в которой эстетические показатели настолько снижены, что фактически исчезает всякое различие между таким усредненным искусством и самой идеологией.

В целом XX в. был назван эстетическим, поскольку оправдать существование мира с точки зрения философов жизни и экзистенциалистов можно только эстетически. Если жизнь есть искусство, то философия заключается в искусстве оставаться самим собой. Примитивизация и маскировка (усложнение) мира в рамках эстетического опыта (искусство ради искусства) стали следствием кризиса европейской системы ценностей (смерть Бога). Например, А. Шопенгауэр поддерживал точку зрения, что самоукрашательство как игра является фактором полового отбора. Теряет силу философия, выступающая как система знаний, становится значимым философствование, подключающее человека к бытию, а прорыв к трансценденции происходит преимущественно в сфере творчества.

Можно сказать, что философия становится некой формой игры, а не системным взглядом. Н. Бердяев подчеркивал, что личность в свободном проявлении дана в творчестве: «Свобода не может быть отождествлена с добром, с истиной, с совершенством. Свобода имеет свою самобытную природу, свобода есть свобода, а не добро. Принудительное добро не есть уже добро, оно перерождается во зло. Свободное же добро, которое есть единственное добро, предполагает свободу зла. В этом трагедия свободы» [2, с. 130]. Искусство прошлого столетия приводит нам примеры того, как в нем представлены размышление, рефлексия, теоретизирование (концептуализм). Художественность и описательность начинают выступать как методы философии. Экзистенциальная роль философии и искусства заключается в трансцендировании из обыденности, в установлении собранного бытия, попадании в «просвет бытия».

В работах Ф. Ницше нет однозначной оценки ни по отношению к искусству, ни по отношению к науке, ни по отношению к религии. Однако искусство искренно. Интересно то, что он трактует искусство как оригинальное подражание «игре универсума». Жизнь есть спонтанность и накопление силы (воля к власти), в которой «сверхчеловеческая» культура, может, и будет на основе духовного идеала (возвышенного, а не доброго) в лице сверхчеловека с избытком мощи и наивностью играть с тем, что было свято и неприкосновенно. Однако, находясь по ту сторону добра и зла, сверхчеловек не подрывает нравственность как чувство возвышенного и низменного. Сверхчеловек принимает мир и себя такими, каковы они есть и повторяет себя. Ницше полагал, что только человек прекрасен, а все остальное находится лишь в статусе второстепенной красоты. Замысел художника имеет сознательное и бессознательное начало, отсюда возможность множества истолкований, будто бы автору принадлежало еще большее количество замыслов.

В «Homoludens» Й. Хейзинга обозревает мир культуры и его историю в ракурсе игры, рассматривая игру как сущностную характеристику конструктивных способностей человека. Получается, что игра древнее искусства, сама культура сформирована игрой и в игре, она так существует и транслируется. Игровые характеристики культуры включены в различные сферы: религиозные культы, праздники, состязания, особо подчеркнем область философии, правосудия и политики. «Игра есть добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознанием иного бытия, нежели обыденная жизнь», — пишет Хейзинга [5, с. 41].

Эстетическую сущность игры подчеркнул Г.-Х. Гадамер, который, группируя виды игры, высшим проявлением (завершением), идеальным состоянием игры объявил искусство — за преображение игры в структуру. Произведения искусства — это пересоздание или преображение искусства в освобожденное существо. Например, смыслом живописи становится сама живопись. Когда, казалось бы, несерьезная игра становится неким осуществлением человечности, мы имеем дело уже, несомненно, с философией. Поэтому в качестве рабочего определения мы и можем использовать определение игры И. Хейзенги.

Таким образом, неклассическое искусство, начавшееся с авангарда, шаг за шагом отходит от подражательной изобразительности классике, устраняя дистанцию между объективной и отражательно-подражающей действительностью. Дистанцирование создается в классическом искусстве силой приоритетности зрения, которое полагает, что отстраненность позволяет видеть целое. Это ситуация привилегированного субъекта, который самоосознает себя как самостоятельного и отделенного от объекта. Изживание этой позиции приводит к неразличимости субъективного и объективного, отказу от объяснительного монолога, введению в процесс творчества бессознательных механизмов.

Эпоха постмодерна в определенном смысле обесценила понятие игры. Так, в игре стали акцентироваться иные признаки — вторичность, искусственность, симулятивность, подмена реальности, эскапизм, нравственная амбивалентность. Под игрой стало пониматься, прежде всего, ненастоящее, игра начала противопоставляться реальности. В то время как прежде игра предполагала творческое отношение к действительности, раскрывающее возможности и творческие силы человека.

Например, постструктуралистская мысль, трактуя «изнанку» структуры в контексте движения постмодернизма, меняет содержание феномена и понятия игры. Такие философы, как Ж. Делез и Ф. Гваттари, рассматривают игру как пространство безличных сингулярностей, накал точек интенсивностей, упорядоченность и хаос, различие как таковое выступает в качестве идеальной игровой ситуации, в которой игра становится натуралистической и свободной. Такая игра есть хаос универсума, творчество, которое вырастает из безличного приобщения к безличному абсолюту, теперь уже не дистанция, а эстетическое отношение позволяет захватывать безличные стихии.

Новое понятие «играизированного общества» опирается на обсуждение негативных и позитивных составляющих современной ситуации. Люди обретают привычку к двойственности игровой ситуации. Когда происходящее одновременно и реально, и нереально, человек включен и в виртуальное общение, и в конструирование имиджевых «Я», находится под прицелом иронии и ощущает карнавальность информационного пространства. Инфотейнмент-среда преподносит человеку информацию в развлекательной или близкой к ней форме. С другой стороны, установки на играизацию поведения могут отражать нестабильность и индивидуализированность жизни. Живя настоящим, человек выбирает повседневность, останавливая выбор на одном из вариантов, и сохраняет за собой возможность «выйти из игры», что и создает «общество скольжения», для которого свобода такого маневра становится уже ценностью.

К играизированным жизненным практикам людей может подталкивать и бессилие в решении по-настоящему серьезных жизненных задач. Как следствие, человек начинает убеждать себя в значимости психологического самосовершенствования, прикосновения к чувствам, потребления здоровой пищи, обучения балету или танцу живота, погружения в восточную мудрость, совершения пробежек по утрам, изучения взаимоотношений людей, преодоления страха перед удовольствиями. Об этом западные исследователи писали еще в 70-х гг. прошлого века, и это осознается нами сегодня. Так же, как и идея о том, что игра подменяет собой контркультурный бунт. Контркультура предполагает, что человек выстраивает свою

идентичность на основе неких ценностей. Сейчас эта установка претерпевает изменения от выстраивания человеком некоторого внутреннего кодекса в сторону выбора практики экспериментов, на этой основе расширяется пространство игры с идентичностью.

Среди позитивных черт играизации можно выделить изменение подхода к труду. В своей работе «Культурные противоречия капитализма» [1] Д. Белл внутренним противоречием капиталистического строя назвал антагонизм первоначальной протестантской этики капитализма (верность обычаям, аккуратность, привязанность к своему месту работы, трудовая дисциплина) и созданного благодаря успехам капитализма общества потребления с его соблазнами и удовольствиями. Традиции этики труда прочно закрепили за игрой роль развлекательной, несерьезной деятельности. Но в современной ситуации этот подход вряд ли применим. Новые возможности техники, позволяющие человеку работать удаленно, вне офиса, проникновение игровых и креативных технологий в бизнес, стимулирование и организация бизнесом активного отдыха работников — все это стирает грань между работой и отдыхом на основе новой этики — этики игры. Однако не следует забывать о том, что это только одна из точек зрения.

Вместе с тем, если игру рассматривать как свободную творческую активность, главными характеристиками ее участников должна стать способность не рисковать, а мыслить творчески и неутилитарно. Важно преодолеть понимание игры как чего-то симулятивно-вторичного, вернув этому понятию в социальном контексте подзабытый смысл, который в него вкладывали ведущие мыслители прошлого. То есть рассматривать игру как творческую способность человека к самостоятельному конструированию некоей реальности. При этом принципиально важно не забывать о нравственных границах всякого подобного конструирования. Граница между игрой и не-игрой лежит во внутреннем мире человека и всегда связана с его нравственными принципами, лучшими проводником которых является, в частности, эстетический опыт.

Подводя итоги, подчеркнем, что как философия, так и искусство продолжают пользоваться такими формами обобщения, как идеализация, типизация и типологизация, отражающими диалектическую связь всеобщего и единичного через утверждение особенного (индивидуального). Так и происходит «узревание» сущности вещей. Оба этих мира персонифицированы через автора-творца, в свою очередь читатель художественного и философского текста выступает как сотворец. Эта возможность возникает благодаря особой интуиции, которая представляет собой свободное и игровое вдохновение. Так возникает уникальность художественного текста. Искусство говорит на языке образов о неизобразимом, имея своим «предметом», своим устремлением то, что лежит за пределами собственно образа или собственно понятия, искусство остается трансцендентным применением чувственности. Философия в свою очередь остается областью реального или утверждения определенного представления реальности.

Список литературы

1. *Белл Д.* Культурные противоречия капитализма // Этическая мысль / отв. ред. А.А. Гусейнов. М., 1990. С. 243–258.
2. *Бердяев Н.А.* О русских классиках. Миросозерцание Достоевского. М.: Высшая школа, 1993. 368 с.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1970–1971. Т. 1. 668 с. (Философское наследие).
4. *Кант И.* Критика способности суждения. М.: Мысль, 1966. 564 с. (Философское наследие).
5. *Хейзинга Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 2004. 342 с.
6. *Шиллер Ф.* О грации и достоинстве // Шиллер Ф. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6: Статьи по эстетике. М., 1957. С. 115–170.
7. *Шлегель Ф.* Идеи // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Изд-во. МГУ, 1980. С. 60–61.

Получено: 26.03.2014.

References

1. Bell D. [The cultural contradictions of capitalism]. *D. Bell. Jeticheskaya mysl'* [Ethical thought]. Moscow, 1990, pp. 243–258. (In Russian).
2. Berdyaev N.A. *O russkih klassikah. Mirosozertsaniye Dostoevskogo* [Concerning Russian classics. Dostoevsky's world view]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1993, 368 p. (In Russian).
3. Hegel G.W.F. *Raboty raznyh let: v 2 tomah. Tom 1* [Works of several years: in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1970–1971, 668 p. (In Russian).
4. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [The Critique of Judgment]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, 564 p. (In Russian).
5. Huizinga J. *Homoludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens. In the shadow of tomorrow]. Mos-

cow, 2004, 342 p. (In Russian).
6. Schiller F. [On grace and dignity]. *Schiller F. Sobranie sochinnij: v 7 tomah. Tom 6. Stat'I po jestetike* [Oeuvre. In 7 vol., vol. 6. Articles on aesthetics]. Moscow, 1957, pp. 115–170. (In Russian).
7. Schlegel K.W.F. *Idei. Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov* [Ideas. Literary manifesto of West-European romanticists]. Moscow, Moscow st. Univ. Publ., 1980, pp. 60–61. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 26.03.2014.

GAME AS A FOUNDATION OF THE CLASSICAL AND NON-CLASSICAL AESTHETIC EXPERIENCE

Fatima N. Nagoy

Volgograd branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 8, Gagarin str., Volgograd, 400131, Russia

The article is devoted to aesthetics as a philosophical discipline, including the study of theories of origin and vocation of art where one of the key concepts is the game. The author executes a short historical and philosophical analysis of the changes and the accumulation of meanings of given concept and gives a comparative description of its sound in the frame of classical and non-classical understanding of the aesthetic experience. Special attention is paid to the modern aesthetic situation of coexistence of mentioned approaches. In this context, the game — support understanding of culture, culture itself becomes a free game character, the game is treated as an important characteristic of human existence, and is a characteristic of elite culture. Aesthetic experience is seen as an expression of individual moral principles that allow to distinguish between game and non-game.

Key words: aesthetic experience; a game; philosophy of art; culture; realism; romanticism; rationalism; irrationalism.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Нагой Ф.Н. Игра как основание классического и неклассического эстетического опыта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 73–79.

Please cite this article in English as:
Nagoy F.N. Game as a foundation of the classical and non-classical aesthetic experience // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 73–79.

УДК 159.956.22

О НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ

Курбатова Людмила Викторовна
кандидат философских наук, доцент кафедры Философия и право
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29
e-mail: Lukur@list.ru

В статье рассматривается ситуация существования «непосредственного», взаимодействия непосредственного и опосредствованного, а также возможности демаркационных процедур во «внутреннем видении», которые позволяют увидеть отдельные фрагменты для различений и определений. Автор считает, что взаимодействие непосредственного и опосредованного не обязательно заканчивается развитием.
Ключевые слова: диалектика; Я; непосредственное; опосредованное; знание; мышление; идентичность; рефлексия; дерефлексия; творчество.

> *Если для вас диалектика не есть непосредственное знание (и, стало быть, не предполагает откровения), то лучше не занимайтесь диалектикой.*
>
> *…Если диалектика не умеет ничего сказать о реальном теле, — такую дрянь не стоит и именовать диалектикой. Если диалектика не показывает, что в теле дана последняя осуществленность, что всякая жизнь есть жизнь тела, того или иного, что тело — движущий принцип всякого выражения, проявления, осуществления, — то такую диалектику надо вырвать с корнем из человеческого рода, и пусть будет отстранен всякий, кто станет ее насаждать среди нас и развивать. Много и так развелось в философии всяких шарлатанов и мерзавцев, и абстрактная диалектика, не понимающая тела и его сокровенного смысла, да будет изничтожена наряду с холерными и тифозными бациллами.*
>
> *А.Ф. Лосев «Философия имени» [5, с. 17]*

Нынешняя интеллектуальная ситуация, в том числе и в России, на наш взгляд, вновь делает актуальными простые вопросы. Казалось, что ОТВЕТЫ на эти простые вопросы уже акцептованы слушателями. И не вызывают сомнений…

Однако не покидает ощущение, что невозможно, например, отнестись ПРОСТО к констатации: классическое понимание истории общества закончилось. И наступило ДРУГОЕ понимание ВСЕГО. Как это? Как может существовать ПРОСТОЕ? Или: как ПРОСТОЕ может заканчиваться? Почему так привлекательны ПРОСТЫЕ ответы и ПРОСТЫЕ вопросы?.. «Простые ответы» привлекательны в силу нашей непосредственности?.. Что касается философии, то тут тоже можно заявить, что она сегодня уже и невозможна. И не существует. А тем более — «простая философия», годная для ответов на «простые вопросы»…

Но тут же возникает сомнение! Поскольку когда-то приходилось читать: «Я не утверждаю, что философия сегодня возможна, я утверждаю, что по форме ее возможность не есть переступание через некий конец. Напротив, предстоит разобраться, что значит сделать *еще один шаг*. Всего один шаг. Шаг в современную конфигурацию, ту, что со времен Декарта связывает условия философии с тремя узловыми понятиями, каковыми являются бытие, истина и субъект» [1, с. 14]. Казалось бы: ну что за проблема? Откажемся от этого замечательного слова «субьект»! И будем странствовать, наблюдая за «моим путешествием» по смыслам, за «моими приключениями» где угодно… Примем версию устройства мира по Умберто Эко. Ну, например: «Я лишь хочу сказать, что те, кого называют авторами “художественной” литературы… никогда, ни в коем случае не должны объяснять смысл ими написанного» [9, с. 57]. Множество текстов об одном и том же пространстве, пирог текстов без приоритетов авторства… И все закончится: мир останется таким, каким он был до нас и без нас — простым и романтичным. Зовущим к приключениям и рассказам, ничьим… Не стоит быть умным… Не стоит

© Курбатова Л.В., 2014

даже и стремится к тому, чтобы «быть умным»: просто произносите, провозглашайте, манифестируйте! Зачем надеяться на то, что кто-то хочет вас услышать, а тем более — понять?!

Хорошо, что мало кто пока знает, что «на вопрос, *где* находится субъект, в ходе психологических исследований даны такие ответы, которые уличают во лжи физиологические и гражданские очевидности» [7, с. 82]. Попробуем почувствовать разницу. Между БЫТЬ… УМНЫМ, скажем, и «быть умным». Каждый, кто прочел эти слова, вероятно, смутится. В одном случае «читается» некий намек на иронию. В другом — некое ожидание «продолжения». Возникает чувство, что вот-вот «последует» рефлексивный текст. Не важно, какого содержания. Философского. Антропологического. Культурологического. Гуманистического. Исторического. Или: еще какого-то ни будь… Возникает просто вопрос: почему? В чем разница между «непосредственностью существования» чего угодно. И опосредованностью. Тоже: чего угодно!

Как «простое», не требующее доказательств, вдруг становится сложным? Появляются границы и определения. Оттенки. Резоны. Как относительно «события» возникает «роман»? Что понуждает хоть кого выворачивать наизнанку, допустим, «бытие-в-себе»? И кому-то что-то рассказывать… Доказывать… При том, что никто и спросить не смел…

Отчего вдруг Гегель взялся описывать свои безумные «философские опыты», притом что, как кажется, с ним на «одном языке» в его время никто и разговаривать-то не мог!?

У каждого из нас имеется некая «привычка к культуре». Мы не выбираем себе образование, семью, страну, мать, отца, время, когда родиться, еду, которую употребляем в детстве, игры, в которые с удовольствием играем… Не выбираем! Поскольку непосредственны! Тогда: в какое же время и почему каждого когда-то настигает это состояние «философичности» и «рефлексивности»? Эта болезнь «от чтения»? От «искусства»? От «картин»? Или «спектаклей»? От еды?..

И тогда: идентичность каждого из нас — это удержание себя в «непосредственности»? Или: «в мучениях». Как у Мамардашвили. Каждый день отказываться от себя вчерашнего. И «быть новым». Каждый день начинать наново! И не быть равным себе вчерашнему. Не попадать в болото! Счастье — в росте. Инновациях. Развитии. Движении к… некоему идеалу. Не важно «вверх» или «вниз»! …в «светлое (ли) будущее»…

Однако европейская культурная история, похоже, дозрела. Добралась до состояния, когда нет нужды реагировать на любые «теории общественного развития». Нет нужды уповать на «свет разума». Или на «Спасение» посредством «Просвещения». Философия, теории прогресса мертвы. Наука кончилась. Точнее — гуманитарная наука… Точные науки еще существуют в отдаленных уголках. И стоят невероятно дорого… (Ошибется тот, кто воспримет ЭТИ мои слова как МОИ констатации…)

Значит? Значит, пора разбираться с этим маленьким вопросом «про непосредственность». Только потому, что, если «мы» не точны в своем движении от «непосредственности» к «опосредствованию», рушится всякое основание для логики. Для заключений о чем угодно!

В старые добрые школьные времена нам казалось очевидным, что диалектика все объяснила: про преодоление границы, противоречия и борьбу, про единство противоположностей. Да так хорошо объяснила, что часто есть соблазн воскликнуть «да это же диалектика, друг!» и этим ограничиться в понимании. Просто — перестать понимать, «высказавшись про диалектику».

Если просто, то после «пыльного марша» стало «понятно», что

1) А = «А», и значит…
2) А = «не-А»
3) А & «не-А» = Б, т.е.
4) Б = А, причем
5) Пп. «1» — «4»: происходят одновременно!

Заметили, что первый же переход — это переход от «непосредственного существования» к «рефлексивному»! Конечно, Гегелю легко было манипулировать с «границей». И у него оказалось очень много «политических учеников», которые действовали очень просто, провозглашая смыслы: «граница — для трусов»!

Мы до сих пор «заражены» «диалектическим вирусом», не умея преодолеть «дуальной логики оценки исторических процессов»…

Остановимся на «простом». Попробуем понять, как возможна непосредственность, которая описывается так: БЫТЬ (со) СМЫСЛОМ. А значит, и «быть (со) смыслом», «быть (без) смысла». Важной представляется мысль О.И. Генисаретского: «Инкультурация, являясь проекцией антропологического синтеза в иконическое пространство культуры, представляет собой особый способ вхождения в ее наличное тело новых ценностно-значимых составляющих — образов, “вещей” или персонажей, символических и энергийных комплексов.

Она представляет собой раскрытость культуры и реальность духовной жизни, обозначаемую в терминах той или иной картины мира, через ценности как органы “внутреннего человека”, через способности его сознания/воли и переживаемые им душевные состояния» [3, с. 15]. Сегодня эти слова можно понять и так: «человек на развилке». Попадая «в культуру», приходится «переживать» и(или) — «размышлять»?

В данном тексте была предпринята попытка одновременно «быть непосредственной» и «не быть непосредственной». Быть «рефлексивной» и «не быть рефлексивной». Ведь не ненароком же! Да, я — смотрю (слушаю, прикасаюсь, нюхаю)… Сознаю? Так как же возможна «непосредственность»?.. К тому же: приветствуется ли она? Или должна быть преодолена, разрушена, элиминирована? Благотворно ли влияние «рефлексии» на человеческое существование? Признание студента после курса обучения философии: «Я меньше стал материться» [4, с. 20]. Непосредственное Действие? Формулируя так в этом самом месте текст, «я» допускаю, что, совершая поступок, делая что-то или даже с кем-то, «я» не размышляю перед тем, как ЭТО сделать, о мотивах… Зачем я это делаю? С какой целью?..Чего хочу?..

Существует некий соблазн толковать об опосредствовании только потому, что есть некоторые «органы» — глаза, уши, язык, нос… Вот только «я» сегодня ночью проснулась от непосредственности вопроса, который существовал во мне, когда «я» спала, глаза мои были закрыты, нос потихонечку сопел, уши не слышали звуков ночи, язык был свободен от вкуса… Вопрос, который возник во мне помимо моей воли, за пределами желаний, «я» не стремилась к нему и не выбирала приемы, с помощью которых смогу расшифровать смыслы, вложенные в него, звучал во мне — хотя! Как «я» могу описать этот «звук», когда вокруг была молчаливая ночь?! А вопрос звучал так: откуда во мне берется этот долг жить? И «я» не применяла там, внутри себя, ненормативную лексику…

Этот внутренний текст, который возник во мне молча, побуждает меня задуматься. Как я его слышу, если он не звучит? Как я его вижу, если он не написан. Как я его понимаю, если он не написан и не прочитан? Каков смысл мне размышлять про текст, который и не написан, и не прочитан, а просто помимо моей воли возник во мне? В моей темноте. Или в моем свете.

В поисках ответа начинаешь путешествие «в себя», надеясь, что у меня есть время ответить… Может быть, мне, проснувшись, надобно заняться рефлексией?..

Рефлексия по привычке — «философский метод». Такой способ «разглядывания» себя самого, чаще — «мышление о мышлении». Однако поскольку «рефлексия» производится как бы «мысленным взором», то оказывается, что это такая внутренняя способность «видеть» мышлением. Смущает только то, что «мое непосредственное» временами не желает разговаривать с «моим рефлексивным». И время от времени появляется «я-медиатор», которая уговаривает «меня непосредственную» помириться со «мной-рефлексивной»… Так и приходится напряженно присутствовать во сне, прислушиваясь всю ночь к спокойным, раздраженным, а то и визгливым голосам. Скандалящих «про меня». Проснувшись, приходится «собирать единство себя», реанимироваться и попадать в «одну реальность». Но «ночные голоса» настаивали, что невозможно «быть реальным», поскольку «я» только лишь текст, который показался мне предпочтительным ночью.

Когда «я» странным образом решала, быть ли мне сегодня днем «непосредственной»? Или «рефлексивной»? Хотя были предложения «быть естественной», но кто-то там, в ночи выкрикивал странные лозунги про то, что пора «быть культурным»! «Личностное одиночество» или «существовании в диалоге»? [8]. Есть соблазн понять «непосредственность», «мое» ночное путешествие с разговорами как некое «движение по ступеням». Не важно, вверх ли, или — к «свету», или «вниз» — во тьму. Каждая ступенька, по которой «я» готова спуститься, наверное, является движением «к глубине». Только вот чего? «Смыслов»?

Попробуем на кого-нибудь «опереться», не «своевольничать»… К примеру, Гуссерль понимает сознание как процесс смыслообразования и конституирования и, соответственно, рефлексию как описание ноэтико-ноэматической структуры сознания и выявление различных уровней конституирования. Согласно Гуссерлю, сознание есть «обобщающее название для любых “психических актов” или интенциональных переживаний». Соответственно, акты рефлексии есть не что иное, как *переживания* особого рода, акты, «в которых поток переживаний вместе со всеми своими многообразными событиями (моментами переживания, интенциональностями) может быть схвачен и проанализирован с очевидностью». Сознание, по Гуссерлю, есть имманентная темпоральность, соответственно, рефлексия как схватывание временного потока сама является темпо-

ральной…[6]. Еще: «Проблема связи рефлексии и сознания приобретает в феноменологии Гуссерля особую остроту. Если рефлексия зависит от определенного понимания сознания, то каковы истоки этого “первичного понимания”? Если оно внерефлексивного происхождения, то может ли быть феноменологический метод всецело рефлексивным? С другой стороны, каковы истоки самой рефлексии? Если они коренятся в нерефлексирующем сознании, не означает ли это, что рефлексия имеет внерефлексивный фундамент? В этом случае на всеобщность рефлексии накладываются существенные ограничения» [6]. И мы сегодня бы рискнули добавить: «ограничения непосредственности»! Ведь «дурновкусие», «зломыслие», «сквернословие», «мыслебоязнь»… — не все «наши» «непосредственности»!.. Они — больше «рефлексии»…

Рефлексия — достаточно активная процедура. Нам кажется, что есть задачка понять «видение» как некое пассивное отражение и «видение» как активное «разглядывание». Такой «прожигающий взгляд». Взгляд, которым можно «прочертить границы», осуществить разграничения.

Всякая непосредственность демонстративна. И, похоже, спекулятивна. Манипулятивна. Непосредственность симулируется? Может быть, «непосредственность» — это только ЖЕСТ? Причем: ВСЕГДА?! Этот вопрос относится равно как к мышлению, так и к другим «обстоятельствам» личной жизни.

В непосредственности как акте проживания существуют все «личные активы»: и гнев, и радость, и печаль, и надежда, и вера, и уныние, и мышление… Не хотелось в этот самый момент называть перечисленные существительные «человеческими качествами». Хотя бы потому, что голова услужливо подсказывает, что где-то есть и «количества», некая… интенсивность. Пометим на полях, что попытка «сосчитать» эти самые «качества» вводит любого нормального человека в изумление! Нет такой практики! Нет таких «списков»! Не существует «правил» инвентаризации…

«Я» могу видеть свой гнев. Но, скорее всего, не управляю им. Или, точнее — до тех пор, пока я гневаюсь — я не вижу. И, тем не менее, моя готовность «провести границу» гнева (гневу) вовсе не означает, что я «интегрировала» свой гнев в свое мышление. Что я «поняла» его. Демаркация вовсе не означает «понимание». Точно таким же образом во мне существуют и другие активы. Активы непосредственны. Пассивы рефлексивны. Только демаркация как часть рефлексивной процедуры, как активное видение — специфическая «моя» деятельность в отношении «меня».

Вполне может статься, что демаркация активов — зряшная процедура! Часть из них никогда не сможет стать пассивами, сбалансироваться. Тем более что, похоже, в части «активов» нужна еще какая-то разметка.

Стоит заметить, что человек неопытный на предложение «увидеть внутри себя» нечто отвечает изумлением, смущением, неуверенностью. Он не владеет арсеналом и «технологиями» видения и идентификации того, что «увидит». Рефлексией как практикой. У него нет «слов» для того, чтобы начать наименование. У него нет «материала» для «границы». Если граница установлена, то ее, похоже, стоит и удерживать?!.. «Граница» не есть что-то равнодушное и естественное.

Материал для «демаркации» поступает из сферы культуры. Там хранятся некие «образцы», сравнение с которыми может подсказать, как «называется» то, что хотелось бы идентифицировать?.. Образцы «гнева», «радости», «надежды», «любви», «смущения», «утешения»… Непонятно пока — как связаны между собой эти «активы» и, скажем, способность понимания? Жесткой ли является связь между, допустим, гневом и непониманием? Подлостью и гнусной радостью, к примеру, и мечтательностью? Радостью и мышлением… Если я радуюсь — я лучше размышляю? Лучше — это как?

Как возможна «непосредственность»? И как она выглядит?.. «Мне» показывают «нечто» для того, чтобы «меня» мотивировать на «что-то». Меня «играют»! У «непосредственности» есть «мотивы». Они прикреплены к ней где-то. А «моя» задача расшифровать связь, обнаружить веревочку, увидеть — на что меня обрекают?! Ведь она эта «непосредственность» не может стать моим «приговором»!?

Возникает один простой вопрос: как «я» могу быть «непосредственной»? Впадая в гнев? Умирая? Любя? Размышляя? Если «я» нахожусь в культуре, то «я» по определению лишена права на непосредственность. Бодрийяр толкует о симуляциях [2]. Однако как «я» могу различить в себе «симуляцию» и «настоящее», если «мое существование» является следствием многочисленных репрессивных процедур? Репрессии и осуществлялись по отношению к моему настоящему! Например, в системах образования. Ведь не «я» принимала решение отправляться в школу изучать геометрию. Мне это действие было вменено. Не «я»

принимала решение. Пресс в отношении меня и составил содержание моей жизни: «репрессинг».

Причем «репрессинг» регулярен, хотя и скрыт. Поскольку является сущностным признаком реальности. Об этом «настоящем существовании» приходится лишь догадываться! В том числе именно потому, что «репрессия» стала привычной как «культура». Более того, сдержанность как последствие сдерживания и может предъявляться в качестве образца для тиражирования. В ряде эпизодов возникая как укор «свободе». В формате «свобода — без сдержанности некультурна».

Таким образом, на поверхности видения оказывается, что непосредственность репрессируется сдержанностью в процессе репрессинга. И в мышление попадает как сдержанная непосредственность. Именно эта непосредственность симулирует настоящее, неограниченное свободное существование непосредственности. Хотя и объявляется «несдержанностью». Настоящий мир несдержан.

Поскольку «я» располагает множественностью своих внутренних «активов», которые, собственно, и образуют активность, то всякий раз комбинации активов образуют человеческую реальность, которую невозможно идентифицировать. Давно понятно, что «в одну и ту же реку не войти дважды», равно как и «быть самим собой» невозможно. Иначе бы мы стали произносить о себе один и тот же текст. Всегда. Мы не можем. Нам это надоедает. И мы используем возможность кокетства с репрессией. Разнообразя скучное существование в репрессинге. Хочу быть непосредственной!

Непосредственное время**.** Это то, что происходит «здесь и теперь». А что «происходит»? То, что происходит, обычно называется «ситуацией». Ну и попали же мы в ситуацию, господа! Вот так вляпались! Ага, приключение начинаются! У того, что мы готовы назвать «непосредственное время», есть какие-то закладки. Люди, в него вошедшие. Намерения. Крики. Красное лицо. Гневный взгляд. Слова. Тексты. Цитаты. Кодексы. Напряжение. Сдерживаемые рыдания. Контексты. Рамки. Рампа. Задник. Декорации. Это не все… Но есть «первая строка». И есть — «последняя». В «протоколе ситуации». Вот протокол-то и будет входом в «другое время». Не «непосредственное»!

Значит: «прошлое» не может оказаться или «быть непосредственным». Равно как и «будущее». Хотя, если мы хотим попасть или туда, или сюда, стоит договориться, что станем включать в «непосредственность времени»? Рыдания? Слова? Тексты? Взгляды? Надо понять, как оно происходит? Время-то?

Похоже, время — это набор границ. Возможно «тех самых», о которых мы только что размышляли выше. Которые можно удерживать и сосчитать. Перешагнуть. Отдалить. С границей же можно действовать по-всякому. Значит, и действия с границами — тоже принадлежность времени? Скажем так: «демаркационная активность»…

Карта времени — тоже имеет форму непосредственности? Которую можно увидеть, вдохнуть аромат, потереть руками, пошелестеть… Такая симпатичная старая карта старого времени… Если есть карта времени, то есть и стол. На который она ложится в нашем «штабе». На карте обозначены горы, моря, долины, впадины, дороги, леса, поля… и «направления»! На карте времени есть «низ». И «верх». «Правое» и «левое». И карта — не круглая. А… продолговатая…. Ее можно сворачивать и прятать. В «портфель времени»… Чтобы удобнее носить с собой. Не забывать…

Можно, правда, ее перевернуть. Использовать как походную скатерть. Селедку на газетку положить. Стопки расставить. Выпить по-походному. По-темпоральному… Хлеб на рюмку дорогого мертвеца положить… Хлебнуть не чокаясь… Карта же. Времени. И существует, чтобы поминать… Человеческое время существует не тогда, когда тикают часы. А, скорее, тогда, когда человека накрывает грусть или радость. Что-то непосредственное в ответ на память…

Рефлексия времени. Временами это просто память. О тех границах, которые составили славу. Или о полях, на которых нашли свое бесчестье. На карту нанесены сражения за подвиги. Здесь и жертвы. Карта покрыта пролитой кровью. Видите те бурые пятна? Это не горы. Это кровь. Воспоминания о времени не равнодушны. Там, позади любовь. Она, хотелось бы надеяться, и впереди — в тех мечтах, в том загнутом уголке, который еще не открывали… Там на карту нанесена судьба. Нарисована. Ее бы надо увидеть… Но как увидишь свою судьбу?! Разве что чужую. В виде советов, рассказов, сожалений… Эта карта «моя», можно показать ее своим детям. Шелестите тихонько ею по воскресеньям. И дочь уже — ушки на макушке — бежит на кухню заваривать свежий чай… чтобы слушать и разглядывать чудеса.

Дерефлексия времени**.** Это когда хочется порвать свою карту. Стыдно. Не рискнули различать подлецов и пошлецов. Дружили с мерзавцами. Не прощали. Вели себя высокомерно. И теперь попали в топь, в болота, в сухостой… Кажется, что именно эта процедура — «дерефлексия» — непосредственная так же, как и предыдущая рефлек-

сия: она дарит нам набор человеческих качеств, свойств, талантов, способностей… Тут, в сожалениях, в страдании обнаруживается, что есть честь. Вместо «моего» бесчестия. Есть любовь, а не равнодушие. Есть доблесть вместо трусости. Есть вера поперек обмана. А подлость, на которую уповали как на спасение, привела ко вторым дверям Дантова путешествия… Непосредственность дерефлексии — это как списки «грехов». Дотошно составленные служителями.

У каждого времени есть свой цвет. Он таков, каково место, куда вы глядите. Вверх, в небо? Тогда — сине-фиолетовый. Белый. С облаками. Вперед, за горизонт? Желтый. Слепящий. Или красно-оранжевый, к ветру. Под ноги? А там: зелень травы или белизна снега. Рыхлая черная грязь. Или коричневая рассыпчатая земля. А то и песок. За спиной? Ваша серая тень. Такая же, как и та, в которую, если она вас обогнала, страшно вступить. Время — это настроение. Это вот сиюминутный… Хотите — выдох. Это эксперименты. Закрыл глаза. Открыл глаза. И увидела улыбку мамы. Еще даже и не пискнув. Светло. Темно. Цветно.

Когда желания кончились, часы еще тикают. А времени уже нет. Исчезло. Карта — вот она вся на столе. И как ее ни верти, где не наноси еще какие-то мелкие надписи, она уже стала глобусом. Только крутить. Даже бокал вина не поставишь. Не помянуть тех, кто закопан в этом шаре. Смыслы кончились. А никто не научил их создавать. Искать — учили. Находить? Тоже. Пытались хранить? Пробовали. А вот делать их? Оказалось, что конец смыслов тоже непосредственный. Как смерть. Только чужая — событие для кого-то. Не твоя. Когда твоя? Время кончилось. Непосредственно. Часы остано… Все.

В данном тексте была предпринята попытка одновременно «быть непосредственной» и «не быть непосредственной». Быть «рефлексивной» и «не быть рефлексивной». Этот текст — не «утверждение» чего-то вполне определенного, уверенного, «твердого». Это не очередная попытка «манифестирования» очередной «истины». Скорее, это бег вприпрыжку в погоне за утраченной непосредственностью. Философия сделала нас всех «чуть-чуть хромыми», лишив нас аромата непосредственности жизни… Но если мы вдруг вспомнили об этом аромате, то именно благодаря философии. Так что, в каком-то смысле, этот текст — «благодарность философии»…

Список литературы

1. *Бадью А.* Манифест философии / сост., пер. с фр., послесл. В.Е. Лапицкого. 2-е изд., испр. СПб.: Machina, 2012. 190 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 209 с.
3. *Генисаретский О.И.* Навигатор: методологические расширения и продолжения. Москва.: Путь, 2002. 528 с.
4. *Курбатова Л.В.* Философия: общечеловеческое образование // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2012. № 5. С. 15–20.
5. *Лосев А.Ф.* Философия имени. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 655 с.
6. *Мочалов В.И.* Время и сознание. Критика феноменологической философии. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/molchanov/zb/06_2_1.htm) (дата обращения: 25.04.2014).
7. *Слотердайк П.* Сферы. Макросферология. Т. 2: Глобусы. СПб.: Наука, 2007. 1223 с.
8. *Столбова Н.В.* Между одиночеством и диалогом Фридрих Ницше и Леонгард Франк// Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2011. № 4. С. 22–30.
9. *Эко У.* Откровения молодого романиста / пер. с англ.А. Климина. М.: АКТ: CORPUS, 2013. 320 с.

Получено: 15.04.2014.

References

1. Badiou A. *Manifest filosofii* [Manifesto for philosophy]. Saint Petersburg, Machina Publ., 2012, 190 p. (In Russian).
2. Baudrillard J. *Simulyakry I simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Tula, Tul'skij poligrafist Publ., 2013, 209 p. (In Russian).
3. Genisaretskiy O.I. *Navigator: metodologicheskie rasshireniya i prodolzheniya* [Navigator: methodological expansions and prolongations]. Moscow, Put' Publ., 2002, 528 p. (In Russian).
4. Kurbatova L.V. [Philosophy: a panhuman education]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta. Kultura. Istoriya. Filosofiya. Pravo.* [Perm National Research Polytechnic University Bulletin. Culture. History. Philosophy. Law]. 2012, no 5, pp. 15–20. (In Russian).
5. Losev A.F. *Filosofiya imeni. Iz rannih proizvedenij* [The philosophy of name. From early works]. Moscow, Pravda Publ., 1990, 655 p. (In Russian).

6. Mochalov V.I. *Vremia i soznanie. Kritika fenomenologicheskoy filosofii* [Time and consciousness. Criticism of phenomenological philosophy]. Available at: http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/molchanov/zb/06_2_1.htm) (accessed: 25.04.2014). (In Russian).
7. Sloterdijk P. *Sfery. Makrosferologiya. Tom 2. Globusy* [Spheres. Macrospherology. Vol. 2. Globes]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007, 1223 p. (In Russian).
8. Stolbova N.V. [Between solitude and dialogue Friedrich Nietzsche and Leonhard Frank]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta. Kultura. Istoriya. Filosofiya. Pravo.* [Perm National Research Polytechnic University Bulletin. Culture. History. Philosophy. Law]. 2011, no 4, pp. 22–30. (In Russian).
9. Eco U. *Otkroveniya molodogo romanista* [Confessions of a young novelist]. Moscow, AKT: CORPUS Publ., 2013, 320 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 15.04.2014.

ABOUT THE «INGENUOUSNESS»

Ludmila V. Kurbatova

Perm National Research Polytechnic University; 29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia

The article reviews the existing of «ingenuousness» and it's interaction with mediate. The feasibility of procedure's demarcation in «inner vision» that allows to distinguish single fragments for discerning and determination. It turns out that interaction of ingenuousness and mediate doesn't mean development. But when does the «ingenuousness» exist? How does it appear? The article attemps to be as «ingenuousness» as not to be one. To be «reflective» and not to be one. There is a temptation to see «ingenuousness» as some «stairs walking». Doesn't matter either up, to the shine or down, to the gloom. Every step «I» am ready to reach is, perhaps, a move towards «the depth». But what? Senses?

Key words: the dialectics; the self; the ingenuousness; the mediate; the knowledge; the thought; the identity; the reflection; the dereflection; the creativity.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Курбатова Л.В. О непосредственности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 80–86.

Please cite this article in English as:
Kurbatova L.V. About the «ingenuousness» // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 2(18). P. 80–86.

УДК 141.333

СПЕЦИФИКА МЕХАНИЗМА АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО НАРУШЕНИЕ КАК ПРИЧИНА СОЦИАЛЬНО-БИОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Желнин Антон Игоревич

аспирант, ассистен кафедры философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: zhelnin90@yandex.ru

Статья посвящена проблеме адаптации человека. Анализируется ее специфический характер, связанный с опосредованным характером функционирования биологических закономерностей, их зависимостью от интегральной социальной сущности. Показывается, что адаптация у человека качественно отличается от адаптации у животного, так как связана не со специализированным приспособлением морфологического характера, а строится на способности универсального сознательного преобразования среды в трудовом процессе. Вместе с тем отмечается, что все же адаптация человека сохраняет свои общие гомеостатические механизмы. Автор приходит к заключению, что в ходе экспоненциального ускорения социальных трансформаций происходит их нарушение, возникновение ситуации комплексного стресса, что приводит к десинхронизации социального и биологического. Возникающее состояние общей дезадаптации поэтому может быть оценено как одна из основ социально-биологического кризиса

Ключевые слова: среда; адаптация; дезадаптация; гомеостаз; аллостаз; социально-биологический кризис; десинхронизация; стресс; коэволюция.

Сущность человека является *интегрально-социальной*. Как таковая она включает в себя свои природные, в том числе биологические, основы. Как справедливо отмечает П.Н. Федосеев, механизм взаимодействия социального и биологического должен обеспечивать «…1) специфичность, нетождественность, 2) преемственность, взаимосвязь обеих этих сфер бытия в развитии и поведении человека» [25, с. 20]. Здесь имеет место тонкая грань, заключающаяся в том факте, что биологическое утратило у человека ведущее, направляющее значение, но вместе с тем сохранило свою общую природу и механизмы функционирования. Для описания этого положения наиболее адекватным является термин «*снятие*»: «Общественно-производственная деятельность, законы исторического развития “сняли” преобладающее, определяющее действие факторов биологической эволюции» [8, с. 10]. Другими словами, действие биологических законов у человека оказывается *опосредовано* социальными факторами, но напрямую не сводимо к ним. Это приводит к мысли, что у человека даже в условиях «снятия» сохраняется известное различие, даже противоположность социального и биологического способов существования, которое при определенных условиях может быть обострено. Последнее проявляется в периодическом возникновении *социально-биологических кризисов* [19, с. 18], негативно сказывающихся на общей жизнедеятельности человека. Есть веские основания полагать, что современное человечество в рамках коренных сдвигов своего существования (научно-техническая революция, переход к постиндустриальному обществу, возникновение глобальных проблем, экологическая катастрофа) переживает один из таких комплексных кризисов, который сопоставим по своему масштабу с неолитической революцией и способен погубить человечество как таковое [16]. Именно поэтому проблема границ сохраняемости и нарушаемости биологического способа существования у человека должна быть детально изучена.

Согласно общепринятой точке зрения фундаментальный способ существования биологического заключается в *приспособлении к среде, т.е. в адаптации*: «Современный взгляд на адаптацию сводится к тому, что внешний мир ставит определенные “проблемы”, которые организм должен “решать”, и что механизмом, создающим эти решения, служит эволюция путем естественного от-

© Желнин А.И., 2014

бора. Адаптация — это процесс эволюционного изменения, путем которого организм обеспечивает все лучшее и лучшее “решение” поставленной перед ним “проблемы”, а конечный результат — это состояние адаптированности… Концепция адаптации подразумевает предшествующую среду, ставящую перед организмом проблему…» [13, с. 243]. Таким образом, очевидно, что живое оказывается подчинено среде, в определенном смысле зависимо от нее в своей эволюции. Главным *направляющим* механизмом эволюции общепризнанно считается *естественный отбор* [21, с. 8; 26, с. 220], который, как известно, способствует элиминации неприспособленных и избирательному выживанию приспособленных. Конечной целью приспособления является реализация общей тенденции к *самосохранению*. Общее повышение уровня последнего определяется серией крупных *ароморфозов в эволюции живого* (А.Н. Северцов). Эти повышающие общий уровень организации живого перестройки способствуют достижению более оптимальных условий для выживания: «Повышение выживаемости особи на основе ароморфозов сопровождалось развитием нового принципа преодоления неблагоприятных условий внешней среды. Там, где выживание было возможно только с помощью инактивации… или же развития защитных приспособлений, теперь создается способность к поиску оптимальных условий или к преодолению вредных условий при сохранении активной жизнедеятельности» [10, с. 19–20]. В этом смысле живое, сохраняя приспособительную парадигму, в процессе эволюции приобретает обратную активность по отношению к среде, *автономизируется*: «В ходе мегоарогенеза не только возрастает степень приспособленности организмов к среде, но зарождается и прокладывает себе дорогу более высокая форма связи живого с внешним миром — способность к изменению среды в соответствии с потребностями живого» [10, с. 18]. Эту способность не просто пассивно подстраиваться под среду, а активно воспроизводить себя и совершенствоваться У. Матурана и Ф. Варела определили как «*аутопоэзис*» [15], т.е. буквально как «самотворение».

Вместе с тем такая автономизация имеет свои принципиальные пределы. Они задаются сущностью самого живого. В его случае аутопоэзис является скорее инструментальным и направлен в первую очередь на поддержание динамического равновесия со средой, сохранения имеющегося status quo. Это обнаруживается в таком фундаментальном свойстве живых систем, как *гомеостаз* (К. Бернар, У. Кеннон), являющийся совокупностью механизмов саморегуляции. Учение о гомеостазе было конкретизировано в теории *функциональных систем* П.К. Анохина: «…функциональная система представляет собой разветвленную физиологическую организацию, *составляющую конкретный физиологический аппарат*, служащий поддержанию жизненно важных констант организма (гомеостазис), т.е. осуществлению процесса саморегуляции…» [1, с. 17]. Гомеостаз предполагает наличием внутренней среды организма, именно через поддержание равновесия которой обеспечивается автономность от внешней среды. Несмотря на то что в ходе эволюции гомеостаз становится все более гибким и пластичным, живые системы в целом обладают определенным *консерватизмом*.

Тенденция автономизации животного ограничена тем, что реакция организма на изменения среды является преимущественно апостериорной. Конечно, отражательный аппарат также эволюционирует, и у относительно развитых животных появляется то, что П.К. Анохин назвал «*опережающим отражением*»: «Итак, существование опережающей формы отражения объективной действительности является несомненным фактом. Оно есть продукт жизни и, развиваясь в микроинтервалах пространства и времени, приобрело огромное преимущество перед событиями, медленно развивающимися во внешнем мире» [1, с. 345]. Однако опережающее отражение, лежащее в основе предварительной адаптации (*преадаптации*) у животных, ограничено чисто реакционной природой, *экстраполяционными рефлексами* [12]. Биологическая жизнь имеет лимиты не только во временном, но и в пространственном плане. Она всегда подогнана под определенную «экологическую нишу». В этом плане *биологическая адаптация всегда есть специализация*, которая, по меткому выражении Тейяра-де-Шардена, «*парализует*» [24, с. 270]. Вместе с тем в ходе эволюции наблюдается *диалектика специализации и универсализации*, нарастание последней, однако в целом в рамках биологической реальности *противоречие между тенденцией к самосохранению и ограничивающей его адаптационной логикой* не снимается: «Однако рост активности живого в процессе самосохранения и связанное с ним усиление действия творческой составляющей отбора, его проявления как выбора, *ограничены средой*, к которой живое вынуждено *приспосабливаться*. Верхний порог выживаемости наиболее высокоорганизованных существ… не превышает 10–30 %. Очевидно, этот

порог определяется мощными и непредсказуемыми воздействиями среды, которые живое, в силу приспособительного способа существования, не может ни упредить, ни парировать…» [3, с. 208–209]. Эта ограниченность связана с наличием *кинетического предела физико-химических факторов биологической эволюции* [27]. В частности, этим противоречием и необходимостью его разрешения и обусловлено закономерное появление в результате эволюции человека.

Переход человека к социальному, трудовому образу жизни выступает одновременно последним, самым радикальным биологическим ароморфозом — *эпиморфозом*, как его определил И.И. Шмальгаузен [26, с. 216]. Поэтому производство, преобразовательную деятельность человека можно рассматривать одновременно как *предельно адаптацию*. В этом смысле определение человека, например А. Геленом, как «неспециализированного существа» сугубо редукционистично, приводит к выводу о его, биологической «примитивности» и «недостаточности» [5, с. 174–175]. С другой стороны, тенденция некоторых авторов к отрыву человека от системы производства, лишение его статуса *субъекта* труда низводит его к положению «социального животного», продолжающего приспосабливаться только биологическим «догоняющим» способом [30]. На самом деле соотношение здесь имеет диалектический характер: приобретение способности к труду не означает для человека буквальное высвобождение от необходимости приспособления, наоборот, переход к *надбиологическому* способу жизнедеятельности оказался одновременно залогом *универсализации* на биологическом уровне. Э. Майр пишет по этому поводу, что «человек, так сказать, *специализировался в направлении деспециализации*» [14, с. 44]. Ввиду интегрально-социальной сущности человека его адаптация также является в первую очередь социальной по своему характеру и детерминации, не сводимой к чисто биологическим закономерностям [23, с. 212–214]. Говоря же о фундаменте универсальной трудовой сознательной деятельности человека, мы в первую очередь имеем в виду деспециализированность его мозга: «Потребность в спецификации изначально неспециализированного мозга человека, появившаяся в процессе формирования человеческого образа жизни, могла быть удовлетворена лишь при условии его (мозга) универсальности… Возникновение такого свойства обеспечило выработку у человека способности к компенсаторной ликвидации влияния генетических вариаций в пределах нормы» [8, с. 26]. Именно процессы высшей нервной деятельности ответственны за гибкость человеческого поведения и его регуляции, обеспечивают способность обобщенного отражения предметов, их сущности в *идеальной форме*. ЦНС поэтому и является одним из *центральных звеньев опосредования биологического социальным*: «Опосредование биологического социальным осуществляется главным образом через центральную нервную систему, выполняющую, с одной стороны, функцию отражения окружающего мира в представлениях, понятиях, суждениях и, с другой — функцию объединения, регулирования и координирования процессов внутри организма и в его взаимодействии с внешней и прежде всего социальной средой» [25, с. 19]. Другими словами, ЦНС выступает *теневой системой* (В.В. Орлов), т.е. непосредственным фундаментом социальных процессов и поэтому должна изменяться в соответствии с ними максимально динамично.

Адаптация человека как интегральный феномен имеет свою собственную иерархию и включает в себя механизмы биологического приспособления [4]. Психика человека в виду принципиальной неизменности основных морфологических характеристик его тела является *одним из главных каналов ее осуществления*: «…биологическая адаптация человека к среде обитания является одновременно психологической… адаптацией в том смысле, что его адаптация осуществляется с помощью психологических, в первую очередь познавательных, механизмов и приводит к развитию и совершенствованию этих механизмов» [18, с. 22]. Что примечательно, применительно к человеку понятие «среда» приобретает новое содержание. Это в первую очередь социальная среда, включающая не только естественное, но и искусственное, порожденное самим человеком измерение. В отличие от природной эволюции общественное развитие на порядки динамичнее: в условиях аккумуляции производительных сил, наличия и постоянного совершенствования внегенетических способов передачи информации оно протекает в условиях постоянного *ускорения*, имеющего *экспоненциальный характер*: «Нет сомнения, что исторический процесс являет признаки закономерного экспоненциального ускорения… По экспоненциальному же графику развиваются научно-технические достижения человечества, а также, как упомянуто, численность населения Земли» [7, с. 350]. Была также высказана гипотеза, что человечество постепенно приближается к

«точке сингулярности» («кривая Снукса-Панова»), соответствующей бесконечным скоростям, и что по мере этого приближения возрастает периодичность возникновения кризисов [20]. Возрастание неравновесия между цивилизацией и природной средой, невозможность установления стабильных отношений между ними предполагают нахождение адаптационного аппарата человека в состоянии *постоянного напряжения* [11, с. 5]. В результате создается парадоксальная ситуация: современный человек, инициируя беспрецендентное ускорение технологического прогресса, сам же со своей биологической стороны оказывается все хуже приспособлен к его результатам и последствиям ввиду стереотипности сохраненных у него базовых биологических реакций. В этом контексте кажется правомерным расширение гипотезы А.П. Назаретяна о наличии *технико-гуманитарного баланса* и о его нарушении как причине цивилизационных кризисов [17]. Если он указывал на нарушение равновесия ускоренного технологического развития в первую очередь с моралью как человеческой системой духовной регуляции, то мы предлагаем применить этот принцип к объяснению дестабилизации уже биологической (в том числе психической) стороны человеческой жизнедеятельности.

Несомненно, что нервная система и психика, несмотря на свою высокую лабильность, существование механизма *нейропластичности* [31], в своей работе тоже основываются на гомеостатическом принципе, являющимся инвариантом приспособительного существования. У. Эшби дает широкое определение адаптации как состояния, не выходящего за пределы «нормального» диапазона: «…“адаптивное” поведение эквивалентно поведению стабильной системы область стабильности которой совпадает с той областью фазового пространства, в которой все существенные переменные не выходят из пределов нормы» [28, с. 106]. Для нервной системы одним из важнейших механизмов гомеостаза является поддержание *баланса процессов возбуждения-торможения* [35, p. 103–104]. Выход же гомеостатических переменных за пределы нормы сопровождается возникновением состояния *стресса*, который Г. Селье определил как *генерализованный (т.е. общий) адаптационный синдром* [22]. Так объясняется очерченный ранее парадокс: несмотря на то что современное общество с повышением качества жизни во многом снижает уровень непосредственно отрицательного стресса (*дистресса*), простое ускорение темпов жизни при достижении некоторых пороговых значений оборачивается чем-то противоположным. Длительный стресс, как было показано во многихработах, ведет к искажению самого механизма гомеостаза, его перерождению в *аллостаз* [33], который характеризуется ослаблением обратных связей как основы управления. В конечном итоге это отражается в нарушениях здоровья [32], которое является по своей сути ни чем иным, как *оптимумом функционирования.* У человека стресс сопряжен с функциональными сбоями центральной нервной системы, связанными с нарушением упомянутого баланса, имеет в первую очередь эмоционально-психологическую природу [34]. Отмечается, что человек эволюционно не приспособлен к переживанию хронических стрессов: «Итак, в отличие от естественного биологического мира, человек… вошел в социальную эволюцию, вероятно, генетически недостаточно адаптированным к длительным, хроническим неадекватным воздействиям среды. Последние же в большей мере присущи, к сожалению, современному укладу жизни» [11, с. 38]. Так, длительное воздействие сильных раздражителей ведет к *изолированному перевозбуждению* ЦНС, общему *переутомлению* и в результате к *невротизации* [6, с. 256–257]. Опасность также состоит в том, что сбои ЦНС автоматически ввиду ее регулирующей роли сказываются на других системах органов и ведут к возникновению ряда психосоматических патологий [2]. По мнению В.П. Казначеева, именно они составляют костяк современной «*эпидемии хронических заболеваний*» [11, с. 39]. Было показано, что продолжительный психогенный стресс способен вызывать дестабилизацию даже на генетическом уровне [29]. Вследствие того, что современное общество переходит в постиндустриальную (информационную) фазу развития, возникают серьезные опасения, что именно информация как преобладающий ресурс становится одновременно и главным стрессирующим фактором [9]. Действительно, нервная система как раз специализируется на обработке информации, так что и ее явный переизбыток, очевидно, будет являться наиболее чувствительным для нее.

В заключение можно констатировать, что современный кризис действительно сопряжен с обострением противоречия социального и биологического, дестабилизацией последнего как подчиненного. Во многих аспектах адаптация человеческого организма переходит в *дезадаптацию*: «Социальная дезадаптация возникает вследствие значительного несоответствия современных ус-

ловий жизни человека условиям его формирования как биологического вида» [18, с. 33]. По нашему мнению, первоочередную роль здесь играет *динамический (временной) аспект*: последовательное ускорение социальных трансформаций вступает во все более существенные противоречия с относительной статичностью основных биологических реакций. Основная проблема заключается *не в принципиальной невозможности* биологии человека (ввиду ее деспециализированности и универсальности) к адаптации в новых условиях, а скорее *в запаздывании, «неуспевании» ее осуществления*. Поэтому мы можем говорить о ситуации *рассогласования* (*десинхронизации*) социального и биологического. Соответственно и решение кризиса первоочередно должно быть связано не со сворачиванием и консервацией современного прогресса, а с поиском его более оптимального для биологических основ формата [19, с. 19]. С другой стороны, имеется второй вариант, связанный с форсированным расширением способностей адаптации человека, избавлением ее от «догоняющего» формата функционирования. Однако он по своей сути тождественен первому, так как не предполагает буквальной «перестройки» анатомо-морфологического аппарата, а будет идти за счет усовершенствования систем контроля и прогнозирования социального развития, его *сознательного планирования*.

Список литературы

1. *Анохин П.К.* Избранные работы: Кибернетика функциональных систем. М.: Медицина, 1998. 400 с.
2. *Бузунов А.Ф.* Формирование соматических последствий адаптационного синдрома. Цена цивилизации. М.: Практическая медицина, 2010. 352 с.
3. *Внутских А.Ю.* Отбор в природе и отбор в обществе: опыт конкретно-всеобщей теории. Пермь, 2006. 335 с.
4. *Волков Г.Д.,* Оконская Н.Б. Адаптация и ее уровни // Философия пограничных проблем науки. Пермь. 1975. Вып. 7. С. 134–142.
5. *Гелен А.* О систематике в антропологии // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 152–202.
6. *Гримак Л.П.* Резервы человеческой психики. М.: Политиздат, 1987. 286 с.
7. *Дьяконов И.М.* Пути истории. М.: КомКнига, 2007. 384 с.
8. *Дубинин Н.П.* Что такое человек. М.: Мысль, 1983. 333 с.
9. *Еремин А.Л.* Природа и физиология информационной экологии человека // Экология человека. 2000. № 2. С. 55–60.
10. *Завадский К.М.,* Колчинский Э.И. Эволюция эволюции. Л.: Наука, 1977. 234 с.
11. *Казначеев В.П.* Современные аспекты адаптации. Новосибирск: Наука, 1980. 192 с.
12. *Крушинский Л.В.* Биологическое значение экстраполяционных рефлексов животных // Журнал общей биологии. 1958. Т. 19. С. 457–466.
13. *Левонтин Р.К.* Адаптация // Майр Э. и др. Эволюция. М.: Мир, 1981. 264 с.
14. *Майр Э.* Человек как биологический вид // Природа. 1973. № 12. С. 36–45.
15. *Матурана У.,* Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс–Традиция, 2001. 224 с.
16. *Моисеев Н.Н.* Быть или не быть… человечеству? М., 1999. 288 с.
17. *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М: Мир, 2004. 239 с.
18. *Налчаджян А.А.* Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М.: Эксмо, 2010. 368 с.
19. *Орлов В.В.* Социальная биология. Предмет, статус, проблемы // Философия пограничных проблем науки. 1975. Вып. 7. С. 4–27.
20. *Панов А.Д.* Единство социально-биологической эволюции и предел ее ускорения // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 25–48.
21. *Северцов А.С.* Направленность эволюции. М., 1990. 272 с.
22. *Селье Г.* Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1982. 127 с.
23. *Тарасов К.Е.,* Черненко Е.К. Социальная детерминированность биологии человека. М.: Мысль. 1979. 366 с.
24. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М.: АСТ, 2002. 553 с.
25. *Федосеев П.Н.* Проблема социального и биологического в философии и социологии // Биологическое и социальное в развитии человека. М.: Наука, 1977. С. 5–34.
26. *Шмальгаузен И.И.* Пути и закономерности эволюции. М.: Наука, 1983. 360 с.
27. *Шноль С.Э.* Физико-химические факторы биологической эволюции. М: Наука, 1979. 263 с.
28. *Эшби У.* Конструкция мозга. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 339 с.
29. *Dimitroglou E.* at al. DNA damage in a human population affected by chronic psychogenic stress // Int. J. Hyg. Environ. Health. 2003. № 1. P. 39–44.
30. *Dubos R.J.* Man adapting. New Haven: Yale University Press, 1980. 538 p.
31. *Kolb B.,* Whishaw I.Q. Brain plasticity and behavior // Annual review of psychology. 1998. Vol. 49, № 1. P. 43–64.

32. *Lovallo W.R.* Stress and health: Biological and psychological interactions. Sage, 2005. 279 p.
33. *McEwen B.S.* Stress, adaptation, and disease: Allostasis and allostatic load // Annals of the New York Academy of Sciences. 1998. Vol. 840, № 1. P. 33–44.
34. *Sudakov K.V.* New accents on the classical concept of stress // Bulletin of experimental biology and medicine. 1997. Vol. 123, № 2. P. 105–109.
35. *Turrigiano G.G.*, Nelson S.B. Homeostatic plasticity in the developing nervous system // Nature Reviews Neuroscience. 2004. Vol. 5, № 2. P. 97–107.

Получено: 19.03.2014.

References

1. Anohin P.K. *Izbrannye trudy: Kibernetika funktsionalnyh system* [Cybernetics of functional systems: Selected works]. Moscow, Meditsyna Publ., 1998, 400 p. (In Russian).
2. Buzunov A.F. *Formirovanie somaticheskih poslestvij adaptatsionnogo sindroma. Tsena tsivilizatsii* [Formation of somatic effects of the adaptation syndrome. The price of civilization]. Moscow, Prakticheskaya meditsyna Publ., 2010, 352 p. (In Russian).
3. Vnutskih A.Yu. *Otbor v prirode i otbor v obschestve: opyt konkretno-vseobschej teorii* [Selection in nature and selection in society: attempt of concrete and universal theory]. Perm, Perm St. Univ. Publ., 2006, 335 p. (In Russian).
4. Volkov G.D. Okonskaya N.B. [Adaptation and its levels]. *Filosofiya pogranichnyh problem nauki* [Philosophy of boundary scientific issues]. 1975, no 7, pp. 134–142. (In Russian).
5. Gehlen A. [On systematics in anthropology]. *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii* [Issue of human in Western philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1988, 544 p. (In Russian).
6. Grimak L.P. *Rezervy chelovecheskoj psihiki* [Reserves of human's psyche]. Moscow, Politizdat Publ., 1986, 286 p. (In Russian).
7. Dyakonov I.M. *Puti istorii: ot drevnejshego cheloveka do nashih dnej* [Routes of history: from the earliest people to our times]. Moscow, Kom-Kniga Publ., 2007, 384 p. (In Russian).
8. Dubinin N.P. *Chto takoe chelovek* [What is the man]. Moscow, Mysl Publ., 1983, 333 p. (In Russian).
9. Eryomin A.L. [Nature and physiology of information ecology of a human]. *Jekologiya cheloveka* [Human ecology]. 2000, no 2, pp. 55–60. (In Russian).
10. Zavadskij K.M., Kolchinskij Je.I. *Evolutsiya evolutsii* [Evolution of evolution]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, 234 p. (In Russian).
11. Kaznacheev V.P. *Sovremennye aspekty adaptatsii* [Modern aspects of adaptation]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, 192 p. (In Russian).
12. Krushinskij L.V. [Biological significance of extrapolational animals' reflexes]. *Zhurnal obschej biologii* [Journal of General biology]. 1958, Vol. 19, pp. 457–466. (In Russian).
13. Lewontin R. [Adaptation]. *Jevolyutsiya* [Evolution]. Moscow, Mir Publ., 1981, 264 p. (In Russian).
14. Mayr E. [Human as biological species]. *Priroda* [Nature]. 1973, no 12, pp. 36–45. (In Russian).
15. Maturana H., Varela F. *Drevo poznaniya* [The tree of knowledge]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001, 224 p. (In Russian).
16. Moiseev N.N. *Byt' ili ne byt' … chelovechestvy?* [To be or not to be — humanity's dilemma]. Moscow, GUP IPK «Ulyanovskiy dom pechati» Publ., 1999, 288 p. (In Russian).
17. Nazaretyan A.P. *Tsivilizatsionnye krizisy v aspekte universal'noy istorii* [Civilization crises in the context of universal history]. Moscow, PER SJE Publ., 2001, 239 p. (In Russian).
18. Nalchadzhyan A.A. *Psihologicheskaya adaptatsiya:mehanismy i strategii* [Psychological adaptation: mechanisms and strategy]. Moscow Jeksmo Publ., 2010, 368 p. (In Russian).
19. Orlov V.V. [Social biology. Subject matter, status, issues]. *Filosofiya pogranichnyh problem nauki* [Philosophy of boundary scientific issues]. 1975, no 7, pp. 4–27. (In Russian).
20. Panov A.D. [The unity of socio-biological evolution and the limit of its acceleration]. *Istoricheskaya psihologiya i sotsiologiya istorii* [Historical psychology and sociology of history]. 2008, no 2, pp. 25–48. (In Russian).
21. Severtsov A.S. *Napravlennost' jevolyutsii* [Focus of evolution]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1990, 272 p. (In Russian).
22. Selye H. *Stress bez distressa* [Stress without distress]. Moscow, Progress Publ., 1982, 127 p. (In Russian).
23. Tarasov K.E., Chernenko E.K. *Sotsial'naya determinirovannost' biologii cheloveka* [Social determinacy of human biology]. Moscow, Mysl Publ., 1979, 366 p. (In Russian).
24. Teilhard de Chardin P. *Phenomen cheloveka* [The phenomenon of man]. Moscow, AST Publ., 2002, 553 p. (In Russian).
25. Fedoseev P.N. [Problem of social and biological in philosophy and sociology]. *Biologicheskoe i sotsial'noe v razvitii cheloveka* [Biological and social aspects in human development]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 5–34. (In Russian).
26. Schmalhausen I.I. *Puti i zakonomernosti jevolyutsii*

[Ways and principles of evolution]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 360 p. (In Russian).
27. Shnoll S.Je. *Fiziko-himicheskie factory biologichskoj jevolyutsii* [Physico-chemical factors of biological evolution]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 263 p. (In Russian).
28. Ashby W. *Konstruktsiya mozga* [Design for a brain]. Moscow, Idatelstvo inostrannoj literatury Publ., 1962, 399 p. (In Russian).
29. Dimitroglou E. at al. DNA damage in a human population affected by chronic psychogenic stress [Int. J. Hyg. Environ. Health]. 2003, no 1, pp. 39–44.
30. Dubos R.J. Man adapting. New Haven: Yale University Press, 1980. 538 p.
31. *Kolb B.,* Whishaw I.Q. Brain plasticity and behavior [Annual review of psychology]. 1998, vol. 49, no 1, pp. 43–64.
32. *Lovallo W.R.* Stress and health: Biological and psychological interactions. Sage, 2005. 279 p.
33. McEwen B.S. Stress, adaptation, and disease: Allostasis and allostatic load [Annals of the New York Academy of Sciences]. 1998, vol. 840, no 1, pp. 33–44.
34. Sudakov K.V. New accents on the classical concept of stress [Bulletin of experimental biology and medicine]. 1997, vol. 123, no 2, pp. 105–109.
35. Turrigiano G.G., Nelson S.B. Homeostatic plasticity in the developing nervous system [Nature Reviews Neuroscience]. 2004, vol. 5, no 2, pp. 97–107.

The date of the manuscript receipt: 19.03.2014.

THE SPECIFICITY OF HUMAN ADAPTATION MECHANISM AND ITS BREAK AS THE CAUSE OF SOCIOBIOLOGICAL CRISIS

Anton I. Zhelnin

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Article shows that human adaptation and adaptation of the animal are qualitatively different processes because human adaptation doesn't need specialized morphological device. Human existence based on the capacities and abilities to transform environment consciously and universally at the labor process. However, it is noted that human adaptation retains its basic homeostatic mechanisms. The author concludes that during the exponential acceleration of the social transformations the situation of complex stress and havoc are taking place which leads to social and biological desychronization. That's why the state of common disadaptation could be reviewed as one of the bases of sociological crisis.

Key words: environment; adjustment; maladjustment; homeostasis; allostasis; sociobiological crisis; desychronization; stress; coevolution.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Желнин А.И. Специфика механизма адаптации человека и его нарушение как причина социально-биологического кризиса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 87–93.

Please cite this article in English as:
Zhelnin A.I. Specificity of human adaptation mechanism and its break as a cause of sociobiological crisis // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 87–93.

УДК 81:1

СЕМИОЛОГИЯ Р. БАРТА: ПИСЬМО, ИДЕОЛОГИЯ, МИФОЛОГИЯ

Кокарева Елена Андреевна
соискатель кафедры философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: malheureu@mail.ru

В статье рассматривается семиология французского философа Р. Барта, в которой получают развитие идеи структурного сходства языка и реальности, автономности, субстанциальности языка. Р. Барт обнаруживает объективные властные силы языка, которые в виде особых коннотативных (вторичных, сопутствующих) смыслов образуют скрытый, до конца не осознающийся людьми идеологический уровень, состоящий из иллюзий и стереотипов общества. Совокупность коннотативных означаемых представляет собой мифы современного общества. Идеологические, или мифологические, смыслы создают «иллюзорный» образ реальности, который «подменяет» собой истинную суть вещей и явлений. Человек, таким образом, оказывается запертым в языковом пространстве, которое полностью подчиняет и регулирует его мысли, представления и действия.
Ключевые слова: язык; реальность; структура; структурализм; знак; семиология; мифология; идеология; коннотация; Р. Барт.

Р. Барт — один из крупнейших исследователей в области семиологии, литературоведении и массовой культуры. Взгляды философа претерпели сложную эволюцию. Ознакомившись с работами лингвистов XX в. (Ф. де Соссюр, Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, Л. Ельмслев, Э. Бенвенист) и формалистов (В. Пропп), а также с трудами К. Леви-Строса по структурной антропологии, Барт начинает свою деятельность как семиолог, рассматривающий многочисленные культурные явления как знаковые системы. Семиология, по мнению Барта, должна изучать в первую очередь то, как люди наделяют смыслами предметы и явления, окружающие их. Вещи всегда полисемичны и поддаются различным интерпретациям. Культура все больше и больше открывается нам как универсальная система символов, как организм, постоянно производящий знаки и с их помощью структурирующий действительность.

Барту удается гармонично соединить семиологию со структурным методом, что значительно расширяет возможности исследований в области культуры современного общества и в литературоведении.

Барт дает довольно пространное определение понятию «структурализм». Он называет *«структурализмом»* не конкретную школу, течение или науку, а особую *деятельность*, «упорядоченную последовательность определенного числа мыслительных операций» [5, с. 229]. Цель такой деятельности заключается в выявлении скрытых, неосознаваемых человеком структур и функций различных объектов действительности. С помощью специфической операции «членения» становится возможным обнаружить подвижные фрагменты — единицы (элементы) структуры в объекте исследования, взаимное расположение которых порождает смысл и малейшее изменение которых приводит к изменению знаковой системы. Другая операция — «монтаж» позволяет выявить правила взаимного соединения и функционирования этих единиц в структуре.

Семиология Барта примечательна тем, что объектом ее исследования становятся не непосредственно осознаваемые и сознательно используемые людьми знаковые системы, а знаковые системы, которые людьми до конца не осознаются, знаковые системы, которые управляют обществом, властвуют над ним. Первым, кто стал исследовать бессознательные структуры, порождающие и определяющие все социокультурные феномены (обряды, системы родства, ритуалы, мифы и т.д.), был К. Леви-Строс. Барт в некотором смысле продолжил идеи знаменитого структуралиста и начал анализировать латентные, скрытые в буржуазной культуре, культуре общества потребления *идеологические знаковые системы*, которые обществом могут не осознаваться, но которые господствуют над ним.

© Кокарева Е.А., 2014

Идеология, в понимании Барта, — это *ложное* сознание. Функция идеологии заключается в том, чтобы незаметно подменить в сознании человека «истинные» мотивы поведения «иллюзорными», оправдывающими интересы господствующего класса, группы. Идеология, таким образом, предстает как «коллективно вырабатываемая ценностно-смысловая сетка, помещенная между индивидом и миром и опосредующая его отношение к этому миру» [11, с. 9].

Барт хотел понять, как устроены идеологические знаки, т.е. хотел выявить их *структуру* и тем самым объяснить их механизм воздействия на общество. Главной задачей *новой семиологии — науки об идеологиях*, по мнению Барта, становится разрушение идеологических представлений в современном обществе. Разрушить означает вскрыть назначение и функции идеологических знаков.

В раннем периоде своего творчества Барт обращается к исследованию *«письма»* и *«мифологии»*. *Письмо* представляет собой двойственное образование — оно возникает между *языком* как совокупностью «предписаний и навыков, общих для всех писателей одной эпохи» [5, с. 55] и *стилем* как выразительной манеры, индивидуальным опытом человека. Иначе говоря, письмо — это функция, которая обеспечивает связь между общественным (национальным, принудительным) и индивидуальным (творчеством). В ходе таких исследований Барт выявил в письме механизм, наделенной властью и обладающий принудительной силой, подобный политическому институту.

Заимствовав у русского литературоведа и теоретика культуры М.М. Бахтина идею о «социально-идеологическом языке», Барт вводит два противоположных понятия: *«социолект»* — языковые и речевые особенности, характерные для какой-либо социальной группы, общности, или особый способ знакового закрепления социокультурных представлений, и *«идиолект»* — язык, присущий отдельному индивиду (он выражается в грамматических особенностях, специфических выражениях, а также в идиомах, которые использует конкретный человек). По мнению Барта, понятие «идиолект» иллюзорно, так как любая, даже индивидуальная языковая деятельность всегда социализирована, язык принадлежит всем (в обществе люди общаются в рамках единого национального языка, а в отдельных социальных классах и группах в зависимости от ситуации используют различные «словари», лексиконы). Поэтому стоит говорить только о различных социолектах. Язык пропитан множественными изменчивыми идеологическими смыслами, которые он приобретает в контексте употреблений. Письмо, стало быть, и есть «опредметившаяся в языке идеологическая сетка, которую та или иная группа, класс, социальный институт и т.п. помещает между индивидом и действительностью, понуждая его думать в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые эта сетка признает в качестве значимых» [12, с. 17]. Множество социолектов, выработанных веками целыми поколениями людей, различными социальными классами, политическими партиями, различными институтами, направлениями в литературе и искусстве, средствами массовой информации и т.п., представляют собой огромный склад видов письма (разговорный, изысканный, политический, буржуазный и др.). Из этого склада социолектов-писем отдельный индивид *вынужден* «заимствовать свой “язык”, а вместе с ним и всю систему ценностно-смыслового отношения к действительности» [12, с. 17]. По мнению Барта, именно власть порождает наиболее эффектные виды письма (политическое письмо отражает идеи и представления господствующего класса).

Однако Барт находит способ, с помощью которого, возможно, и нельзя до конца очистить письмо от идеологий и стереотипов, но можно избежать их. Таким способом становится *«нулевая степень письма»*, или, иначе — белое, нейтральное письмо, которое представляет собой «границы, пределы, отделяющие область возможного, осмысленного, разумного для данной эпохи от того, что не является для данного социального коллектива ни осмысленным, ни разумным» [1, с. 85]. Нейтральное письмо избавлено от привычной языковой упорядоченности и является абсолютно «прозрачным». «В понимании Барта, современная литература нацелена на преодоление власти, воплощенной в механизмах языка, тем самым утверждая полную свободу» [9, с. 62]. Первым, кто использовал в литературе это нейтральное письмо, был французский писатель-экзистенциалист А. Камю. В своей повести «Посторонний» он создает особый стиль, основанный на «идее отсутствия», письмо здесь очищено от социализированных стереотипов, идеологий, исторически сформировавшихся образов, независимо от них.

В другом своем исследовании Барт обращается к анализу *«мифологии»* современного общества, общества потребления. Барт рассматривает миф с семиологической точки зрения — как знаковую систему, структуроподобную естественному языку. Он предполагает, что мифом можно

обозначить все что угодно: «Да, я считаю так, ибо наш мир бесконечно суггестивен. Любой предмет этого мира может из замкнуто-немого существования *перейти в состояние слова*, открыться для усвоения обществом — ведь никакой закон, ни природный, ни иной, не запрещает нам говорить о чем угодно» [3, с. 234]. По мнению Р. Барта, носителем мифического слова способно служить все — не только письменный дискурс, но и фотография, кино, репортаж, спорт, реклама и т.д.

Вслед за Ф. де Соссюром Барт выделяет в *структуре социокультурных знаков* три основных элемента: *означающее* (план выражения) — *означаемое* (план содержания) — *знак* (соединение означаемого и означающего).

Помимо элементов знака, предложенных Ф. де Соссюром, Барт выделяет в структуре знаковых системах *два уровня (плана) значений*: денотацию и коннотацию. Первичный уровень значений составляют *денотативные сообщения* — «буквальный», «очевидный» смысл знака. Это сообщения (фразы, фрагменты, тексты), которые сведены к своим предметным значениям, очищенные от любых дополнительных смыслов. В рекламном слогане сока «Чемпион»: «Фрукты! Солнце! И ничего больше» таким денотативным сообщением будет буквальный смысл фразы — то, что в соке «Чемпион» нет ничего, помимо фруктов и солнца. Это сообщение включает в себя означающее (образ звукового и графического ряда слов, синтаксические отношения воспринимаемой фразы) и означаемое (буквальный смысл слов и отношений). Вторичный уровень значений надстраивается над первичным (денотативным) и состоит из *коннотативных сообщений* — «символических» смыслов, имеющих форму социокультурных и персональных ассоциаций и реляций, получающихся в процессе декодирования читателем некоторого текста (фразы, фрагмента): «Наряду с более или менее твердым предметным значением… всякое слово пропитано множеством текучих, изменчивых, идеологических смыслов, которые оно приобретает в контексте своих употреблений» [12, с. 16]. Таким образом, в фразе из рекламы сока «Чемпион»: «Фрукты! Солнце! И ничего больше» мы «прочитываем» дополнительные смыслы, составляющие суть самой рекламы: фрукты и солнце указывают на «натуральность», «витаминность» сока; что он не содержит красителей и консервантов, а значит, полезен для здоровья. Само название сока — «Чемпион» говорит нам о том, что, употребляя этот натуральный продукт, мы наполнимся силой и энергией, будем готовы побеждать и т.п. В коннотативном сообщении мы также обнаруживаем означаемое (дополнительные смыслы) и означающее (стилистические фигуры, особенности соединения слов и фраз, метафоры, метонимии и др.). Однако означающее коннотативного сообщения на самом деле уже образовано денотативным сообщением и используется в качестве вторичного означающего и приводит к появлению дополнительного означаемого, поэтому говорят, что коннотация вторична по отношению к денотации: «Коннотативная система есть система, план выражения которой сам является знаковой системой» [6, с. 341]. Коннотация, «произрастающая» из денотации, не исчерпывает последнюю, так как «денотативных означаемых всегда больше, чем коннотативных (без этого высказывание вообще не могло бы существовать)» [6, с. 242–243].

Коннотация имеет большое значение, так как в обществе на базе первичных систем (естественных языков) постоянно возникают вторичные знаковые системы (различные социокультурные явления — фотография, реклама, кино, одежда и др.): «Когда мы читаем газету, идем в кино, смотрим телевизор или слушаем радио… можно… сказать, что мы все время получаем и воспринимаем сплошь коннотативные сообщения», «можно утверждать, что мы… живем в коннотативной цивилизации» [7, с. 412].

Коннотативные смыслы могут «прикрепляться не только к знакам естественного языка, но и к различным материальным предметам» [12, с. 18], выполняющим практическую функцию и становящимся знаками-функциями (обычная куртка и норковая шуба выполняют одинаковую практическую функцию — защитить тело человека от холода; но они в то же время могут указывать на различное социальное и имущественное положение людей). Коннотативные смыслы чаще всего неопределенны и расплывчаты, во многом зависимы от социокультурного и исторического контекста и, как правило, не фиксируются ни в каких толковых словарях, а потому их распознавание во многом зависит от кругозора и проницательности воспринимающего: «Знаковая система оказывается, если так можно выразиться, пропитанной внешним миром» [6, с. 343].

Область, общая для всех коннотативных смыслов, есть, по мнению Барта, *область идеологии*: «Что касается коннотативного означаемого, то оно обладает всеобъемлющим, глобальным и расплывчатым характером: это — фрагмент идеологии» [6, с. 344]. Область же денотации как сово-

купность первичных, «буквальных» смыслов должна оставаться свободной от идеологического наполнения. Анализируя газетный заголовок, сообщающий нам о понижении цен на овощи, мы обнаруживаем в нем коннотативную систему (область идеологии) — цены снижаются потому, что так распорядилось правительство (область коннотации здесь можно обозначить одним словом — «правительственность»). Однако здесь же мы можем выделить и денотативный, неидеологизированный смысл: цены падают потому, что наступил овощной сезон.

Однако Барт довольно скоро расстался с иллюзией существования неидеологизированного уровня в знаковых системах: «Чистая, лишенная коннотативных обертонов денотация представляет собой теоретическую абстракцию, языковую утопию» [11, с. 15]. Барт признал, что в повседневной языковой практике денотативные значения также пропитаны идеологией и стереотипами: «Денотация оказывается лишь последней из возможных коннотаций, верховным мифом, позволяющим тексту притворно разыгрывать возвращение к природе языка, к языку как к природе» [8, с. 52]. При этом коннотативные смыслы подражают, маскируются под денотативные, стремясь подавить их или даже вытеснить, поэтому воспринимаются коннотативные смыслы как само собой разумеющееся и остаются практически всегда незамеченными для воспринимающих. Таким образом, коннотативные смыслы являются скрытыми (латентными), «никогда прямо не называются, а лишь подразумеваются и потому могут либо актуализироваться, либо не актуализироваться в сознании воспринимающих» [12, с. 18]. Коннотативные значения довольно активны — они легко возникают в знаках и также легко из них исчезают. Коннотативные смыслы живут до тех пор, пока активно живет породивший их идеологический контекст и пока мы сами свободно ориентируемся в этом контексте.

Анализируя *мифы* современной культуры, Барт пришел к выводу, что они представляют собой *совокупность коннотативных означаемых*, а значит, образуют *скрытый уровень идеологических иллюзий*, которые «властные структуры общества потребления транслируют посредством “мягких” семантических механизмов» [10, с. 28]. Основной функцией мифа является изменение действительности, создание такого образа реальности, который совпадал бы с ценностными ожиданиями людей — носителей мифологического сознания. Барт приводит пример с фотографией из одного французского журнала, где изображен молодой африканец во французской военной форме, смотрящий на развивающийся французский флаг. То, что мы видим на изображении, есть непосредственный смысл знаковой системы. Мифологический же смысл изображения, состоящий из скрытых коннотативных означающих, заключается в том, что «Франция — это великая Империя, что все ее сыны, независимо от цвета кожи, верно служат под ее знаменами и что нет лучшего ответа критикам так называемой колониальной системы, чем рвение, с которым этот молодой африканец служит своим так называемым угнетателям» [2, с. 273].

Миф стремится к созданию «устойчивого», раз и навсегда данного образа мира. «Коварность», опасность мифов заключается в том, что они «пытаются скрыть» свою идеологичность, иллюзорность, пытаются предстать как нечто естественное, само собой разумеющееся, иными словами, *«натурализуют»* себя (за счет того, что коннотативные значения подражают денотативным): «В результате миф воспринимается как некое безобидное сообщение и не потому, что его интенции скрыты (в таком случае они утратили бы свою эффективность), а потому, что они натурализованы» [2, с. 291].

Мифы уничтожить практически невозможно, они снова и снова возрождаются. Однако, по мнению Барта, ослабить их власть можно. В поздний период своего творчества Барт предлагает один способ. Для начала необходимо объяснить, разоблачить сами мифы — выявить их идеологическую составляющую, т.е. заняться *«демифизацией»* современной культуры. Затем необходимо разрушить сам знак, *разрушить их структуру:* «Теперь нужно уже не разоблачать мифы, а раскачивать сам знак как таковой — не выявлять латентный (скрытый) смысл высказывания, различительного признака, рассказа, но расщеплять репрезентацию смысла как таковую; не заменять или очищать символы, а подвергать критике символическое как таковое» [4, с. 475].

Уже ранние исследования Барта таких объектов, как письмо и миф, показывают, что язык является активной системой. Культура (реальность) имеет типологическое сходство с языком. Любой феномен культуры, будь то фотография, одежда, обряды или кино, можно рассматривать как знаковую систему, своей структурой походящей на язык (они имеют элементы языковой структуры: знак–означаемое–означающее). В строении социокультурных знаковых систем можно обнару-

жить денотативные и коннотативные смыслы. Коннотативные значения скрыты от сознания людей, имеют *идеологический контекст* и основаны на *внушении* определенных смыслов тем, кто «прочитывает» ту или иную знаковую систему. Структура знаковых систем является неосознанным принудительным механизмом, который *организует* нашу жизнь, *подчиняет* себе нас, *управляет* нашими мыслями и действиями, *«навязывая»* дополнительные смыслы знакам, «не мы пользуемся языком, а язык пользуется нами, подчиняя какому-то таинственному, но властному сценарию» [12, с. 26].

Однако Барт, на наш взгляд, абсолютизирует активную роль языка, возводя его в статус самостоятельной, независимой, замкнутой реальности, которая поглощает действительность. Язык, по мнению Барта, образует территорию и очерчивает границы для нас: «Язык предшествует индивиду, преднаходится им; до и независимо от индивида он уже определенным образом организует, классифицирует действительность и предлагает нам готовые формы» [12, с. 27]. В описании автономных, безличных сил языка не отражаются объективные законы внешнего мира. Язык оказывается замкнутым на самом себе и не имеет никаких выходов за свои пределы.

Список литературы

1. *Автономова Н.С.* Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М.: Наука, 1977. 271 с.
2. *Барт Р.* Миф сегодня // Мифологии. М.: Академ. проект, 2008. С. 188–228.
3. *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 320 с.
4. *Барт Р.* Мифология сегодня // Система моды. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. С. 473–477.
5. *Барт Р.* Нулевая степень письма. М.: Академ. проект, 2008. 432 с.
6. *Барт Р.* Основы семиологии // Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академ. проект, 2008. 432 с.
7. *Барт Р.* Рекламное сообщение // Барт Р. Система моды. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. С. 409–415.
8. *Барт Р.* S/Z. М.: Академ. проект, 2009. 384 с.
9. *Береснева Н.И.* Философия языка / Перм. гос. ун-т. Пермь: 2008. 122 с.
10. *Дьяков А.В.* Философия постструктурализма во Франции. Нью-Йорк: Северный крест, 2008. 364 с.
11. *Косиков Г.К.* Идеология. Коннотация. Текст // Барт Р. S/Z. М.: Академ. проект, 2009. С. 5–45.
12. *Косиков Г.К.* Ролан Барт — семиолог, литературовед// Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академ. проект, 2008. С. 3–45.

Получено: 29.03.2014.

References

1. Avtonomova N.S. *Filosofskie problemy strukturnogo analiza v gumanitarnyh naukayh* [Philosophic problems of structural analysis in humane sciences]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 271 p. (In Russian).
2. Barthes R. [Myth today]. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh Publ., 2008, pp. 188–228. (In Russian).
3. Barthes R. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh Publ., 2004, 320 p. (In Russian).
4. Barthes R. [Mythology today]. *Sistema mody* [Fashion system]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh Publ., 2004, pp. 473–477. (In Russian).
5. Barthes R. *Nulevaya stepen' pis'ma* [Writing degree zero]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2008, 432 p. (In Russian).
6. *Barthes R.* [Basics of semiotics]. *Nulevaya stepen' pis'ma* [Writing degree zero]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2008, 432 p. (In Russian).
7. Barthes R. [Advertisement message]. *Sistema mody* [Fashion system]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh Publ., 2004, pp. 409–415. (In Russian).
8. Barthes R. *S/Z* [S/Z]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2009, 384 p. (In Russian).
9. Beresneva N.I. *Filosofiya yazyka* [Philosophy of language]. Perm, Perm St. Univ. Publ., 2008, 122 p. (In Russian).
10. Dyakov A.V. *Filosofiya postrukturalizma vo Frantsii* [Philosophy of poststructuralism in France]. New York, Severnyj krest, 2008, 364 p. (In Russian).
11. Kosikov G.K. [Ideology. Connotation. Text]. *Bart R. S/Z.* [S/Z]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2009, pp. 5–45. (In Russian).
12. Kosikov G.K. [Roland Barthes — semiologist, theorist of literature]. *Bart R. Nulevaya stepen' pis'ma* [Writing degree zero]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2008, pp. 3–45. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 29.03.2014.

R. BART SEMIOLOGY: SCRIPT, IDEOLOGY, MYTHOLOGY

Elena A. Kokareva

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The article deals with a semiology by French philosopher R. Barth. Barth suggested the idea of the structural similarity of language and reality, the autonomy, substantive language. Also, R. Barth discoved commanding powers of language, which as a special connotation (secondary, related) meanings form hidden, not recognized by people the ideological level; this level includes illusions and stereotypes of the society. The combination of connotative signified represents the myths of modern society. Ideological, or mythological meanings create a false image of reality that «fakes» the real things and phenomena. Man, therefore, is locked in language space, which subordinates and regulates thoughts, views and actions.

Key words: language; reality; structure; structuralism; sign; semiology; mythology, ideology, connotation, R. Barth.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Кокарева Е.А. Семиология Р. Барта: письмо, идеология, мифология // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 94–99.

Please cite this article in English as:
Kokareva E.A. R. Bart semiology: script, ideology, mythology // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 94–99.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 343.953:159.9.072

ДЕКЛАРИРУЕМАЯ АГРЕССИВНОСТЬ ЗАКОНОПОСЛУШНЫХ ГРАЖДАН И ОСУЖДЕННЫХ К РАЗЛИЧНЫМ СРОКАМ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, ДИАГНОСТИРУЕМАЯ ОПРОСНИКОМ БАССА–ДАРКИ

Узлов Николай Дмитриевич
кандидат медицинских наук,
профессор кафедры естественных и гуманитарных наук
Березниковский филиал Пермского государственного
национального исследовательского университета
618426, Березники, ул. Юбилейная, 99
e-mail: knots51@mail.ru.

Представлен обзор научных работ, в которых использовался опросник Басса–Дарки. Приведены данные собственного эмпирического исследования агрессивности заключенных с разными сроками отбытия наказания. Повышенные уровни агрессии отмечены у осужденных к конкретным срокам лишения свободы. Низкие показатели агрессии определены у осужденных, отбывших 5–10 лет пожизненного срока. Выдвинута гипотеза об их «подавленной агрессивности», определяемой суровыми условиями отбытия наказания. Самые высокие уровни декларируемой агрессии отмечены у отбывших пожизненное наказание свыше 10 лет. Высказано предположение об аккумулировании у них осознаваемой агрессии, стремящейся к разрядке. Показано, что опросник Басса–Дарки дает представление не о реальной, а о декларируемой самооценочной агрессивности. Поставлен вопрос о необходимости дальнейшей его рестандартизации с учетом социально-демографических и кросс-культуральных факторов.
Ключевые слова: агрессия; опросник Басса–Дарки; социальные группы; законопослушные граждане; преступники; сроки лишения свободы; декларируемая агрессивность.

Постановка проблемы

Проблема агрессивности и агрессивного поведения лиц, склонных к правонарушениям, совершивших преступления и отбывающих срок наказания, привлекает внимание многих специалистов, занимающихся изучением причин антисоциальных действий и их юридической оценкой, медико-психологической квалификацией личности преступника, а также вопросами превенции криминального поведения. Особую остроту эта проблема приобретает для пенитенциарной системы, перед которой поставлены задачи не только осуществления наказания, но и перевоспитания осужденных, их последующей ресоциализации и реадаптации в обществе.

Для оценки агрессии и агрессивности личности используются различные методики (шкала враждебности Кука и Маддли, опросники измерения агрессивных и враждебных реакций А. Басса и А. Дарки, склонности к агрессии BPAQ А. Басса и М. Перри, легитимизированной агрессии ЛА–44, Hand Test Э. Вагнера и др.), стандартизация которых продолжается по настоящее время [12, 27, 29, др.].

Анализ литературных источников показывает, что в большинстве работ, посвященных изучению агрессии, в т.ч. диссертационных, наиболее часто используется опросник А. Басса и А. Дарки (Buss–Durkee Hostility Inventory, BDHI) разработанный в 1957 г. Зарубежными и отечественными исследователями подтверждается его валидность и надежность [3, 7, 8]. Следует отметить, что дан-

© Узлов Н.Д., 2014

ный опросник широко применяется при изучении агрессии у подростков, в т.ч. несовершеннолетних правонарушителей [3, 4, 13, 15, 16, др.]

Опросник диагностирует следующие виды реакций:

1. Физическая агрессия — использование физической силы против другого лица.
2. Косвенная агрессия, окольным путем направленная на другое лицо или ни на кого не направленная.
3. Вербальная агрессия — выражение негативных чувств как через форму (крик, визг), так и через содержание словесных ответов (проклятия, угрозы).
4. Раздражение — готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (вспыльчивость, грубость).
5. Негативизм — оппозиционная манера в поведении от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся обычаев и законов.
6. Обида — зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия.
7. Подозрительность — в диапазоне от недоверия и осторожности по отношению к людям до убеждения в том, что другие люди планируют и приносят вред.
8. Чувство вины — выражает возможное убеждение субъекта в том, что он является плохим человеком, что поступает зло, а также ощущаемые им угрызения совести.

Интегральный показатель агрессивности устанавливается индексом агрессивности (ИА), который представляет собой сумму значений физической, косвенной, вербальной агрессии; индекс враждебности (ИВ) включает компоненты обиды и подозрения. Нормой ИА считается величина, равная 21 ± 4, ИВ — 6,5–7 ± 3. Рекомендуется определять также уровень агрессивной мотивации (ИАМ), определяемый суммой значений физической, вербальной агрессии и склонности к раздражению. Его предельное значение составляет 34 балла. При этом необходимо учитывать, что УАМ ≈ ИА. Если УАМ > ИА, то имеется потенциал агрессии. Если УАМ < ИА, то идет подавление личности [5]. В оценке уровней выраженности реакций А.К. Осницкий предлагает ориентироваться на номинальные показатели: если сумма баллов по отдельным параметрам их превышает, это говорит о высоком или чрезмерном развитии форм агрессивности и, наоборот, свидетельствует о низком уровне агрессивных реакций. Нормированные показатели с учетом коэффициентов не должны превышать 50–60 баллов.

В настоящее время существуют как минимум две распространенные русскоязычные версии опросника Басса–Дарки, в адаптации которых принимали участие С.Н. Ениколопов (1990) и А.К. Осницкий (1996) [11, 21]. Их различия заключаются в бинарности «да – нет» или более широкой градации предлагаемых ответов, что, по мнению А.К. Осницкого позволяет получать у испытуемых более достоверные ответы. Предложено также введение поправочных коэффициентов (К), переводящих «сырые баллы» в шкальные оценки.

Широкое использование опросника Басса–Дарки в научных исследованиях, при выполнении диссертационных, дипломных, курсовых работ потребовало разработки более четких указаний, прежде всего в плане интерпретации полученных результатов. Возникли определенные трудности сопоставления данных, полученных разными авторами с точки зрения нормирования оценок в «сырых баллах», определения уровней агрессии, разночтения в использовании поправочных коэффициентов в шкалах «физическая агрессия», «косвенная агрессия» и «подозрительность», подсчете индексов агрессивности и враждебности [18, 20, 21, 22. 25, др.]. Указанные противоречия пытались снять А.А. Хван с соавт. [29], осуществившие рестандартизацию опросника на выборке 646 подростков 16–17 лет г. Новокузнецка. Они удачно перевели «сырые» баллы в преобразованные за счет использования поправочных коэффициентов и далее — в стэны, что дало возможность определить выраженность агрессивных реакций — низкого, среднего, повышенного, высокого и очень высокого уровней. Были также исправлены ошибки предшественников, тиражирующие опросник Басса–Дарки в многочисленных справочниках, энциклопедиях и сборниках психологических тестов.

Обзор литературы

С проблемами оценки полученных результатов столкнулись и мы, проводя собственное эмпирическое исследование по изучению агрессивного поведения осужденных. В связи с этим было принято решение проанализировать все доступные работы, в которых был использован опросник Басса–Дарки. При этом нас интересовали конкретные показатели (уровни шкал) различных возрастных и социальных групп — подростков и взрослых, мужчин и женщин, законопослушных граждан и лиц с криминальными наклонностями, осужденных и находящихся на свободе, а также проживающих на разных территориях России и стран ближнего зарубежья. Поскольку в большинстве публикаций приводятся оценки агрессивных реакций в «сырых» баллах, решено также ориентиро-

ваться на них и при необходимости, в целях сравнения, приводить к «сырым» баллам, используя поправочные коэффициенты.

В рамках обсуждаемой здесь темы наибольший интерес представляют эмпирические исследования самооценки агрессии у взрослых преступников. М.Е. Сандомирским с соавт. (2000) опубликованы результаты обследования 288 взрослых осужденных мужского пола, отбывающих наказание в колонии общего режима в г. Меледуз (Башкортостан) с помощью опросника Басса–Дарки (табл. 1). В качестве нормативов при психодиагностике осужденных, с учетом разброса данных (ошибки средних ± m) авторами были определены значения доверительных интервалов от [M – t*m] до [M + t*m], t = 2. Выход измеряемых показателей за пределы доверительного интервала можно расценивать как отклонение от нормы для данного контингента обследуемых [23].

Таблица 1. Границы значений измеряемых показателей агрессии осужденных (n = 288) [23]

Показатель	Средние значения	Доверительный интервал
	M ± m	M + tm // M – tm
Физическая агрессия	4,243 ± 0,107	4,457–4,029
Косвенная агрессия	3,218 ± 0,098	3,414–3,021
Вербальная агрессия	5,457 ± 0,128	5,713–5,202
Раздражительность	4,475 ± 0,109	4,692–4,258
Негативизм	2,379 ± 0,072	2,523–2,234
Обида	4,243 ± 0,093	4,430–4,056
Подозрительность	4,639 ± 0,104	4,846–4,432
Чувство вины	5,961 ± 0,133	6,228–5,694
Общая агрессивность	12,92 ± 0,26	13,434–12,402
Враждебность	8,882 ± 0,167	9,216–8,548

Сравнение показателей агрессии осужденных со значениями шкал данного опросника, предложенными А.К. Осницким, показало, что они не выходят за границы условной «социальной нормы». Р.Х. Гизатуллин изучал агрессивные тенденции у 250 мужчин в возрасте 18–70 лет, отбывающих наказание за различные совершенные преступления, и выявил, что обследованный контингент заключенных в целом характеризуется высоким уровнем декларируемой общей агрессивности (13,06 ± 0,27), с преобладанием вербальной агрессии (5,56 ± 0,13) над физической (4,27 ± 0,11) на фоне высокого уровня враждебности (9,01 ± 0,17), обиды (4,29 ± 0,01) и подозрительности (4,72 ± 0,11) [9].

Сведения о половых различиях в самооценке агрессивности осужденных также противоречивы и свидетельствуют как об отсутствии отклонений от тестовой нормы [14, 31], так и о количественных и качественных различиях. Так, у осужденных 37 мужчин и 43 женщин из исправительных колоний г. Харькова индексы агрессивности составляли соответственно 29,3 и 24,6. Индекс враждебности у мужчин достигал 9,2 балла (с преобладанием компонента подозрительности), у женщин — 12,8 балла (с доминированием чувства обиды) [14].

Лица, помещенные в следственный изолятор, демонстрируют разные виды и степени выраженности агрессивных реакций. Уровень физической ($p < 0,01$) и косвенной ($p < 0,05$) агрессии более характерен для неоднократно содержавшихся в СИЗО в сравнении с первично помещенными. У тех и других почти одинаково выражены вербальная агрессия, негативизм, раздражительность. Установлено, что агрессия осужденных-рецидивистов в большей степени направлена на другого человека, в то время как у впервые осужденных — на себя, с большим преобладанием чувства вины [2].

О.П. Гнидин провел сравнительное изучение в проявлениях агрессии среди осужденных мужчин 20–32 лет, отбывающих наказание в ИК Ставропольского края. Общая выборка составила 60 чел., включая контрольную, состоящую из студентов вуза. Было установлено, что заключенные обладают более высокими уровнями общей агрессивности на фоне ярко выраженных негативизма, обиды и подозрительности, в сравнении с испытуемыми контрольной группы [10].

По данным Э.П. Булатчика, убийцы по показателям, отражающим состояния агрессии, не отличаются от лиц, умышленно причинивших особо тяжкие телесные повреждения. Однако у них регистрировался более высокий уровень физической и менее — косвенной агрессии, чем у лиц, совершивших разбойное нападение. Совершившие убийство также более интенсивно переживают обиду, но значительно меньше испытывают чувство вины, чем лица, совершившие кражи [6].

И.А. Фурманов представил данные об агрессивности белорусских осужденных с различным составом совершенного преступления (в работе использовался опросник диагностики склонности к агрессии А. Басса и М. Перри [27]) и установил, что у преступников, совершивших убийство

(n = 60), показатели физической и вербальной агрессии значимо выше, чем у осужденных за причинение умышленных тяжких телесных повреждений и разбой (n = 35), насильственные преступления сексуального характера (n = 65) и ненасильственные преступления — кражи и мошенничество (n = 95). Достоверных различий по этим показателям между другими когортами преступников обнаружено не было, равно как и по показателям гнева и враждебности между всеми категориями осужденных. Установлено, что насильственная направленность преступлений обусловливается взаимосвязью физической агрессии, гнева и враждебности при посредничестве склонности к вербальной агрессии [28].

Н.Р. Тевосян [26] изучала особенности проявления у осужденных инструментальной агрессии. К преступлениям такой направленности относят грабежи, кражи, мошенничество, получение взятки, коррупция и т.п. Обследовано 100 осужденных мужчин 25–30 лет, отбывавших наказание в ИК г. Коломны. Контрольную группу составили законопослушные лица того же возраста и демографического статуса. Сравнительный анализ выраженности агрессии с контрольной группой 100 законопослушных мужчин того же возраста показал, что для лиц, склонных к инструментальной агрессии не характерно проявление враждебности и агрессивных реакций: физической, косвенной агрессии, раздражения, проявление негативизма, подозрительности, вербальной агрессии, чувства вины. Интересно, что показатели агрессии испытуемых в контрольной группе по параметрам физической агрессии (6,9), вербальной агрессии (8,5), подозрительности (8,4) и чувству вины (6,7) заметно превышали нормативные по А.К. Осницкому [5] и даже для заключенных, отбывающих наказание в условиях общего режима [23].

Ф.С. Сафуанов с соавт. представили данные об особенностях проявления агрессии у 15 преступников (от 24 до 50 лет, средний возраст 35,2 ± 3,1 года) с пограничными психическими расстройствами, проходившими судебно-психиатрическую экспертизу в ФГБУ ГНЦССП им. В.П. Сербского МЗ России в 2012 г. и признанных вменяемыми. В группу сравнения вошли 23 психически здоровых мужчины (от 20 до 50 лет, средний возраст 36,5 ± 3,2 года), не совершавшие правонарушений. В числе экспериментально-психологических методик использовался опросник Басса–Дарки в модификации С.Н. Ениколопова. Авторы сделали вывод о том, что уровни базовой агрессивности у психически здоровых лиц и преступников с психическими расстройствами, склонных к импульсивной агрессии, практически не отличаются. У исследованных групп примерно одинаково выражены готовность к физической, вербальной, косвенной формам агрессии. В то же время уровень подозрительности и реакции обиды у испытуемых основной группы значительно выше ($p < 0,01$) [24].

Л.М. Щербакова и О.П. Белая изучали личностные особенности женщин, осужденных за насильственные преступления (убийства и нанесение умышленного вреда здоровью). В качестве испытуемых выступили 250 осужденных в возрасте 18–50 лет, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Северо-Кавказского федерального округа. Контрольную группу составили женщины в таком же количестве, этого же возраста и приблизительно того же социального статуса, не привлекавшиеся к уголовной ответственности. В работе использовался опросник Басса–Дарки с применением поправочных коэффициентов. В группе женщин-преступниц индексы агрессивности и враждебности значительно превышали аналогичные показатели в контрольной группе: 142 и 107; 93 и 83 единицы соответственно (предельные нормативные значения для них составляют 101 и 107 баллов). Статистически значимые различия были получены по шкалам физической (больше у преступниц) и вербальной (больше у законопослушных женщин) агрессии, негативизма и подозрительности (более выраженных у осужденных), при близких показателях раздражения. Авторы также отмечают, что женщины-преступницы демонстрируют низкие значения по показателю чувства вины. Они не испытывают угрызений совести за содеянное, что подтверждается результатами беседы и наблюдением за заключенными [34].

М.О. Цатурян изучалось проявление агрессии у осужденных женщин первого и последнего года заключения, отбывающих наказание в колонии г. Вологды. Выборку составили 50 чел. в возрасте 18–41 год, по 25 чел. в каждой группе. В качестве психодиагностического инструментария использовался, в частности, и опросник Басса–Дарки в адаптации А.К. Осницкого. Установлены статистически значимые различия между женщинами первого и последнего года исполнения наказания в проявлении подозрительности ($p < 0,05$), вербальной агрессии ($p < 0,05$), проявлении чувства вины ($p < 0,05$), а также по индексам агрессивности и враждебности ($p < 0,05$) — переживание данных состояний в большей степени характерно женщинам первого года отбывания наказания [30].

Детальный анализ приведенных выше работ показывает значительный разброс в показателях агрессии, диагностируемых с помощью опросника А. Басса и А. Дарки как для нормативных групп испытуемых, отличающихся законопос-

лушным поведением, так и лиц с криминальными наклонностями и совершившими уголовные преступления. Кроме возрастных, половых и гендерных различий (которые не всегда прослеживаются) при оценке уровней агрессивности и враждебности следует учитывать, очевидно, еще ряд условий — место проживания респондентов, этническую принадлежность, социальный статус, профессию, значение ситуации и временной фактор. Вполне очевидно, что с момента опубликования опросника BDHI в 1957 г. и адаптации его русскоязычных версий в 1990-е гг., значительно изменился мир и психология людей в целом. Негативный прайминг, связанный с восприятием сцен насилия в кино, на телевидении и в Интернете, которые стали повседневным явлением, актуализирует агрессивные установки и повышает готовность совершать агрессивные действия по отношению к другим людям. Не случайно предметом пристального интереса ученых в последнее время стало изучение этнокультурных особенностей проявления агрессивности [19].

Другим важным, на наш взгляд, замечанием является то, что в ряде работ, в т.ч. диссертационных, выполненных только на основе психодиагностических методик, редко объективизируется сам факт проявления агрессии с помощью других вполне экологичных эмпирических методов, таких как опрос, клиническая беседа, наблюдение, использование экспертных оценок и др., что в значительной мере снижает научную ценность проведенных исследований.

Эмпирическое исследование

В 2013 г. Е.А. Сайдали, студентом заочной формы обучения специальности «Психология» Березниковского филиала ПГНИУ, в рамках дипломного проектирования под научным руководством автора этой публикации, был собран эмпирический материал, касающийся особенностей самооценки агрессивности осужденными с разными сроками лишения свободы. Были сформированы 3 группы из осужденных мужчин и контрольная — из числа законопослушных граждан (возраст 28 ± 8 лет), каждая по 30 чел. Исследование проводилось на базе учреждения ФКЛПУ КТБ–17 ОИУ–1 ОУХД ГУФСИН России по Пермскому краю, являющегося многопрофильной больницей тюремного типа, куда помещались осужденные больные из исправительных колоний Пермского края и Республики Коми (возраст 27 ± 7 лет), с установленными судом конкретными (от 5 до 12 лет) сроками отбывания наказания по 1–2 статьям (ст. 107, 108, 109, 111, 112, 122, 124, 158, 161, 168, 228 УК РФ), и ФКУ ИК–5 УФСИН России по Вологодской области, расположенной на острове Огненном (пос. Новоозеро Белозерского района), где отбывают наказание лица, осужденные к пожизненному лишению свободы (ПЛС). Из числа последних было выделено две группы: отбывшие наказание 5–10 лет, находящиеся в условиях усиленного режима (возраст 28 ± 6 лет), и свыше 10 лет, прошедшие адаптационный период и отбывающих наказание в несколько смягченных условиях (возраст 42 ± 5 лет). Большинство заключенных к ПЛС имели судимость по 3–5 статьям, самые распространенные из них ст. 105,126, 127, 131, 132, 135, 158, 161, 168 и 228 УК РФ.

Наблюдение за осужденными со сроком освобождения в процессе индивидуальных бесед и выполнения ими психодиагностических заданий показало, что эти лица по большей части проявляют открытость, доброжелательность, учтивость, соблюдают дистанцию и умеют себя сдерживать. Несколько иная картина наблюдалась в ситуациях их межличностного взаимодействия, в которых нередко с одной стороны отмечалась грубость, цинизм, инвективная лексика, угрозы, оскорбления, с другой — ответная ругань, перебранка, раздражение, злость, не доходящие, однако, до прямых стычек. Вербальная агрессия, как и мат, являются для таких осужденных «легальным» способом разрядки эмоций.

Из бесед с инспекторами, осуществляющими надзор за осужденными к ПЛС, создалось впечатление, что у них имеется несколько предвзятое отношение к заключенным, основанное на чувствах презрения, уничижения. Многие отзывались о них как о «нелюдях», недостойных сочувствия, непредсказуемых в поведении, «себе на уме», как о «психах», от которых можно ожидать чего угодно. Они отмечали, что для этой категории преступников агрессивность носит кратковременный, импульсивный характер, которая проявляется чаще всего по отношению к сокамернику. По рассказам инспекторов, вспышки агрессии у осужденных бывают нечасто, но они могут проявляться грубым физическим насилием, вплоть до попыток убийства своего напарника. Однако этого никогда не происходит ввиду немедленного пресечения таких действий с последующим применением репрессивных мер со стороны администрации.

При общении с осужденными к ПЛС не было обнаружено каких-либо внешних проявлений агрессии. Большинство из них в начале беседы держались скованно, замкнуто, на вопросы отвечали осторожно, проявляли тревожность. Для многих беседа с экспериментатором была своеобразной отдушиной от их сенсорной депривации, вносила разнообразие и эффект новизны, поэтому они

охотно шли на контакт. Однако, отвечая на задаваемые вопросы, они иногда отвлекались от темы, начинали говорить о чем-то своем, затем как бы стряхивали с себя «наплыв мыслей» и снова включались в разговор. Осужденные старшего возраста выглядели более апатичными и опустошенными. В целом их поведение соответствовало описаниям, данным в литературе [1], и тому, что подразумевала профессор В.С. Мухина, много лет лично общавшаяся с данной категорией заключенных под термином «аутизм осужденных на ПЛС» [17].

В комплексном обследовании использовался опросник Басса–Дарки в адаптации А.К. Осницкого (табл. 2–3). В оценке результатов осужденных мы ориентировались на критерии, предложенные М.Е. Сандомирским с соавт. для оценки агрессивных тенденций преступников (табл. 1).

Таблица 2. Средние значения показателей агрессии у респондентов

Виды агрессии	Неосужденные (n = 30)	Осужденные со сроком освобождения (n = 30)	Пожизненно осужденные, отбывшие наказание от 5 до 10 лет (n = 30)	Пожизненно осужденные, отбывшие наказание свыше 10 лет (n = 30)
1.Физическая агрессия	2,53	4,83	2,93	6,20
2.Вербальная агрессия	3,10	5,88	3,8	7,23
3.Косвенная агрессия	2,53	4,90	2,73	6,03
4.Негативизм	1,23	2,07	1,43	2,8
5.Раздражение	2,91	6,9	2,97	6,90
6.Подозрительность	2,40	4,86	2,43	6,10
7.Обида	2,01	5,17	3,63	6,00
8.Чувство вины	3,77	6,07	4,00	7,10
Индекс агрессивности	8,16	15,61	9,46	19,46
Индекс враждебности	4,91	10,03	6,06	12,10
Уровень агрессивной мотивации	8,56	17,61	9,71	20,32

Анализ результатов, представленных в табл. 2, показывает, что законопослушные испытуемые демонстрируют низкие показатели агрессии (в соответствии с нормами, разработанными А.К. Осницким). Их низкая агрессивность и враждебность обусловлены, по всей видимости, более высоким культурным и образовательным уровнем, положительными социальными установками, конвенциальностью.

Напротив, испытуемые со сроком освобождения демонстрировали повышенные уровни агрессии почти по всем параметрам, за исключением «негативизма» и «чувства вины», а пожизненно осужденные, отбывшие наказание свыше 10 лет, — еще более высокие значения уже по всем видам агрессии.

Осужденные, отбывшие 5–10 лет пожизненного срока, демонстрируют также низкие показатели агрессии, как и испытуемые контрольной группы. У них определялись невысокие индексы агрессивности и враждебности. Объяснение этому факту можно дать, интерпретируя его с позиций «подавленной агрессивности», т.е. в условиях строгой изоляции и отсутствия каких-либо послаблений режима такие осужденные сконцентрированы лишь на выживании, т.к. любые проявления агрессии не только строго пресекаются, но и служат основанием для немедленного применения санкций. Наши наблюдения, как и данные литературных описаний личности этой категории преступников, говорят о скорее депрессивном статусе этих респондентов [1, 17, 33]. Послушное поведение служит для них также слабой, но все надеждой на последующее условно-досрочно освобождение или президентское помилование, или хотя бы послабление условий пре-

бывания. Уровень изоляции и безопасности в этой колонии можно назвать одним из самых жестких в системе мест лишения свободы России.

Анализ различий в проявлениях агрессии между группами респондентов представлен в табл. 3.

Таблица 3. Различия в самооценке проявлений агрессии у респондентов

Виды агрессии	Неосужденные / осужденные со сроком освобождения	Осужденные со сроком освобождения / осужденные пожизненно, отбывшие наказание 5–10 лет	Осужденные пожизненно, отбывшие наказание 5–10 / осужденные пожизненно, отбывшие наказание свыше 10 лет
	t-критерий, уровень различий		
1.Физическая агрессия	5,3***	4,0***	5,8***
2.Вербальная агрессия	4,5***	3,0**	4,7**
3.Косвенная агрессия	5,8***	5,0**	6,2***
4.Негативизм	2,4**	1,7	3,3**
5.Раздражение	6,9***	6,6***	6,6***
6.Подозрительность	5,3***	5,2***	6,9***
7.Обида	5,2***	4,3***	6,0***
8.Чувство вины	6,8***	5,9***	8,0***
Индекс агрессивности	4,6***	4,5***	5,8***
Индекс враждебности	5,7***	4,7***	6,7***

Условные обозначения: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Как видно из табл. 3, статистически значимые различия получены по всем показателям, за исключением параметров «негативизма» между осужденными с определенным сроком освобождения и осужденными к ПЛС первой группы. Негативизм принято рассматривать как оппозиционную манеру в поведении от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся обычаев и законов. Фактически он заключается в демонстративном немотивированном противодействии объекту, который бессознательно воспринимается субъектом как опасный или угрожающий. Проявляясь в упрямстве, пренебрежительном отношении и игнорировании, негативизм является отражением защитных психологических механизмов отрицания и рационализации [32]. Проявления негативизма у осужденных могут быть многообразны, и его выраженность во многом определяется положением в тюремной иерархии, и только высокостатусные заключенные выражают его открыто. Негативизм также характерен для осужденных с психическими нарушениями и расстройствами личности.

Наиболее высокие уровни декларируемой агрессии наблюдались у преступников, уже отбывших 10 и более лет из пожизненного срока. Фактически все самооценочные параметры, а также интегральные показатели агрессивности и враждебности у них увеличиваются в 2–3 раза. Что происходит реально в психике осужденного в этот период, сказать трудно, т.к. фиксированных случаев открытого выражения агрессии с их стороны не отмечено, а если они и имели место, то администрацией своевременно подавлялись. Можно предположить, что, пройдя значительный путь адаптации к жестким тюремным требованиям и заслужив небольшое послабление режима, они тем самым демонстрируют свое «истинное лицо», декларируют свой агрессивный статус. При этом главным орудием становится вербальная агрессия, как основной источник защиты от внешних посягательств и нападения.

Интерпретируя полученные нами результаты исследования осужденных к ПЛС, можно сделать вывод о том, что их агрессивность в первые 5–10 лет отбывания наказания может быть подавлена условиями режима, что ими осознается. У пре-

ступников, адаптировавшихся к условиям пребывания, отбывших наказание более 10 лет, наоборот, происходит аккумулирование затаенной внутренней агрессии, явно или смутно осознаваемой ими и стремящейся к разрядке.

Уровень агрессивной мотивации (УАМ) у всех групп испытуемых превышает индекс агрессивности (ИА). Таким образом, выявляется высокий потенциал агрессии, но самый высокий — у осужденных к ПЛС, отбывших наказание более 10 лет.

На основе анализа литературных источников и результатов проведенного нами исследования представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Остается неясным, что в реальности измеряет опросник Басса–Дарки и о какой агрессии идет речь — реальной, потенциальной или ее рефлексии у разных категорий испытуемых? Только в одной [9] из многочисленных публикаций открыто говорится о том, что измеряемая агрессивность у респондентов самооценочная, декларируемая, с чем можно вполне согласиться, поскольку ее факт не подтверждается никакими другими эмпирическими методами.
2. Имеется значительный разброс показателей агрессии, измеряемой с помощью русскоязычных версий BDHI у групп с близким социально-демографическим статусом (учащиеся, студенты, законопослушные и осужденные мужчины и женщины, жители разных регионов страны и др.), что не позволяет провести их унификацию с точки зрения определения приемлемой «нормы» и разграничения ее с криминальной агрессией.
3. Очевидно, что должна быть проведена масштабная кросс-культуральная стандартизация опросника Басса–Дарки с целью избежать механического переноса значений, полученных на выборках подростков и студентов [29], на всю популяцию и девиантные группы населения.
4. Выявлены значительные различия в уровнях агрессивных реакций у преступников с разными сроками отбытия наказания: у осужденных с определенным сроком освобождения агрессивность превышает показатели законопослушных граждан; она становится низкой у осужденных на пожизненный срок, отбывших наказание 5–10 лет; резко возрастает у ПЛС, кто уже отбыл его более 10 лет.
5. Что касается преступников, отбывающих ПЛС, то проблематичным становится вопрос о введении в действие ч. 5 ст. 79 УК РФ, предусматривающей условно-досрочное освобождение этих лиц после отбытия наказания в течение двадцати пяти лет при прочих дополнительных условиях. У некоторых «пожизненников» этот дедлайн уже приближается. Но если, согласно нашим данным, уровень агрессивной мотивации через 10 лет пребывания в колонии строгого режима возрастает как минимум в 2 раза при внешне «благопристойном» поведении, должны быть даны при их освобождении полные и научно обоснованные гарантии, что преступного рецидива больше не произойдет.

Список литературы

1. *Антонян Ю.М.*, Могачев М.И., Смирнов В.В. Убийцы, отбывающие пожизненное лишение свободы // Общество и право. 2010. № 2. С. 148–153.
2. *Арапова А.С.* Психопрофилактика у осужденных мужского пола деструктивных последствий пребывания в следственном изоляторе: автореф. дис. … канд. психол. наук. Рязань, 2011. 25 с.
3. *Бойко И.В.* Проявление агрессивности несовершеннолетних осужденных женского пола // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 27–30.
4. *Бойко И.В.*, Калашникова Т.В. Применение стандартизованного личностного опросника А. Баса–А. Дарки в практике ВТК: метод. рекомендации. Рязань, 1993. 29 с.
5. *Бруннер Е.Ю.* Методика диагностики показателей форм агрессии А. Басса и А. Дакри (адаптация А.К. Осницкого). URL: http://brunner.kgu.edu.ua/index.php/cv/41-bd (дата обращения: 17.01.2013).
6. *Булатчик Э.П.* Особенности агрессивности лиц, совершивших убийство: автореф. дис. … канд. психол. наук. СПб., 2006. 22 с.
7. *Бурлачук Л.Ф.*, Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 1999. С. 19–20.
8. *Бэрон Р.*, Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1997. 336 с.
9. *Гизатуллин Р.Х.* Особенности агрессивного поведения лиц в коллективах с ограниченной ротацией контингента: автореф. дис. … канд. мед. наук. Оренбург, 2001. 28 с.
10. *Гнидин О.П.* Психологические особенности агрессивности и ее профилактика у субъектов из различных социальных сред: автореф. дис. … канд. психол. наук. Ставрополь, 2008. 22 с.
11. *Ениколопов С.Н.* Опросник Басса–Дарки // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: Изд-во. МГУ, 1990. С. 6–11.
12. *Ениколопов С.Н.*, Цибульский Н.П. Методики диагностики агрессии // Психологическая диагностика. 2007. № 3. С. 41–72.

13. *Кобзева О.В.* Динамика агрессивности и ее взаимодействие с личностными особенностями в подростковом и юношеском возрастах: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2006. 21 с.
14. *Колчкова О.В.,* Колчкова М.В. Гендерные особенности агрессии у осужденных лиц // Актуальные вопросы современной психиатрии. Харьков: Харьков. гос. мед. ун-т, 2006. Вып. 7. URL: http://psykrug.narod.ru/sbornik/ simple13.html (дата обращения: 15.03.2014).
15. *Масагутов Р.М.*, Ениколопов С.Н. Показатели агрессивности у заключенных юношей с различным статусом в неформальной иерархии воспитательной колонии // Психологический журнал. 2004. № 1. С. 119–124.
16. *Мельникова М.Л.* Агрессивное поведение делинквентных подростков: детерминанты и условия коррекции: автореф. дис. … канд. психол. наук. Екатеринбург, 2007. 24 с.
17. *Мухина В.С.* Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. 2002. № 4. С. 100–114.
18. *Надеждина В.* Практическая психодиагностика. Тесты и методики. Минск: Харвест, 2011. 640 с.
19. *Налчаджян А.* Агрессивность человека. СПб.: Питер, 2007. 739 с.
20. *Никиреев Е.М.* Направленность личности и методы ее исследования. М., 2004. 190 с.
21. *Осницкий А.К.* Психология самостоятельности. Методы исследования и диагностики. М.; Нальчик, 1996. С. 51–56.
22. *Практическая* психодиагностика. Методики и тесты / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: БАХРАХ, 1999. С. 174–184.
23. *Сандомирский М.Е.*, Гизатуллин Р.Х., Аминев Г.А., Еникеев Д.А. Психологическая диагностика лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы: метод. рекомендации. Уфа, 2000. 25 с.
24. *Сафуанов Ф.С.*, Киренская А.В., Ткаченко А.А. и др. Патохарактерологические особенности лиц с психическими расстройствами, склонных к импульсивной агрессии // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2013. Т. 6, № 29. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/ 2013v6n29/ 831-safuanov29.html (дата обращения: 25.03.2014).
25. *Справочник* практического психолога. Психодиагностика / под общ. ред. С.Т. Посоховой. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2005. С. 379–387.
26. *Тевосян Н.Р.* Самосознание лиц, склонных к инструментальной агрессии: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2011. 24 с.
27. *Фурманов И.А.* Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. СПб., 2007. С. 371–377.
28. *Фурманов И.А.* Агрессивность белорусских осужденных с различным составом совершенного преступления // Психология и право. 2011. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/ n2/40882.shtml (дата обращения: 23.03.2014).
29. *Хван А.А.*, Зайцев Ю.А., Кузнецова Ю.А. Опыт стандартизации опросника измерения агрессивных и враждебных реакций А. Басса и А. Дарки // Психологическая диагностика. 2008. № 1. С. 35–58.
30. *Цатурян М.О.* Социально-психологические особенности осужденных женщин первого и последнего года лишения свободы // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 1. URL: http://web.snauka.ru/issues/ 2014/01/ 30357 (дата обращения: 23.03.2014).
31. *Шагаров Д.В.* Личностные особенности мужчин и женщин преступников насильственной и корыстной группы. URL: http://www.psyhodic.ru/ arc.php?page=4384 (дата обращения: 25.04.2014).
32. *Шибаев А.М.* Негативизм // Психологический словарь / под ред. П.С. Гуревича. М.: ОЛМА Медиа групп, ОЛМА Пресс Образование, 2007. С. 402–403.
33. *Шиханцов Г.Г.* Юридическая психология. учебник для вузов. М.: Зерцало, 1998. 341 с.
34. *Щербакова Л.М.*, Белая О.П. Индивидуально-психологический профиль женщин, осужденных за насильственные преступления // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2013. № 4. С. 35–44.

Получено: 03.04.2014.

References

1. Antonyan Yu.M., Mogachev M.I., Smirnov V.V. [Murderers under life imprisonment]. *Obschestvo i pravo* [Society and law]. 2010, no 2, pp. 148–153. (In Russian).
2. Arapova A.S. *Psihoprofilaktika u osuzhdennyh muzhskogo pola destruktivnyh posledstvij prebyvaniya v sledstvennom izolyatore: Aftoreferat dissertatsii kandidata psihologicheskih nauk* [Psychoprophylaxis for convicted males destructive consequences of being in detention facility. Author's abstract for procuring of candidate of psychological sciences degree]. Ryazan, 2011, 25 p. (In Russian).
3. Bojko I.V. [Underage convicted females' aggression display]. *Voprosy psihologii* [Issues of psychology]. 1993, no 4, pp. 27–30. (In Russian).
4. Bojko I.V., Kalashnikova T.V. *Primeneniye standartizovannogo lichnostnogo oprosnika A. Bassa–A. Darki v praktike VTK: metodicheskie rekomendatsii* [Use of Buss–Durkee standardized hostility inventory in labour colony: methodological guidance]. 1993, 20 p. (In Russian).
5. Brunner E.Yu. *Metodika diagnostiki pokazatelej form agressii A. Bassa I.A. Darki (Adaptatsiya A.K. Osnitskogo)* [Methods of aggression forms di-

agnostics by A. Buss and A. Durkee (adapted by A.K. Osnitsky)]. Available at: http://brunner.kgu.edu.ua/index.php/cv/41-bd (accessed: 17.01.2013).
6. Bulatchik Je.P. *Osobennosti agressivnosti lits, sovershivshih ubijstvo: Aftoreferat dissertatsii kandidata psihologicheskih nauk* [Special characteristics of aggression of persons committed murder. Author's abstract for procuring of candidate of psychological sciences degree]. Saint Petersburg, 2006, 22 p. (In Russian).
7. Burlachuk L.F., Morozov S.M. *Slovar'-spravochnik po psihodiagnostike* [Glossary and guide on psychodiagnostics]. Saint Petersburg, Piter Publ., 1999, pp. 19–20. (In Russian).
8. Baron R., Richardson D. *Agressiya* [Human Aggression]. Saint Petersburg, Piter Publ., 1997, 336 p. (In Russian).
9. Gizatullin R.H. Osobennosti agressivnogo povedeniya lits v kollektivah s ogranichennoj rotatsiej kontingenta: *Aftoreferat dissertatsii kandidata meditsinskih nauk* [Special features of aggressive behavior of persons in communities with limited rotation of population. Author's abstract for procuring of candidate of medical sciences degree]. Orenburg, 2001, 28 p. (In Russian).
10. Gnidin O.P. *Psihologicheskie osobennosti agressivnosti I ee profilaktika u sub'ektov iz razlichnyh sotsial'nyh sred: Aftoreferat dissertatsii kandidata psihologicheskih nauk* [Psychological peculiarities of aggression and its prophylaxis among persons from different social environment. Author's abstract for procuring of candidate of psychological sciences degree]. Stavropol', 2008, 22 p. (In Russian).
11. Enikolopov S.N. [Buss–Durkee hostility inventory]. *Praktikum po psihodiagnostike. Psihodiagnostika motivatsii I samoregulyatsii* [Practical course on psychodiagnostics. Psychodiagnostics of motivation and self-regulation]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1990, pp. 6–11. (In Russian).
12. Enikolopov S.N., Tsibul'sky N.P. [Methods of aggression diagnostics]. *Psihologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics]. 2007, no 3, pp. 41–72. (In Russian).
13. Kobzeva O.V. *Dinamika agressivnosti I ee vzaimodejstviye s lichnostnymi osobennostyami v podrostkovom i yunosheskom vozrastah: Aftoreferat dissertatsii kandidata psihologicheskih nauk* [Dynamics of aggressiveness and its interplay with personal features in teenager and juvenile age. Author's abstract for procuring of candidate of psychological sciences degree]. Moscow, 2006, 21 p. (In Russian).
14. Kolchakova O.V., Kolchakova M.V. [Gender peculiarities of aggression of convicted persons]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj psihiatrii* [Latest issues of modern psychiatry]. 2006. no 7. Available at: http://psykrug.narod.ru/sbornik/simple13.html (accessed: 15.03.2014). (In Russian).
15. Masgutov R.M., Enikolopov S.N. [Marks of aggressiveness of imprisoned young males with different status in informal hierarchy of correction facility]. *Psihololologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2004, no 1, pp. 119–124. (In Russian).
16. Melnikova M.L. *Agressivnoe povedenie delinkventnyh podrostkov: determinanty i usloviya korrektsii: Aftoreferat dissertatsii kandidata psihologicheskih nauk* [Aggressive behaviour of delinquent teenagers: determinants and terms of correction. Author's abstract for procuring of candidate of psychological sciences degree]. 2007, 24 p. (In Russian).
17. Muhina V.S. [Life imprisoned persons: motivation to life]. *Razvitie lichnosti* [Personality development]. 2002, no 4, pp. 100–114. (In Russian).
18. Nadezhdina V. *Prakticheskaya psihodiagnostika. Testy i metodiki* [Practical psychodiagnostics. Tests and methods]. Minsk, Harvest Publ., 2011, 640 p. (In Russian).
19. Nalchyadzhyan A. *Agressivnost' cheloveka* [Aggressiveness of a man]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2007, 739 p. (In Russian).
20. Nikireev E.M. *Napravlennost' lichnosti i metody ee issledovaniya* [Personality orientation and methods of its research]. Moscow, 2004, p. 190. (In Russian).
21. Osnitskij A.K. *Psihologiya samostoyatel'nosti. Metody issledovaniya i diagnostiki* [Psychology of independence. Methods of research and diagnostics]. Moscow, Nal'chik Publ., 1996, pp. 51–56. (In Russian).
22. *Practicheskaya psihodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnostics. Methods and tests]. Samara, BAHRAH Publ., 1999, pp. 174–184. (In Russian).
23. Sandomirskij M.E., Gizatullin R.H., Aminev G.A., Enikeev D.A. *Psihologicheskaya diagnostika lits, otbyvayuschih nakazanie v mestah lisheniya svobody: metodicheskie rekomendatsii* [Psychological diagnostics of persons, serving sentence in places of detention: methodological recommendations]. Ufa, 2000, 25 p. (In Russian).
24. Safuanov F.S., Kirenskaya A.V., Tkachenko A.A. et al. [Pathology-of-character peculiarities of persons with psychic disorders, inclined to impetuous aggression]. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological research]. 2013, vol. 6, no 29. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/831-safuanov29.html (accessed: 25.03.2014). (In Russian).
25. *Spravochnik prakticheskogo psihologa. Psihodiagnostika* [Guide for practicing psychologist. Psychodiagnostics]. Moscow, AST Publ., Saint Petersburg, Sova Publ., 2005, pp. 379–387. (In Russian).
26. Tevosyan N.R. *Samopoznaniye lits, sklonnyh k instrumental'noj agressii*: *Aftoreferat dissertatsii kandidata psihologicheskih nauk* [Self-consciousness of persons, inclined for instrument aggression. Author's abstract for procuring of candidate of psychological

sciences degree]. Moscow, 2011, 24 p. (In Russian).
27. Furmanov I.A. *Agressiya i nasilie: diagnostika, profilaktika i korrktsiya* [Aggression and violence: diagnostics, prophylaxis and correction]. Saint Petersburg, 2007, pp. 371–377. (In Russian).
28. Furmanov I.A. [Aggressiveness of Belorussian convicted persons with different bodies of the crime. *Psihologiya i pravo* [Psychology and law]. 2011, no 2. Available at: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n2/40882.shtml (accessed: 23.03.2014). (In Russian).
29. Hvan A.A., Zajtsev Yu.A., Kuznetsova Yu.A. [Experience on standardization of Buss–Durkee hostility inventory]. *Psihologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics]. 2008, no 1, pp. 35–58. (In Russian).
30. Tsaturyan M.O. [Social and psychological peculiarities of convicted females of the first and the last years of sentence]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific research and innovations]. 2014, no 1. Available at: http://web.snauka.ru/issues/ 2014/01/30357 (accessed: 23.03.2014). (In Russian).
31. Shagarov D.V. *Lichnostnye osobennosti muzhchin i zhenschin prestupnikov nasil'stvennoj i korystnoj gruppy* [Personality peculiarities of male and female criminals of violent and acquisitive groups]. Available at: http://www.psyhodic.ru/arc.php?page=4384 (accessed: 25.04.2014). (In Russian).
32. Shibaev A.M. [Negativism]. *Psihologicheskij slovar'* [Psychology dictionary]. Moscow, OLMA Media grupp Publ., OLMA Press Obrazovaniye Publ., 2007, pp. 402–403.
33. Shihantsov G.G. *Yuridicheskaya psihologiya: uchebnik dlya vuzov* [Legal psychology]. Moscow, Zertsalo Publ., 1998, 341 p. (In Russian).
34. Scherbakova L.M., Belaya O.P. [Individual psychological profile of females, convicted of violent crime]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava* [Criminological journal of Baikal State University of Economics And Law]. 2013, no 4, pp. 35–44. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 03.04.2014.

DECLARED AGGRESSIVITY OF LAW-ABIDING CITIZENS AND CONVICTS WITH VARIOUS PRISON TERMS, DIAGNOSED BY BUSS–DURKEE HOSTILITY INVENTORY

Nikolay D. Uzlov

Berezniki Branch of the Perm State National Research University;
99, Yubileynaya strt., Berezniki, 618426, Russia

The review of scientific works in a Buss–Durkee Hostility Inventory (BDHI) was used is submitted. Data of own empirical research of aggressivity of prisoners with different terms of departure of punishment are presented. The raised levels of aggression are noted at the prisoners, condemned to concrete terms of imprisonment. Low indicators of aggression are defined on the prisoners, who left 5–10 years of life term imprisonment. The hypothesis about «the suppressed aggression», defined by severe conditions of departure of punishment is made. The highest levels of declared aggression are noted at the convicts with lifelong terms over 10 years. It is suggested about accumulation at them the realized aggression aspiring to a discharge. It is shown that BDHI gives an idea not about real, but declared, self-estimated aggressivity. The question of need of a further restandardization of a BDHI taking into account social and demographic and cross-cultural factors.

Key words: aggression; Buss–Durkee Hostility Inventory; social groups; law-abiding citizens; criminals; imprisonment terms; declared aggressivity.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Узлов Н.Д. Декларируемая агрессивность законопослушных граждан и осужденных к различным срокам лишения свободы, диагностируемая опросником Басса–Дарки // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 100–110.

Please cite this article in English as:
Uzlov N.D. Declared aggressivity of law-abiding citizens and convicts with various prison terms, diagnosed by Buss–Durkee hostility inventory // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 100–110.

УДК 159.9:371.1

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ СОСТАВЛЯЮЩИМИ МОТИВАЦИОННОГО КОМПОНЕНТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К УПРАВЛЕНИЮ ПЕДАГОГИЧЕСКИМИ РАБОТНИКАМИ И ХАРАКТЕРИСТИКАМИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Вознюк Алла Викторовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Сумской областной институт последипломного педагогического образования
Украина, 40007, Сумы, ул. Римского-Корсакова, 5
e-mail: allavoznuk11@rambler.ru

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи между особенностями развития составляющих мотивационного компонента психологической готовности руководителей к управлению педагогическими работниками и рядом их социально-демографических и организационно-профессиональных характеристик. Представленные данные статистически доказывают, что преобладающие потребности и ценностные ориентации руководителей образовательных организаций зависят от их возраста, должности, уровня образования, а также от общего и управленческого стажа деятельности. Установлено, что большинство руководителей испытывают потребность в творческой и интересной работе, наличии для этого благоприятных условий, а также подчеркивают необходимость в индивидуальном развитии всех членов коллектива. Доказано, что большинство руководителей ориентированы на деятельность, перспективу и развитие образовательной организации, а также на взаимодействие и конструктивное сотрудничество с педагогическими работниками.

Ключевые слова: управление педагогическими работниками; мотивационный компонент психологической готовности; потребности; ценностные ориентации.

Постановка проблемы. Реформирование системы образования определяет потребность в новых подходах к управлению образовательными организациями во всем мире. Исследованию соответствующего проблемного поля методами организационной психологии посвящена обширная литература [3, 7], в том числе англоязычная [10, 11, 12, 13, 14]. В контексте данных исследований становится понятным, что в первую очередь, модернизации и внедрения новейших менеджерских технологий, инновационных форм и методов менеджмента требуют механизмы управления образовательными организациями. Успешное решение данных вопросов в частности зависит от руководителя образовательной организации, от его психологической готовности к эффективному управлению педагогическими работниками, мотивационного компонента.

Основываясь на имеющихся в литературе подходов [1, 4, 8] и на наших предыдущих исследованиях [5, с. 76], под мотивационным компонентом психологической готовности руководителей образовательных организаций к управлению педагогическими работниками мы понимаем совокупность преобладающих потребностей и ценностных ориентаций, влияющих на успешное осуществление процесса управления педагогическими работниками. Важными составляющими мотивационного компонента психологической готовности руководителей образовательных организаций к управлению педагогическими работниками являются: преобладающие потребности руководителей при осуществлении процесса управления педагогическими работниками; ценностные ориентации руководителей относительно успешного управления педагогическими работниками.

В наших предыдущих исследованиях раскрыта сущность и рассмотрены основные составляющие мотивационного компонента психологической готовности руководителей к управлению педагогическими работниками [5], особенности развития мотивации управленческой деятельности у руководителей образовательных организаций [6] и др.

© Вознюк А.В., 2014

Вместе с тем остаются не рассмотренными вопросы, касающиеся установления взаимосвязи между составляющими мотивационного компонента психологической готовности к управлению педагогическими работниками и характеристиками руководителей образовательных организаций.

Исходя из актуальности и недостаточной разработанности этой проблемы **целью нашего исследования** является установление взаимосвязи между составляющими мотивационного компонента психологической готовности к управлению педагогическими работниками и характеристиками руководителей образовательных организаций.

Методика и организация исследования. Для исследования взаимосвязи между составляющими мотивационного компонента психологической готовности руководителей образовательных организаций к управлению педагогическими работниками и их социально-демографическими и организационно-профессиональными характеристиками был использован ряд методик.

Так, методика «Диагностика привлекательности труда» (В.М. Снетков) [9] направлена на определение уровня развития преобладающих потребностей у руководителей образовательных организаций, определенным образом влияющих на успешное управление педагогическими работниками. Все шкалы, входящие в состав опросника и описывающие преобладающие потребности, нами были объединены в две группы: первая группа (потребности 1, 2, 4, 5, 6, 12) отражает стремление руководителей к удовлетворению собственных потребностей при осуществлении ими управленческой деятельности; вторая группа (потребности 3, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14) раскрывает потребности в эффективном взаимодействии руководителей с педагогическими работниками.

Методика «Ориентационные стили профессионально-деятельностного общения» (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов) [9] дает возможность определить, какие ценностные ориентации (ориентация на действие, ориентация на процесс, ориентация на работника, ориентация на перспективу, развитие) или их сочетание доминируют в управленческой деятельности руководителей образовательных организаций.

Методика «Диагностика мотивационных ориентаций в межличностных коммуникациях» (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов) [9] направлена на определение основных ценностных ориентаций (ориентация на адекватное восприятие и понимание партнера, ориентация на принятие партнера, ориентация на достижение компромисса) в процессе управления руководителями образовательных организаций педагогическими работниками.

Необходимо также отметить, что каждая группа преобладающих потребностей и ценностных ориентаций руководителей образовательных организаций раскрывается через определенные уровни развития их психологической готовности к управлению педагогическими работниками, а именно:

Базовый уровень — руководители образовательных организаций при управлении педагогическими работниками, руководствуются преимущественно нормативно-правовыми документами, добиваясь четкости выполнения функциональных обязанностей.

Ситуативно-стратегический уровень — руководители образовательных организаций в первую очередь согласовывают различные формы взаимодействия с управляемыми ими педагогическими работниками для успешной реализации стратегических задач образовательной организации.

Персонализированный уровень — руководители образовательных организаций предпочитают учет профессиональных возможностей и интересов педагогического работника с целью развития образовательной организации.

Следует отметить, что с учетом особенностей деятельности руководителей образовательных организаций нами были выделены основные характеристики: а) социально-демографические (пол, возраст); б) организационно-профессиональные (должность, уровень образования, общий стаж и стаж управленческой деятельности).

Для расчета полученных показателей были использованы качественные и количественные методы: контент-анализ для анализа ответов опрашиваемых, методы описательной статистики (программа SPSS, версия 13.0) [2].

Исследование проводилось (на базе ряда областных институтов последипломного педагогического образования) на курсах повышения квалификации среди руководителей образовательных организаций в течение 2012/2013 учебного года. Выборку составляли примерно 1100 руководителей.

Результаты исследования и их обсуждение. Рассмотрим последовательно взаимосвязь между составляющими мотивационного компонента психологической готовности руководителей образовательных организаций к управлению педагогическими работниками и рядом социально-демографических и организационно-профессиональных характеристик.

В процессе исследования взаимосвязи *возраста руководителей образовательных организаций* и уровня развития составляющих мотивационного компонента психологической готовности к управлению педагогическими работниками были выделены четыре возрастные группы: 1) до 30 лет; 2) 31–40 лет; 3) 41–50 лет; 4) более 50 лет.

По результатам исследования были установлены статистически значимые различия ($p < 0,01$; $p < 0,00$) между тремя составляющими мотивационного компонента психологической готовности руководителей образовательных организаций к управлению педагогическими работниками и их возрастом.

Так, анализ статистически значимых различий показал, что четвертая возрастная группа (более 50 лет) опережает другие возрастные группы по составляющей «ориентация на действие» (61,5 %). Это подтверждает тот факт, что руководители образовательных организаций с увеличением возраста отдают пердпочтение самостоятельной постановке целей и сроков решения поставлених задач образовательной организации, но при этом готовы к детальному обсуждению результатов работы, достижений и поведения конкретного педагога.

Руководители второй возрастной группы (31–40 лет) опережают другие группы по составляющей «потребность в благоприятных условиях труда» (37,3 %). Это позволяет сделать предположение о том, что руководители второй возрастной группы считают необходимым для успешной реализации задач образовательной организацию создание гибкого графика работы и организации рабочего места для каждого педагогического работника с учетом их профессиональных потребностей и интересов.

Уместно отметить и тот факт, что первая (до 30 лет) и вторая (31–40 лет) возрастные группы опережают другие возрастные группы по составляющей «потребность в творческой и интересной работе» (89,2 %). Такие данные, по нашему мнению, могут свидетельствовать о том, что для руководителей указаного возрастного диапазона важно внедрение инновационных форм и методов управления педагогическими работниками.

В процессе исследования взаимосвязи *должности руководителей образовательных организаций* и уровня развития составляющих мотивационного компонента психологической готовности к управлению педагогическими работниками были выделены две группы респондентов: 1) руководители, 2) заместители руководителей.

По результатам исследования были установлены статистически значимые различия ($p < 0,05$; $p < 0,01$) между четырьмя составляющими мотивационного компонента психологической готовности руководителей образовательных организаций к управлению педагогическими работниками.

Выяснилось, что руководители опережают заместителей руководителей по составляющим «ориентация на действие» (44,1 % против 34,7 %), «ориентация на перспективу, развитие» (6,6 % против 1,5 %). Это подтверждает нашу гипотезу о том, что руководители в соответствии со своими функциональными обязанностями чувствуют ответственность за стратегию развития образовательной организации и понимают необходимость своевременного определения целей и сроков решения поставлених задач образовательной организации.

В свою очередь заместители руководителей опережают руководителей по таким составляющим, как «ориентация на работника» (22,1 % против 16,0 %) и «потребность в индивидуальном развитии всех членов коллектива» (7,8 % против 1,9 %). Это также позволяет выдвинуть предположение о том, что заместители руководителей в соответствии с функциональными обязанностями по работе с персоналом подчеркивают важность сотрудничества с педагогическими работниками с учетом их профессиональных потребностей и эмоциональных состояний; создания благоприятных условий для реализации профессиональных интересов педагогов и активизации их к профессиональному совершенствованию.

В процессе исследования взаимосвязи *уровня образования руководителей образовательных организаций* и уровня развития составляющих мотивационного компонента психологической готовности к управлению педагогическими работниками респонденты были объединены в две группы: 1) руководители с общепедагогическим образованием; 2) руководители с менеджерско-управленческим образованием.

По результатам исследования были установлены статистически значимые различия ($p < 0,05$) между четырьмя составляющими мотивационного компонента психологической готовности руководителей образовательных организаций к управлению педагогическими работниками и уровнем образования.

Так, руководители с менеджерско-управленческим образованием опережают руководителей с общепедагогическим образованием по составляющим «потребность в благоприятных

условиях труда» (25,9 % против 24,8 %), «потребность в индивидуальном развитии всех членов коллектива» (8,6 % против 4,5 %), «ориентация на перспективу, развитие» (6,9 % против 4,0 %), «ориентация на компромисс» (37,9 % против 24,6 %). Таким образом, результаты исследования показывают, что руководители образовательных организаций, имеющие менеджерско-управленческое образование, с одной стороны, постоянно находятся в поиске новых идей, определении новых проектов для успешной стратегии развития образовательной организации, а с другой — готовы при обсуждении актуальных вопросов выслушать и принять позицию педагогов, учитывая только компетентность подчиненных, а не их эмоциональное состояние и поведение; определять план мероприятий по индивидуальному развития педагогических работников, учитывая их профессиональные интересы и возможности.

В процессе исследования взаимосвязи *общего стажа руководителей образовательных организаций* и уровня развития составляющих мотивационного компонента психологической готовности к управлению педагогическими работниками были выделены три группы руководителей образовательных организаций: 1) до 10 лет; 2) от 10 до 20 лет; 3) более 20 лет.

По результатам исследования были установлены статистически значимые различия ($p < 0,00$) между двумя составляющими мотивационного компонента психологической готовности руководителей образовательных организаций к управлению педагогическими работниками и их общим стажем.

Так, анализ статистически значимых различий показал, что составляющая «ориентация на действие» (47,6 %) наиболее выражена у руководителей образовательных организаций с общим стажем более 20 лет.

Составляющая «потребность в творческой и интересной работе» (90,2 %) наиболее выражена у руководителей образовательных организаций с общим стажем до 10 лет и от 10 до 20 лет.

Такие данные, по нашему мнению, могут свидетельствовать о том, что третья группа руководителей образовательных организаций (более 20 лет) осуществляет управление педагогическими работниками в пределах своих функциональных обязанностей, преимущественно руководствуясь нормативно-правовыми документами, а первая (до 10 лет) и вторая (10–20 лет) группы готовы к самоутверждению и брать на себя ответственность за внедрение инноваций в образовательную организацию.

В процессе исследования взаимосвязи *стажа управленческой деятельности руководителей образовательных организаций* и уровня развития составляющих мотивационного компонента психологической готовности к управлению педагогическими работниками были выделены четыре группы руководителей образовательных организаций: 1) до 5 лет; 2) от 5 до 10 лет; 3) от 10 до 15 лет; 4) более 15 лет.

По результатам исследования были установлены статистически значимые различия ($p < 0,05$; $p < 0,01$; $p < 0,00$) между девятью составляющими мотивационного компонента психологической готовности руководителей образовательных организаций к управлению педагогическими работниками и стажем их управленческой деятельности.

Анализируя данные составляющие, можно констатировать, что руководители образовательных организаций четвертой группы со стажем управленческой деятельности (более 15 лет) опережают другие группы по составляющей «ориентация на действие» (71,0 %).

В свою очередь руководители образовательных организаций второй группы со стажем управленческой деятельности (5–10 лет) опережают другие группы по шести составляющим: как «потребность в собственном развитии» (44,2 %), «потребность в благоприятных условиях труда» (32,7 %), «потребность в индивидуальном развитии всех членов коллектива» (6,2 %), «ориентация на работника» (24,1 %), «ориентация на перспективу, развитие» (5,6 %), «ориентация на компромисс» (32,7 %). Это позволяет сделать предположение, что данные руководители, с одной стороны, готовы определять стратегию развития образовательной организации и внедрять новейшие технологии образования, проявляя различные признаки открытости к обсуждению поставленных вопросов, а с другой — больше внимания уделяют самосовершенствованию и саморазвитию, ставят перед собой новые задачи.

Также уместно отметить тот факт, что руководители образовательных организаций первой группы со стажем управленческой деятельности до 5 лет и второй группы со стажем управленческой деятельности 5–10 лет одинаково отмечают важность таких составляющих, как «потребность в творческой и интересной работе» (87,1 %), «потребность в теплых и доверительных отношениях в коллективе» (31,7 %). Такие данные, по нашему мнению, могут свидетельствовать о том, что, с

одной стороны, руководители стремятся изучать передовой управленческий опыт и инновационные технологии образования с целью определения стратегии развития образовательной организации, а с другой — руководители направлены на взаимодействие с педагогическими работниками, ориентированное на конструктивное сотрудничество, учитывая мнение и профессиональную компетентность подчиненных.

Заключение. Таким образом, на основе определения взаимосвязи между преобладающими потребностями руководителей образовательных организаций к управлению педагогическими работниками и их организационно-профессиональными характеристиками было установлено, что большинство руководителей испытывают потребность в творческой и интересной работе, создании для этого благоприятных условий, а также подчеркивают необходимость индивидуального развития всех членов коллектива.

В результате исследования взаимосвязи между ценностными ориентациями руководителей образовательных организаций в управлении педагогическими работниками и их организационно-профессиональных характеристиками можно констатировать, что большинство руководителей ориентированы на деятельность, перспективу и развитие образовательной организации, а также на взаимодействие с педагогическими работниками, основанное на конструктивном сотрудничестве, с учетом мнения и уровня профессиональной компетентности подчиненных.

Руководители образовательных организаций по увеличению возраста, общего и управленческого стажа деятельности больше ориентированы на действие, отдавая предпочтение самостоятельной постановке целей и сроков выполнения поставленных задач образовательной организации. Руководители образовательных организаций в возрасте до 40 лет, имеющие общий и управленческий стаж деятельности до 10 лет, больше обращают внимание на удовлетворение собственных потребностей («потребность в творческой и интересной работе»).

Руководители образовательных организаций, имеющие менеджерско-управленческое образование и стаж управленческой деятельности от 5 до 10 лет, преимущественно ориентируются на перспективу и развитие образовательной организации, при этом создают благоприятные условия для реализации профессиональных интересов педагогических работников и активизации их к профессиональному совершенствованию.

Список литературы

1. *Бондарчук О.І.*, Карамушка Л.М., Сич В.М. Психологічні особливості мотивації професійного вдосконалення керівних кадрів освіти // Актуальні проблеми психології. Т. 1: Соціальна психологія. Психологія управління. Організаційна психологія: зб. наукових праць Інституту психології ім. Г.С. Костюка АПН України / за ред. С.Д. Максименка, Л.М. Карамушки. Київ: Міленіум, 2002. Ч. 3. С. 191–194.
2. *Бююль А.* SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. СПб.: ДиаСофтЮП, 2002. 608 с.
3. *Вайнер А.В.* Групповая готовность к риску как социально-психологический фактор эффективности управленческих команд // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 45–54.
4. *Винославська О.В.* Психологічні особливості мотивації управлінської діяльності керівників традиційних і нових типів навчальних закладів // Актуальні проблеми психології, традиції і сучасність: Міжнародні Костюківські читання. Київ, 1993. Т. І. С. 133–141.
5. *Вознюк А.В.* Сутність та основні компоненти психологічної готовності керівників освітніх організацій до управління педагогічними працівниками // Теоретичні і прикладні проблеми психології. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2012. № 3(29). С. 71–79.
6. *Вознюк А.В.* Особливості розвитку мотивації управлінської діяльності у керівників освітніх організацій // Науковий часопис НПУ ім. М.П. Драгоманова. Сер. № 12. Психологічні науки: зб. наукових праць. Київ:: НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2012. № 37(61). С. 86–89.
7. *Гулевич О.А.*, Спиридонов В.Ф., Безменова И.К., Умеренкова О.В. Оценка справедливости управленческих решений как фактор организационной идентификации // Вопросы психологии. 2011. № 2. С. 121–127.
8. *Панчук Т.В.* Мотивація вдосконалення управлінської діяльності директора школи: автореф. дис. … канд. психол. наук / Інститут психології ім. Г.С. Костюка АПН України. Київ:, 2002. 20 с.
9. *Фетискин Н.П.*, Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. 490 с.
10. *Baillien E.*, Bollen K., Euwema M., De Witte H. Conflicts and conflict management styles as precursors of workplace bullying: A two-wave longitudinal study // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2014. No 23(4). P. 511–524.
11. *Boocock A.* Further Education performance indica-

tors: A motivational or a performative tool? // Research in Post-Compulsory Education. 2013. No 18(3). 2013. P. 309–325.
12. *Ellwart T.*, Bündgens S., Rack O. Managing knowledge exchange and identification in age diverse teams // Journal of Managerial Psychology. 2013. No 28(7). P. 950–972.
13. *Herbst T.H.H.*, Conradie P.D.P. Leadership effectiveness in Higher Education: Managerial self-perceptions versus perceptions of others // SA Journal of Industrial Psychology. 2011. No 37(1). URL: http://www.sajip.co.za/index.php/sajip/article/view/867 (date of reference: 26.03.2014).
14. *Nijstad B.A.*, Berger-Selman F., De Dreu C.K.W. Innovation in top management teams: Minority dissent, transformational leadership, and radical innovations // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2014. P. 310–322.

Получено: 22.04.2014.

References

1. Bondarchuk O.I., Karamushka L.M., Sich V.M. [Psychological peculiarities of motivation of management's in education sphere professional development]. *Aktual'nye problemy psihologii. Tom 1. Sotsial'na psihologiya. Psihologiya upravlenna. Organizatsionna psihologiya: zbornik naukovyh prats Institutu psihologii im. G.S. Kostyuka APN Ukraini. Chast' 3* [Current problems of psychology. Vol. 1. Social psychology. Psychology of management. Corporate psychology. Proceedings of Psychology Institute named after G.S. Kostyuk of Ukrainian Industry News Agency. Part 3]. Kiev, Milenium Publ., 2002, pp. 191–194. (In Ukrainian).
2. Byul A. *SPSS: Iskusstvo obrabotki informatsii. Analiz statisticheskih dannyh I vosstanovleniye skrytyh zakonomernostej* [SPSS: art information processing. The analysis of statistical data and restore hidden law]. Saint Petersburg, DiaSoftYUP Publ., 2002, 608 p. (In Russian).
3. Vainer A.V. [Group readiness for risk as a social psychological factor of effectiveness of management teams]. *Voprosy psychologii* [Issues of psychology]. 2008, no 4, pp. 45–54. (In Russian).
4. Vinoslavska O.V. [Psychological peculiarities of management activity motivation of traditional and new-type educational institutions management]. *Aktual'nye problemy psihologii, traditsii i suchasnostt': Mizhnarodny Kostyukovski chitannya. Tom 1* [Current problems of psychology, traditions and modernity: International readings from Kostyukov. Vol. 1.]. Kiev, 1993, pp. 133–141. (In Ukrainian).
5. Voznyuk A.V. [Contents and main components of psychological readiness of educational institutions management to administration of teaching employees]. *Teoretichni i prikladni problemy psihologii* [Theoretical and applied problems of psychology]. 2012, no 3(29), pp. 71–79. (In Ukrainian).
6. Voznyuk A.V. [Peculiarities of development of management activity motivation of educational institutions management]. *Naukovi chasopis imeni M.P. Dragomanova. Seriya 12. Psihologichny nauki: Zbornik naukovih prats* [Scientific journal named after M.P. Dragomanov. Series 12. Psychological sciences: Proceedings]. 2012, no 37(61), pp. 86–89. (In Ukrainian).
7. Gulevich O.A., Spiridonov V.F., Bezmenova I.K., Umerenkova O.V. [Appraisal of fairness of management decisions as a factor of organizational identity]. *Voprosy psychologii* [Issues of psychology]. 2011, no 2, pp. 121–127. (In Russian).
8. Panchuk T.V. *Motivatsiya vdoskonalennya upravlinskoj diyatel'nosti direktora shkoly: aftoreferat dissertatsii kandidata psihologicheskih nauk* [Motivation of perfecting of management activity of school headmaster. Author's abstract for procuring of candidate of psychological sciences degree]. Kiev, 2002, 20 p. (In Ukrainian).
9. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manujlov G.M. *Sotsial'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti I mlyh grupp* [Social and psychological diagnostics of personality and small groups' development]. Moscow, Institute for Psychotherapy Publ., 2002, 490 p. (In Russian).
10. *Baillien E.*, Bollen K., Euwema M., De Witte H. Conflicts and conflict management styles as precursors of workplace bullying: A two-wave longitudinal study // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2014. No 23(4). P. 511–524.
11. *Boocock A.* [Further Education performance indicators: a motivational or a performative tool?]. [Research in Post-Compulsory Education]. 2013, no 18(3), pp. 309–325.
12. *Ellwart T.*, Bündgens S., Rack O. [Managing knowledge exchange and identification in age diverse teams]. [Journal of Managerial Psychology]. 2013, no 28(7), pp. 950–972.
13. *Herbst T.H.H.*, Conradie P.D.P. [Leadership effectiveness in Higher Education: Managerial self-perceptions versus perceptions of others]. [SA Journal of Industrial Psychology]. 2011, no 37(1). URL: http://www.sajip.co.za/index.php/sajip/article/view/867 (date of reference: 26.03.2014).
14. *Nijstad B.A.*, Berger-Selman F., De Dreu C.K.W. [Innovation in top management teams: Minority dissent, transformational leadership, and radical innovations]. [European Journal of Work and Organizational Psychology]. 2014, pp. 310–322.

The date of the manuscript receipt: 22.04.2014.

RELATIONSHIP BETWEEN CONSTITUTE THE MOTIVATIONAL COMPONENT OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR PEDAGOGICAL WORKERS MANAGEMENT AND PERFORMANCE OF THE HEADS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Alla V. Voznyuk

Sumy Regional Institute of Post-Graduate Pedagogical Education;
5, Rimsky-Korsakov str., Sumy, 40007, Ukraine

The article presents the results of studies on the relationship between the characteristics of the development of the components of the motivational component of psychological readiness of leaders to manage teaching staff and a number of their socio-demographic and organizational and professional characteristics. The data presented statistically prove that the prevailing needs and values of the heads of educational institutions depend on their age, position, level of education, as well as general and administrative time activities. Found that most managers are in need of creative and interesting work available for this enabling environment, as well as underscore the need for individual development of all team members. Proved that most managers are focused on business, prospects and development of an educational organization, as well as interaction and constructive cooperation with the teaching staff.

Key words: educational institutions management; psychological readiness; needs; value orientations.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Вознюк А.В. Взаимосвязь между составляющими мотивационного компонента психологической готовности к управлению педагогическими работниками и характеристиками руководителей образовательных организаций // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 111–117.

Please cite this article in English as:
Voznyuk A.V. Relationship between constitute the motivational component of psychological readiness for pedagogical workers management and performance of the heads of educational institutions // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 111–117.

УДК159.923

ТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Мищиха Лариса Петровна
кандидат психологических наук
доцент кафедры общей и экспериментальной психологии
Прикарпатского национального университета им. Василия Стефаника
Украина, 76000, Ивано-Франковск, ул. Шевченко, 57
e-mail: kreativ-l@mail.ru

В статье рассматривается творческий опыт в структуре творческого потенциала личности в период поздней взрослости. Творческий опыт репрезентируется как ресурс в развитии и наращивании творческого потенциала личности в этот период. Творческий потенциал интерпретируется как амбивалетный по своей сущности феномен, где имеет место «противостояние» творчества как нелинейного процесса (новаторство, инновации, оригинальность, новизна, изменение, трансформация и т.д.), стереотипности (линейный процесс), что влечет за собой стандартный, шаблонный взгляд на давно устоявшиеся вещи, «проверенный» практикой жизни (опытом) и утвержденный как единственно «правильный» алгоритм действий.

Рефлексия творческого опыта характеризуется через восприятие его личностью старшего возраста как пассивно-созерцательного (превалирует состояние его невостребованности) или как активно-деятельного (включение личности в творческую деятельность) типов отношений к собственному творческому опыту.

Ключевые слова: опыт; творческий опыт; творческий потенциал; творческая одаренность; творческая личность; креативность.

Методологический дискурс заявленной в статье проблемы — холистическая концепция творческого потенциала личности в период поздней взрослости. Ее основой является интегративно-личностный подход в психологии. Мы предлагаем рассматривать личность в единстве всех сфер ее психической деятельности на уровне взаимодействия ее эндо- и экзопсихических составляющих, исходя из модели А.С. Лазурского. Творческий опыт рассматривается нами как интегральная составная творческого потенциала личности в поздний период ее жизни. Соответственно сама постановка вопроса о возможности творческой продуктивности — творческом «витаукте» личности в этот период жизни предусматривает аккумуляцию и интеграцию всего предшествующего ее опыта, в нашем случае творческого.

Любая попытка прогнозирования дальнейшей жизни «сохраненной» личности старшего возраста как творческого субъекта собственной жизнедеятельности нивелируется без учета ее прижизненных наработок. Речь идет о наличии творческого опыта как структурированного и интегрированного новообразования (на базе каждого из предыдущих этапов онтогенетического развития личности) в трех его срезах: возрастном, историко-временном и индивидуальном.

Мы исходим из концептуальных положений феноменологического подхода К. Роджерса, согласно которому каждый человек интерпретирует реальность в соответствии со своим субъективным восприятием; поэтому его внутренний мир в полной мере доступен только ему. Связь опыта с поведением является важным тезисом в феноменологической теории К. Роджерса [11]. Более того, поведение человека нельзя понять, не обращаясь к его субъективной интерпретации событий. В основу модели творческого потенциала личности в период позднего онтогенеза нами положен творческий опыт, в котором видим интегральную составляющую всех ее творческих наработок в течение онтогенеза. Это изменения количественного и качественного характера развития, охватывающие всю творческую коллизию жизни личности и касающиеся всей полифонии ее физического, психического, социального и духовного

© Мищиха Л.П., 2014

бытия. Именно старость «ретранслирует» общую перспективу развития личности с момента ее старта до финиша. Поскольку с позиции старости можно понять жизнь человека как целое, то есть основания считать, что самореализация в старости может осуществляться за счет трансляции жизненного опыта. Каждое новое поколение опирается на опыт предыдущих поколений, внося свою лепту в культурогенез.

В психологической науке категория «творческий опыт» не разработана, однако используется категория «опыт» и производные от нее: «жизненный опыт», «индивидуальный опыт», «исторический опыт», «социальный опыт», «личный опыт», «гендерный опыт» и т.д. Это и попытки экспериментально изучить опыт (В. Вундт), и идея о включении опыта в жизнедеятельность (С.Л. Рубинштейн), и «чистый опыт как непосредственный жизненный поток» (У. Джемс), и «внутренний опыт для изучения и смены личности» (К. Роджерс). Э. Эриксон выделил элементы идентичности на уровне индивидуального опыта. Он понимал идентичность в целом как «процесс организации жизненного опыта в индивидуальное Я» и разделял идентичность на индивидный, личностный и социальный уровни. Учитывая то, что в опыте человека старшего возраста вмещаются все поколения (детство – отрочество – юность – молодость – взрослость), Э. Эриксон отмечал, что для этого возраста характерны суммирование, интеграция, оценка всех прошлых стадий развития «эго».

Для гуманистических персонологов характерен поиск опыта, который приводит к развитию человека, его личности. К. Роджерс считал, что каждый человек владеет своим индивидуальным «полем опыта». Оно содержит события, восприятия, ощущения, влияния, где центральное место отводится самости (самопредставление, самооценка), что позволяет личности самоопределяться. К. Роджерс неоднократно подчеркивал особенную приоритетность опыта в жизни человека: «Я думаю, что должен верить совокупности моего жизненного опыта, который, я подозреваю, умнее, чем мой интеллект. Конечно, мой опыт склонен к ошибкам, но, надеюсь, в меньшей мере, чем интеллект, отдельно взятый» [11, с. 236].

Опыт — соответствующая структурная констелляция тех самых качеств, которые в других отношениях становятся атрибутивными характеристиками жизненного пути личности [4, с. 74], на основе чего формируются соответствующие его этапы, происходит изменение жизненных целей, разворачивается объективная картина жизни, поскольку «опыт меняет человека» [8, с. 295].

Б.Г. Ананьев одним из первых поднял вопрос о таком субъекте опыта, для которого процесс интериоризации должен иметь встречное движение со стороны психического — репрезентированного творческой активностью индивида. Для нас ценными являются обращения А. Маслоу к опыту личности, что меняет личность. Отсюда каждый опыт становится неотъемлемой составляющей личности, где любое действие, в котором индивид заинтересован, является творческим проявлением личности и итогом всего — результатом наработанного в онтогенезе.

В общем, исходя из вышеприведенных положений относительно предмета трактовки категории «опыт» в сфере психологической науки, отмечаем, что сам взгляд на феномен «опыта» с позиции «кристаллизованного» интеллекта сформировал позицию на восприятие его как «законсервированного» прошлого, которое с возрастом приобретает все большую алгоритмизацию и стереотипизацию, а следовательно, является серьезной преградой на пути к творчеству [9]. Нам кажется уместным замечание С.Д. Максименко, что «опыт может мешать креативности, творчеству» [5, с. 216]. Собственно «может», как и то, что «развитые проявления статичного, накопленного интеллекта (жесткое функциональное фиксирование, опора сознания на прошлый опыт и т.д.) сдерживающе влияют на актуализацию и протекание творческого процесса, снижая гибкость мысли и креативность личности» [3, с. 129]. С другой стороны, без элементарного опыта (творческого в том числе), который берет начало с наследования ребенком образцов поведения взрослых на первых этапах онтогенеза, это будет «путь в никуда». Если знания, умения, навыки «работают» на понимание того, что есть в поле интереса исследователя, то опыт формирует не только эмпирическую мыслительную составляющую личности, но и уверенность в собственных возможностях добиваться результата и быть успешным. Речь идет о трансформации наработанного в новое видение, в умение выходить за пределы заданного, наполняя поисковый континуум новым содержанием, ведущим и к самому расширению, углублению и наращиванию опыта, который приобретает постоянную динамику у творческих личностей. Собственно это подчеркивал еще М.К. Мамардашвили: «…исходя из своего личностного опыта, философ вносит что-то новое в философскую технику» [6]. Ибо по мере того как человек обретает жизненный опыт, перед ним не

только открываются все новые стороны бытия, но и происходит более или менее глубокое переосмысление жизни. Отсюда любое творчество опирается на опыт, как и «креативность, что характеризуется соответствующей совокупностью прижизненно усвоенных умственных действий, навыков, стратегий» (С.С. Степанов). Вся созданная личностью «многогранность мира» строится на формах, воспринятых ею из реального мира (и затем видоизмененных). Вместе с тем опыт глубже, чем приобретенные знания, умения и навыки, поскольку они характеризуются в признаках инвариантности и объективности, тогда как опыту присущи уникальность и субъективность. В конце концов ни одно открытие в мире не сделано без наличия опыта, который является не только основой, базой знаний, но и в конечном итоге мощным «цензором», принимая в свое «лоно» продукты бессознательного (инсайт), совершенствуя и шлифуя и сам продукт. Характер творческого опыта, по нашему мнению, определяется его генезисом, где имеют место либо позиция творца — любознательного открывателя мира с прокладыванием собственной жизненной дороги (путь творческой личности) или прохождением давно «проложенной дороги» автором, либо позиция восхождения на общую, проложенную другими жизненную стезю с уже отработанными алгоритмами действий. Отсюда и разный вектор развертывания схемы апперцепции, где каждое последующее восприятие личности определяется предыдущим.

Я.О. Пономарев [10] в свое время описал опыт в его характеристиках как интуитивный, который не может быть произвольно актуализирован самой личностью, но конструируется вне зоны ее внимания, логичный, осознанный. Собственно интуитивный опыт, по мнению ученого, составляет основу «невидимого» человеку и наблюдателю процесса, который и порождает новое. Соответственно богатый опыт — один из факторов активации творческой мысли.

Наше исследование творчески одаренных личностей в пожилом возрасте показало, что они пользуются структурой своего опыта, черпая из него элементы как для удержания на необходимом уровне имеющихся знаний, так и для переработки их в новые знания. «Человек, приобретая опыт, познает мир вещей, испытывает и использует их, приобретает знание о существующих состояниях объектов и окружающей среды и одновременно субъективирует его в своих психодуховных измерениях, создает его психический образ и оперирует уже личными характеристиками собственного видения мира на фундаменте того же опыта. Таким способом даже в восприятии объективных реалий проявляется творческое, неповторимое видение окружающей среды, присущее только конкретной личности» [13, с. 87]. Отсюда приобретенный опыт в своей динамической характеристике все больше разворачивает и наращивает творческий потенциал личности, позволяет реализовать творческие потенции и в период поздней взрослости.

Ценным является замечание К. Роджерса по поводу опыта, который делает возможным развитие личности при условии ее открытости, что оградит человека от ригидности, будет способствовать развитию «экстенсиональной ориентации». Опыт действовать по-новому укореняется в позицию «иметь свое мнение и свое видение», неангажированное «контекстом» окружения. В позднем онтогенезе, когда творческий опыт личности остается «экстенсиональным», умение использовать его, чтобы усовершенствовать и увидеть новое в старом, является особенно ценным.

Близка нам и позиция И.П. Манохи, которая определяет творческий потенциал как генерализированную личностную способность продуцировать новые образы действительности на основании элементов имеющегося опыта и как системосоздающую способность преодолевать влияние старого опыта, сдерживающего процесс продуцирования качественно новых элементов действительности. Первая тенденция возникнет как тенденция оригинальности — направленность к необычному, нетрадиционному, новому. Вторая тенденция возникнет как тенденция стереотипности — как сдерживание нового. Эту тенденцию следует идентифицировать именно со стереотипностью, поскольку имеющиеся элементы опыта на тот или иной промежуток ее существования действительно способны играть доминантную роль в процессе взаимодействия личности с разнообразными элементами бытия. Отсюда творческий потенциал личности в качественном его выражении становится итогом двух ведущих тенденций, антиномичных по природе, — оригинальности и стереотипности [7, с. 228–229].

Выделяем такие функции творческого опыта: познавательно-поисковую, энергетически-информационную, чувственно-практичную, эмоционально-оценочную, регулятивную, рефлексивную, ценностно-смысловую, прогностическую, интерпретативно-репрезентативную, корригирующую, интегрирующую.

Творческий опыт человека — это не «законсервированная» форма чувственно-событийных наработок творческой личности в течение онтогенеза. Он не только делает возможным накопление знаний, умений, навыков личности, развитие ее творческих способностей в течение жизни, но и выполняет своеобразную интерпретативно-репрезентативную функцию, что позволяет не только его передавать, но и отрефлексовывать, давать собственную оценку, иметь собственное понимание сделанного и тем самым принимать решение о дальнейшей собственной творческой судьбе. Личностный интерпретационный комплекс, как набор интерпретаций, расширяется на протяжении жизни человека и представляет собой полимодальную совокупность самооценок, оценок, суждений, мыслей, установок, которые формируются путем субъективных рационализаций и обобщений при поддержке окружения. Полимодальность объясняется наличием у человека разных интерпретационных комплексов в соответствии с разными сферами человеческого бытия. Ядром личностного интерпретационного комплекса является совокупность самооценок, поскольку отношение к себе всегда остается открытым, незавершенным, проблемным. Способность человека к самоконституированию путем спонтанного описания жизни определяется актуальной потребностью личности не только в самопрезентации, но и в самоосмыслении, рефлексировании по поводу своей жизни как таковой и возможностью эту потребность реализовать в конкретных жизненных обстоятельствах [12, с. 235].

Выступая в своем генезисе как интегрированный результат поступков, обогащаясь в них, опыт индивида выполняет регулятивную функцию в двух планах: потенциальном — на этапе формирования поступка и актуальном — на этапе его реализации [4, с. 78].

В трактовке творческого опыта мы исходили из главного концепта гуманистической психологии: человеческая природа определяется прежде всего отношением личности к своему бытию, «тем, как она его осознает, ее природа никогда не может быть определена полностью, она всегда стремится к непрерывному развитию, к реализации возможностей человека» [11, с. 7]. Творческий опыт пожилого человека, как составляющая его бытия, аккумулирует в себе общечеловеческие ценности, проявленные в артефактах культуры, в лоне которой выросла творческая личность; ценности рода (генофонд), семьи.

Творческим опытом личность овладевает в процессе активного эмпирического познания действительности — практически усвоенных знаний, умений, навыков в процессе социализации — собственно пережитого, испытанного, пройденного, поскольку «ум базируется на человеческих знаниях, которые берутся из опыта» (И. Кант).

Мы выделяем как творческий опыт в широком понимании (творческий опыт рода, семьи, социума — культуры в целом), поскольку опыт личности и культуры, по сути, единая система, которая либо «выкристаллизована в форму индивидуально-личностного эксплицитного существования, либо пребывает в виде неоформленного имплицитного существования», так и индивидуальный творческий опыт, интегрирующий в себе как личностный взнос автора, касающийся собственных интроекций, так и выкристаллизованный в индивидуально-неповторимом творческом стиле — творческой индивидуальности.

К творческому опыту относим: творческое «Я» (сознательный, бессознательный и сверхсознательный уровни), где личность использует не только наработанные в процессе накопления творческого опыта информационно-энергетические ресурсы, но и опыт трансцендирования; творческую одаренность; творческую активность как сформированную готовность к творческой деятельности; рефлексию как способность к интерпретации творческого опыта, его интеграции и корректировок; саморегуляцию как проявление активности личности, постоянное самодвижение, регулируемое уровнем ее самосознания, направленное на максимально полное раскрытие внутренних потенций. Структуру творческого опыта пересекают также нормативные кризисы развития — личностные, профессиональные, творческие.

«К опыту я должен снова и снова возвращаться, — отмечал К. Роджерс, — чтобы приблизиться к познанию истины, как это происходит в моем собственном развитии» [11, с. 414]. И далее: «Чем больше человек открыт своему опыту, тем больше его поведение говорит о том, что человеческий род по своей природе склонен к творческой социальной жизни» [11, с. 415].

Творческий опыт как интегральное образование по своей бытийной природе гетерогенный, где новый опыт трансформируется в старый как в характеристике индивидуальной жизни человека, так и в характеристике жизни целых поколений. При этом имеет место релятивность опыта, который, несмотря на устойчивость своей жизненно-

практичной апробации, все же претерпевает изменения и развивается (расширяется).

К. Роджерс подчеркивал: «В той мере, в какой индивид отказывается осознать значительную часть своего опыта, продукты его творчества могут быть социально вредны (патологичны). И, соответственно, если индивид открыт собственному опыту, а все чувства и ощущения его организма доступны его осознанию, новые продукты взаимодействия индивида с окружающим миром будут скорее продуктивными и для него самого, и для окружения» [11, с. 414].

Отсюда творческий опыт объективируется в психике и влияет на функционирование других ее подсистем. Поэтому он репрезентирует жизнь человека в целом через преломление системы его ценностей, направлений, диспозиций, отношений к творчеству как необходимой составляющей его деятельности и т.д. Творческий опыт в своей часовой свершенности ретранслирует весь творческий путь личности с ее узловыми (бифуркационными) точками отсчета тех или иных животворных моментов, которые актуализировали творческое поле личности в каждом заданном моменте ее жизни и способствовали ее творческой самореализации. Каждый новый акт погружения личности в творческую деятельность не только раскрывает новые грани возможностей познания мира в лоне материнской культуры, но и прокладывает путь в ее творческое бессмертие, вписывая новые страницы в культурогенез, не только выступает проводником наработок индивида в течение онтогенеза, но и репрезентируется через память рода, предыдущих поколений, на опыт которых «наслаивается» новый пласт — опыт нового поколения, и так бесконечно. Отсюда важной функцией творческого опыта выступает функция его передачи и ретрансляции потомкам, ибо «…вся наша жизнь, труд, поведение строятся на использовании опыта предыдущих поколений» (Л.С. Выготский). Через творческую деятельность человек приобщается к духовной сокровищнице своей культуры — национальным достояниям, духовно развивает свою личность, свое поколение. Внутренний психический уровень личности объективируется в созданных человеком продуктах материальной и духовной культуры, в поступках, которые становятся моделью — образцом для последующих поколений. Если объекты действия — это «вещи» как носители значений, в которых кристаллизован совокупный человеческий опыт (А.Н. Леонтьев), то с каждым творческим актом — опредмечивания потребности выкристаллизовывается новый объект, который возникает из творческого опыта его автора, распредмечивание которого даст новый толчок творческой мысли потомков.

Творческий опыт есть не что иное, как акт личностной трансформации в субъектное начало жизнедеятельности, где автор не только продуцирует, создает конечный результат, но и самообогащается, развивается в нем, тем самым расширяет его границы (собственного творческого опыта).

Заслуживает внимания позиция Л.И. Анциферовой на предмет личностного развития, который она очерчивает как «двухколейный процесс, включающий перемещение субъекта в плоскости сознания и даже поведения назад, к своему прошлому, с последующим возобновлением поступательного движения» [1, с. 492]. Речь идет о движении назад не как регрессе, а как механизме обогащения личности латентными новообразованиями пройденных стадий, которые оцениваются и переоцениваются ею с позиций актуального настоящего. Отсюда творческий опыт выступает интегрированной формой жизнетворчества. У лиц с высоким уровнем творческого потенциала он трактуется не иначе как творческий жизненный путь. Творческий опыт человека добывается на всей протяженности жизненного пути как динамичная модель собственного онтогенеза, которая время от времени рефлектируется и корректируется. В связи с этим, как показали наши исследования, если творчество не стало составляющей человеческой жизни, не проявившись на предыдущих ветвях онтогенеза, не сформировав творческий опыт личности, скорее всего, она «не займет свое место» в позднем онтогенезе. Точкой отсчета творческого пути личности в общей канве жизненного пути является момент восхождения «от идеального проекта саморазвития к чувственно-практичному преобразованию собственных замыслов» [12, с. 100]. Начало и конец жизни — точки критичные в отношении к индивидуальному опыту. Происходит инверсия опыта как собственности. Если момент рождения является началом присвоения опыта как своей собственности, то конец жизни является утратой опыта как своей собственности и передачей ее будущим поколениям.

Творческий путь — это путь постоянных модификаций личностного мира, целью которого является саморазвитие. Человек в течение всей своей жизни ищет ее смысл, модифицируя, транслирует на каждом этапе онтогенеза в формате своих действий, поступков, деятельности. Поиск смысла собственного бытия есть не что иное,

как желание свершений, раскрытия внутренних потенций, собственной реализации. Творческий опыт в структуре творческого пути личности охватывает и уровень жизненных притязаний личности, и ее стремление «открывать» новое, т.е. привнести в этот мир свое творческое Я. Отсюда наличие «предисловия» и возможность «послесловия» в жизни субъекта (А.Н. Лактионов) вносит коренные изменения в ценностно-смысловой контекст его жизни. И тут творческий опыт в контексте созданных личностью артефактов способствует ее стремлению «не поглотиться вечностью» через «земное забытье», а обессмертить себя. Такая событийность жизни, включенной в творческий процесс, наслаивается одна на другую, сплетена из множества возможностей и утрат на пути перехода потенциального в актуальное. Творческий опыт личности дает отсчет творческим возможностям человека, его умениям, сформированным творческим потребностям, показывает способность человека творчески действовать. Он «ведет», «подталкивает» человека к новым вершинам познания собственной творческой природы.

Творческий опыт является глубоко индивидуальной категорией для описания личности, поскольку касается всех составляющих ее психики, переживается человеком и добывается в творческой деятельности, отражает способность и готовность личности к творчеству как ретроспективно (с помощью биографического метода), так и в перспективе дальнейшей ее жизни (в формате изучения продуктов деятельности личности). Причем у субъектов творческой деятельности творческий опыт является более филигранным, полиморфным, многомерным. Такая личность не исчерпывает себя одним делом, поскольку остается открытой новому опыту и исполнена готовности к новому познанию, творческим поискам. Анализируя ретроспективно творческий опыт человека, можно гипотетично позиционировать его или нет как творческую личность, которая имеет все шансы войти в таком же творческом статусе в возраст поздней взрослости (при условиях сохраненной личности).

Отсюда творческий опыт, аккумулированный и интегрированный личностью, которая вошла в поздний период жизни, автоматично (навык) актуализуется потребностью в творчестве. Вспомнить хотя бы О.Ф. Лазурского, который подытожил, что «некоторые характерные экзопроявления (привычка, навык к труду и т.д.), выработанные и усвоенные человеком, отличаются затем нередко такой же крепостью, как и ее эндопсихика, оставаясь иногда неизменными до конца жизни, при неоднократном изменении внешних условий и окружающей обстановки» [цит. по: 2, с. 27]. Пусковым механизмом «включения» опыта частично выступает побуждающий механизм действия перцептивных переживаний. Они могут включаться как энергетические раздражители при непосредственном восприятии объектов или явлений окружающей среды, вызывая к ним интерес, а также оставаться в перцептивном поле личности как латентное состояние нереализованных потребностей в прошлом (как неудовлетворенная потребность, которая все еще имеет значительное энергетическое напряжение).

Наработанный творческий опыт — это наработанная готовность к творчеству.

Творческая личность в поздний период онтогенеза, без сомнения, отрефлексовывает собственные творческие потребности и находит ту творческую нишу, в которой видит смысл в своей касательности на пороге к вечности. Творческий опыт в позднем онтогенезе наполняется все большей избирательностью, критичностью, ответственностью (перед потомками) за дело, которое человек делает своим. Это уже не пробы пера юности, а творчество зрелой личности, которая «не допускает» для себя права на ошибку. Творчество становится глубоко эсхатологическим делом, смыслом существования в последние годы жизни.

Считаем, что у творческого опыта есть способность к процессам становления, развертывания (расширения) и свертывания. Пожилым людям с низким уровнем развития творческого потенциала присущи консерватизм, устойчивость, догматичность, стереотипность, которые нивелируют потребность в творчестве. Речь идет о сворачивании творческого опыта с момента остановки его приобретения на предыдущих ветках онтогенеза. Учитывая то, что межперсональный простор пожилого человека с возрастом сужается, целесообразность обращения его в будущее минимизируется. Поэтому пожилые люди чаще прибегают к стереотипному принятию решений; все больше теряется потребность в активности, на смену которой приходят автоматизмы, жизненные потребности. Снижение востребованности когнитивных процессов — когнитивной активности — сопровождает деградацию когнитивной сферы человека, инволюционные процессы (на уровне психической и телесной организации человека) ускоряются. Свертывание ориентации на будущее приводит «к консервации опыта»

(А.Н. Лактионов), что вызывает потерю интереса к жизни во всех ее проявлениях.

В то же время творческим личностям присущ процесс непрерывного развертывания творческого опыта — его накопление, расширение в течение онтогенеза, охватывая и поздний период жизни.

Рефлексия творческого опыта в период позднего онтогенеза проявляет себя:

а) через пассивно-наблюдательный характер отношения к собственному творческому опыту;

б) активно-действенный характер отношения к собственному творческому опыту.

Пассивно-наблюдательный характер репрезентирует тип пожилого человека, для которого его творческий опыт есть не что иное, как творческое прошлое, воспоминание о котором носит только пассивный, наблюдательный характер без творческого ресурса; ностальгия по молодости, которая только констатирует состояние невозможности и невостребованности его актуализации, позиционированное в «закостеневшей» форме (с остановкой развития на предыдущих этапах жизни). В то же время личность может столкнуться с фактором блокирования развертывания дальнейшего творческого опыта при отсутствии жизненного ресурса (физические и психические силы, жизненные кризисы), что становится серьезным препятствием в поздней взрослости. Что касается активно-действенного характера самоотношений к творческому опыту, то он проявляется через поступательное развитие в позднем онтогенезе благодаря включению личности в творческую деятельность.

Следовательно, чем больше личность наработала при жизни творческий потенциал, не отказываясь от дальнейшего процесса развития в поздней взрослости, тем более вероятно, что творческий опыт станет весомым личностным ресурсом в дальнейшем наращивании творческого потенциала.

Список литературы

1. *Анцыферова Л.И.* Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности // Учебное пособие по психологии старости. Самара: Изд. дом «БАХРАХ–М», 2004. С. 490–511.
2. *Балл Г.О.* Інтегративно-особистісний підхід у психології: впорядкування головних понять // Психологія і суспільство. 2009. № 4. С. 25–33.
3. *Губенко О.В.* Творче мислення особистості як єдність статичного і динамічного аспектів інтелектуальної активності // Психологія і суспільство. 2012. № 1. С. 127–134.
4. *Лактионов А.Н.* Координаты индивидуального опыта. Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2010. 366 с.
5. *Максименко С.Д.* Генеза здійснення особистості. Киев: ТОВ «КММ», 2006. 240 с.
6. *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
7. *Маноха І.П.* Психологія потенціалу індивідуального буття людини: онтологічно орієнтований підхід: дис. … д-ра психол. наук. Киев, 2002. 462 с.
8. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
9. *Міщиха Л.П.* Психологія творчості: [навч. посіб.]. Івано-Франківськ: Гостинець, 2007. 448 с.
10. *Пономарев Я.А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976. 303 с.
11. *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1997. 480 с.
12. *Титаренко Т.М.* Життєвий світ особистості: у межах і за межами буденності. Киев: Либідь, 2003. 376 с.
13. *Фурман А.А.* Концепт досвіду в індивідуальній психології Альфреда Адлера // Психологія і суспільство. 2012. № 3. С. 78–94.

Получено: 02.02.2014.

References

1. Antsyferova L.I. [Late stage f life: types of ageing and capabilities for progressive personality development]. *Uchebnoe posobie po psihologii starosti* [Textbook on psychology of aging]. Samara, Izdatel'skiy dom «BAHRAH-M» Publ., 2004, pp. 490–511. (In Russian).
2. Ball G.O. [Integration and personality approach in psychology: development of main concepts]. *Psihologiya i obschestvo* [Psychology and society]. 2009, no 4, pp. 25–33. (In Ukrainian).
3. Gubenko O.V. [Creative thinking of personality as unity of static and dynamic aspects of intellectual work]. Psihologiya i obschestvo [Psychology and society]. 2012, no 1, pp. 127–134. (In Ukrainian).
4. Laktionov A.N. *Koordinaty individual'nogo opyta* [Coordinates of experience of individual]. Kharkiv, Vasyl Karazin Kharkiv National Univ. Publ., 2010, 366 p. (In Russian).
5. Maksimenko S.D. *Geneza zdiysnennya osobistosti* [Genesis of personality actualization]. Kiev, TOV «KMM» Publ., 2006, 240 p. (In Ukrainian).
6. Mamardashvili M. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I understand philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1990, 368 p. (In Russian).
7. Manoha I.P. *Psihologiya potentsialu individual'nogo buttya lyudini: dissertatsiya doktora psi-*

hologicheskih nauk [Psychology of potential of individual being of a man: ontologically oriented approach. Author's abstract for procuring of PHD of psychological sciences]. Kiev, 2002, 462 p. (In Ukrainian).
8. Maslow A.H. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Saint Petersburg, Evraziya, 1999, 478 p. (In Rusian).
9. Mishchykha L.P. *Psihologiya tvorchosti: navchnoe posobie* [Psychology of creative work]. Ivano-Frankivsk, Gostinets Publ., 2007, 448 p. (In Ukrainian).
10. Ponomarev Y.A. *Psihologiya tvorchestva* [Psychology of imagination]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 303 p. (In Russian).
11. Rogers C. *Vzglyad na psihoterapiyu. Stanovleniye cheloveka* [On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy]. Moscow, Progress Publ., 1997, 480 p. (In Russian).
12. Titarenko T.M. *Zhittevyj svit osobistosti: u mezhah i za mezhami budennosti* [Living world of a personality: within and out of the frames of being]. Kiev, Libid' Publ., 2003, 376 p. (In Ukrainian).
13. Furman A.A. [Concept of experience in personality psychology of Alfred Adler]. *Psihologiya i obschestvo* [Psychology and society]. 2012, no 3, pp. 78–94. (In Ukrainian).

The date of the manuscript receipt: 02.02.2014.

CREATIVE EXPERIENCE AS AN INTEGRAL COMPONENT OF THE CREATIVE POTENTIAL OF PERSONALITY DURING LATE ADULTHOOD

Larisa P. Mischykha

Precarpathian National University named after V. Stefanyk;
57, Shevchenko str., Ivano-Frankivsk, 76010, Ukraine

The article has methodological meaning for research of the personality creative potential during late adulthood. The article reveals the creative experience in the structure of personality's creative potential. Creative experience is presented as a resource in the development and enhance of personality's creative capacity in late adulthood. Creativity is interpreted as an ambivalent, in its nature, phenomenon, where, on the one hand there is a «confrontation» between creativity, as a nonlinear process (innovation, originality, novelty, change, transformation, etc.) and on the other — stereotyped (a linear process), which entails a standard, formal look at long lasting things, «proved» by the practice of life (experience) and approved as the only «correct» sequence of actions.

Reflection of creative experience is characterized through the perception of this experience by the older person, which can be either as the passive-contemplative (when the feeling of unclaimed and uselessness is prevailing) or as actively-operating (when a person is included into creative activities) nature of the relationships of a person to his or her own creative experience.

Key words: experience; creative experience; creativity; creative genius; creative personality.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Мищиха Л.П. Творческий опыт как интегральная составляющая творческого потенциала личности в период поздней взрослости // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 118–125.

Please cite this article in English as:
Mishchykha L.P. Creative experience as an integral component of the creative potential of personality during late adulthood // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 118–125.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.32

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

Антипьев Анатолий Григорьевич
доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: agantip.psu@yandex.ru

Антипьев Константин Анатольевич
кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29
e-mail: konstant77@mail.ru

Статья посвящена роли и месту социокультурного фактора в модернизации экономики и общества. Авторы считают, что реальной модернизации народного хозяйства, экономики, политической системы в целом пока не произошло. Общество продолжает функционировать, опираясь на старые схемы управления, испытывает серьезное воздействие кризисных факторов. Отмечается, что не следует акцентировать внимание только на экономике и политике, недооценивать социокультурный фактор. Модернизация должна базироваться прежде всего на эффективном использовании и развитии человеческого капитала, который во многом определяет эффективность реформ. Снижение качества образования, низкие инвестиции в социальную сферу, бюрократический подход к развитию науки, высокий уровень коррупции не способствуют реальным модернизационным процессам. Идеологические метания политического руководства, попытки реанимировать отдельные советские институты в сочетании признанием значимой роли религии, собирание русского мира не позволяют выработать четкий вектор развития общества.
Ключевые слова: социокультура; модернизация экономики и общества; вызовы российскому обществу.

Социологическому исследованию реалий мирового кризиса посвящена обширная литература [2, 6, 11, 12, 15, 22], в том числе основанная на эмпирических исследованиях проявлений мирового кризиса в России [4, 5, 7, 8, 14]. При этом, среди отечественных и зарубежных теоретиков и практиков нет единого мнения относительно причин, породивших мировой кризис в 2008–2009 гг., и, судя по многим признакам, продолжающиеся ныне. Обострилась дискуссия и о возможностях перехода России на путь модернизации и инновации. Одни считают, что кризисы являются неизбежным явлением рыночной экономики, они происходят периодически через определенные исторические промежутки, избежать их невозможно. Их можно только минимизировать.

Согласно второй концепции причиной кризисов является спекулятивный капитал США.

Сторонники третьей концепции главную причину кризисов видят преимущественно в субъективном факторе, действиях конкретных стран и их лидеров. В подтверждение данной концепции приводятся многочисленные факты низкого уровня профессионализма управленцев, инертности мышления, неспособности современных лидеров принимать эффективные решения в пользу общества в условиях повышенных рисков, закрытости правящей элиты, консервирующей общую отсталость.

Четвертая концепция базируется на утверждении, что всему виной чрезмерная ориентация современного общества на потребление. Выход из системного кризиса сторонникам этой концепции видится в переходе к новой модели развития, ин-

© Антипьев А.Г. Антипьев К.А., 2014

тегрирующей не только чисто экономические, политические, но и социокультурные и нравственные факторы.

Есть и другие версии нынешнего кризиса, в том числе психологические. Так, Дж. Сорос считает, что сложившиеся глобальные рынки весьма неустойчивы и подвержены влиянию психологических факторов поведения их участников, в том числе воздействию рефлексивного поведения [21, с. 4]. Ряд исследователей полагают, что всему виной является отсутствие в обществе «политической воли» и ее практического воплощения [17, с. 91].

Авторы статьи разделяют преимущественно четвертую концепцию. Современный кризис при всей значимости экономического, политического и субъективного факторов не может быть обусловлен только ими. Первопричины лежат глубже. Они кроются в социокультуре, в деформированной системе духовно-нравственных ценностей. Хорошо известно, какую роль в развитии современного общества отводил социокультуре известный российско-американский социолог П.А. Сорокин, обосновавший ее значимость в понимании общества как единства культуры и социальности, образуемого деятельностью человека. Данная концепция созвучна с фундаментальным положением, выдвинутым еще в XVIII в. (!) классиком политэкономии Адамом Смитом. В основе его теории лежало стремление взглянуть на человека с трех позиций: с позиции морали и нравственности; с гражданских и государственных позиций; только затем — с экономических позиций.

Нынешний кризис еще отчетливее выявил значимость социокультуры и духовно-нравственных ценностей в модернизации экономики и российского общества. Из-за их недоучета ни одна из проводимых в стране правительственных реформ не завершена и не дала ожидаемых результатов. Это объясняется тем, что меры по реформированию основных сфер общества, его структур и институтов зачастую реализуются порознь, без учета необходимости их взаимодействия друг с другом, не просчитываются социальные последствия принимаемых решений. Нередко бывает и так, что властные структуры, зная о наличии реальных проблем, не пытаются самостоятельно решать их. Многие региональные и муниципальные структуры, стремясь снять с себя какую-либо ответственность за возникновение той или иной проблемы, только предупреждают руководство страны о ее наличии. Эти и другие подобные сигналы, к сожалению, как показывает практика, уходили и уходят в никуда, за исключением тех фактов, на которые реагировали президент или премьер-министр России. Подобная практика еще более укрепляет так называемую «вертикаль власти». Тонко и справедливо по этому поводу заметил Марк Захаров, художественный руководитель Московского государственного театра «Ленком»: «…Мы все живем в обстановке праздных мечтаний. Мы постоянно вовлекаемся в утопии. Достаточно упомянуть борьбу с коррупцией в судах и высших эшелонах власти» [10].

Социокультура — сложное и многоплановое понятие. Ее можно рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле — это проникновение культуры в политику, экономику, экологию, социальную сферу и др. В узком смысле — это синтез социальных отношений и культуры, проявление социальной сущности культуры в деятельности человека, в социальных нормах и ценностях. В социокультуре отражена мера владения культурным богатством общества и применения его в социальной деятельности отдельным индивидом, конкретной социально-профессиональной группой и обществом в целом. Следовательно, социокультура — это не только состояние культуры, но и процесс деятельности, через которую реализуются социальные силы субъектов. Благодаря культуре и через культуру происходит «снятие» социального в экономическом, политическом, идеологическом содержании и т.д. Естественно, что существует и обратная связь. Важный показатель развитости социокультуры — способность властных структур, бизнеса, рядовых граждан к сотрудничеству, а необходимым условием является взаимное уважение, ответственность и высокий профессионализм всех субъектов формирующегося гражданского общества.

Современное общество требует иной культуры, иного отношения бизнеса и государства к человеку. В цивилизованном обществе бизнес — это прежде всего не прибыль, а забота о человеке, его развитии.

Конечно, нельзя идеализировать практику развитых стран по отношению к социокультурному фактору. Однако бесспорно то, что там этот фактор «работает» продуктивнее, чем в современном российском обществе. Вряд ли это требует особых доказательств. Главный урок из отчетливо обозначившихся ныне неудач по реформированию российского общества состоит в том, что нельзя крупные общественные преобразования осуществлять на абстрактном, теоретическом конструировании, без привязки к реальной почве, которая помимо финансов, экономики, политики и идеологии имеет еще социокультурные, духовно-нравственные, национальные и исторические особенности, свои традиции. Специфика российского общества во многом определяется приверженностью к коллек-

тивизму в системе жизненных установок народа. Надо это качество и подобные ему не игнорировать, а «заставить» работать на общую пользу, на благо развития конкретных индивидов. Ведь удалось же Японии, а сейчас Китаю, Индии и Южной Корее, да и ряду других стран умело соединить социокультуру своих народов с современными высокотехнологичными производствами, обеспечить достаточно высокий уровень экономического развития, а за счет этого поднять и благосостояние своих народов.

В чем причины недооценки властью всех уровней России социокультурного фактора?

Насколько нам известно, в научной литературе нет системного, комплексного анализа этих причин. Нет и глубокого анализа истинных причин нашей прогрессирующей отсталости практически во всех сферах общества и отраслях хозяйства. И авторы данной статьи не претендуют на такой анализ.

Выделим только некоторые причины недооценки в обществе и государстве социокультурного фактора.

Условно все причины можно объединить в две группы. Первая группа причин — в традициях, которые исторически сформировались в нашем обществе и сегодня оказывают на него влияние, как позитивное, так и негативное. Вторая группа возникла уже в ходе проводимых в течение последних двадцати лет реформ.

Остановимся подробнее на второй группе причин.

Во-первых, с самого начала перевода нашего общества с одной модели социального развития на другую у правящей элиты отсутствовала более-менее четкая стратегия развития страны, впрочем, ее нет и сегодня. Правительственные структуры исходили из примитивного лозунга, что надо до основания разрушить старую общественную систему и на этой основе построить современное общество, не задумываясь при этом об экономических и социальных последствиях принимаемых решений. То есть шла активная борьба власти с «пережитками социализма». К слову сказать, она и сейчас продолжается. При этом элита особо не вникала и не вникает в содержание этих пережитков. Известно, что и в советский период шла бездумная борьба с пережитками прошлого, которые считались главным тормозом в построении коммунизма.

Известный американский социолог и экономист И. Валлернстайн справедливо отметил, что на смену ортодоксальному марксизму пришел ортодоксальный либерализм [1, с. 16].

Сторонники ортодоксального либерализма наивно полагали, что с приходом рынка, частной собственности все отрегулируется. Реальность оказалась гораздо сложнее. Как только появилась частная собственность, научно-техническое отставание выросло в разы. Стало очевидно, что дело не в появлении частой собственности как таковой. Ведущие экономисты России фиксируют, что страна выходит из кризиса (2008–2009 гг.) еще более сырьевой, нежели она входила в него [3, с. 6].

К сожалению, и сегодня нет научно обоснованной стратегии развития нашего общества, нет понимания того, за счет каких средств, какими методами следует модернизировать экономику и всю социальную жизнь. Есть множество различных правительственных концепций и программ (по разным данным их около 300), слабо связанных друг с другом, их реализацию власть практически не отслеживает, и никто из чиновников не несет никакой ответственности за их реализацию.

Подобные примеры свидетельствует о формальном подходе власти к острейшим проблемам нашего общества.

Вторая причина недооценки социокультурного фактора — преувеличение роли экономики. Этому во многом способствует ее сырьевая направленность. В обществе и государстве сложилась устойчивая привычка жить за счет экспорта нефти, газа и других полезных ископаемых, не уделяя должного внимания развитию реального производства.

Справедливо, на наш взгляд, в связи с этим заметил в одной из лекции известный экономист Г.Х. Попов: «Опьянение от свалившихся почти без всяких усилий значительных финансовых, валютных резервов и ряд лет солидного бюджетного профицита породили в верхах эйфорию и беззаботность, зазнайство и шапкозакидательство» [18, с. 41].

В этих условиях у власти всех уровней нет особых стимулов что-то модернизировать, аналогично, нет их и у сырьевого бизнеса.

Третья причина недооценки социокультурного фактора кроется в сфере политической, прежде всего в деятельности государственной власти. Политика продолжает господствовать над экономикой, социальной сферой и культурой. Это одна из причин реального кризиса власти, высокого уровня коррупции и неспособности организовать выполнение одной из главных функций любой власти — адекватное закону правоприменение, продолжающегося преференциального стиля кадровой политики, потрясающе низкой исполнительской дисциплины, в том числе неисполнения или формального исполнения поручений Президента РФ.

Так, в Послании Федеральному собранию РФ бывший Президент РФ Д. Медведев признавался в беспомощности центральной и региональной ветвей власти по наведению должного порядка в расходовании бюджетных средств на Северном Кавказе. «Как видим, — отмечал он, — объемы выделяемых для всего Северного Кавказа средств значительные. Однако эффективность их расходования оставляет желать много лучшего. Более того, часть средств **почти открыто разворовывается чиновниками**» (выделено нами. — *А.А., К.А.*) [19, с. 1].

Но хорошо известно, что высокий уровень коррупции и воровства не только в названном регионе, а в целом в России. В ходе двадцатилетней трансформации российского общества коррупция приобрела масштабный характер, стала нормой жизни граждан, не только чиновников. Коррупция дискредитирует право как основной инструмент регулирования жизни государства и общества, угрожает общественной и национальной безопасности, разрушает демократические социальные ценности и нормы. Начавшуюся в стране борьбу против коррупции граждане встретили неоднозначно.

Зная подобные вопиющие недостатки, власть не пытается вскрыть их истинные причины. Заметим, что финансовый вопрос, как мы уже отмечали ранее, не чисто экономический, он имеет и социокультурное, и политическое свойства. Этим частично можно объяснить высокий уровень отчужденности граждан от всех уровней и ветвей власти.

Существенным барьером на пути осознания значимости социокультурного фактора в развитии российского общества является низкий профессиональный уровень управленцев, в первую очередь государственных и муниципальных. Их деятельность крайне неэффективна, а в ряде случаев даже наносит огромный вред развитию общества и государства. Это четвертая причина. Ее ярким проявлением является слабый учет или даже полное игнорирование мнений научного сообщества. Явно это проявилось при недавнем реформировании Российской академии наук. Прав авторитетный российский экономист В.Н. Лексин в том, что в нашей стране «…никто ни разу не озвучил на государственном уровне то, о чем говорили и писали многие ученые (включая нобелевских лауреатов по экономике) и немногие политики» [13, с. 14].

И в этой ситуации закономерно встает вопрос, почему для осознания общегосударственного значения развития реального производства, необходимости поворота к инновационной экономике, экономике знаний понадобился мировой кризис?

Ситуация в науке и системе образования во многом критическая. Так, говоря о состоянии этих важнейших институтов общества, Г.А. Месяц, вице-президент РАН, отмечает: «Беда в том, что мы разучились готовить специалистов, а те, которые еще таковыми являются, близки к пенсионному возрасту, а то и старше». И добавляет: «Бюджетные ассигнования Российской академии наук серьезно уменьшены, отраслевые институты разрушены. А ведь для решения задач модернизации это все должно быть восстановлено» [16, с. 3]. Не лучше положение и в системе образования, в том числе высшего. С принятием нового закона «Об образовании в Российской Федерации», как считают независимые эксперты, положение в системе образования не только не улучшится, а ухудшится. Уже сейчас по подсчетам известных экспертов в закон необходимо принять не менее 30 поправок.

Понятно, что осуществить модернизацию экономики и всего общества невозможно без усиления реального внимания к науке, современным технологиям, качеству образования. Ошибочно было бы сводить проблемы этих секторов и элементов общества исключительно к недофинансированию, хотя это принципиально важно. Требуется кардинальное повышение престижа ученого, преподавателя, специалистов, склонных к инновационной деятельности. Однако их профессии относятся к разряду не престижных.

Возникает резонный вопрос: кто остановит деиндустриализацию страны, деградацию человеческого капитала, с помощью каких средств и методов?

Хорошо известно, что доля РФ на мировых рынках высокотехнологичной продукции согласно данным федерального правительства не превышает 0,2 % (при том, что многие отечественные разработки успешно осваиваются за рубежом, причем нередко при помощи российских ученых и инженеров).

Нынешняя структура народного хозяйства устарела, необходимы резкие изменения в пользу высокотехнологичных отраслей промышленности. Естественно, не соответствует современным требованиям и социальная структура общества, в том числе профессиональная.

И, наконец, еще одной, пятой, причиной недооценки социокультурного фактора, по нашему мнению, является сформировавшаяся в нашем обществе своеобразная государственная идеология. В.Н. Лексин называет ее идеологией «спекулятивно-финансового обеспечения». В подтверждение приводит гиперболически возрастающие доходы и расходы бюджетов России и ее столицы — Москвы. В 2000–2007 гг. доходы федерального бюджета возросли в 6,9, московского — в 5,6, а расходы соответственно в 5,8 и в 4,8 раза. Ежегодные денеж-

ные поступления и расходы в бюджете увеличились на 70–90 % (!). И это без каких-либо прорывных достижений в реальном секторе экономики страны и ее крупнейшего города [13, с. 15].

Сформировалась идеология быстрого обогащения, не связанная с производственной деятельностью. Она глубоко укоренилась не только среди чиновников, хозяйственных руководителей крупных компаний, но и среди значительной части населения, особенно среди молодежи. Отсюда и высокий уровень коррупции, и нежелание определенной части людей трудиться. Труд как важнейшая социальная ценность переместился на периферию общественной жизни. В обществе нет осознания того, что так жить дальше нельзя.

Известный политолог Л. Радзиховский в одном из своих устных выступлений справедливо подметил, что это самый опасный вызов российскому обществу. (Заметим, что речь идет не столько об экономике, сколько об общественном сознании, т.е. категории социальной.) Этот опасный вызов состоит в том, что сейчас у людей ощущение, что жизнь вполне нормальная. И эта мнимая «нормальность» расслабляет, успокаивает, не дает обществу ощущения необходимости что-то менять. Поэтому призывы высшего руководства в значительной степени повисают в воздухе. Да и сама власть (федеральная и региональная) нередко способствует формированию иллюзии, что у нас все хорошо, есть только некоторые недостатки, их можно устранить достаточно быстро. Такое мнение активно формируют многие средства массовой информации. Чтобы убедиться в объективности такого утверждения, достаточно почитать в «Российской газете» выступления, своеобразные отчеты руководителей субъектов РФ и мэров крупных городов. На основе этих выступлений складывается впечатление, что в регионах и крупных поселениях все прекрасно, есть только незначительные недостатки, но в стране в целом почему-то есть серьезные проблемы.

В то же время хорошо известно, что мировой финансовый кризис на первом этапе нанес нашей стране больший урон, чем многим другим странам. Россия уже потеряла около триллиона долларов капитала и значительную часть научно-производственного и кадрового потенциала. По данным Счетной палаты РФ только за три последних года страну покинуло 1 млн. 250 тыс. образованных профессионалов [9]. И причины этих потерь надо искать не столько вне страны, сколько внутри ее.

Причин такого положения много. Одной из главных, по нашему мнению, является незадействованный резерв перемен — это активность гражданского общества. Многое нужно изменить в человеческой психологии бизнесменов, чиновников, да и рядовых граждан.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что, пока общество и власть не осознают истинной роли не только экономики, политики, но и социокультуры, пока беспристрастно не будут вскрыты истинные причины неудач реформирования общества, осуществляемого на протяжении уже более двух десятилетий, не будет разработана научно обоснованная стратегия развития страны с привлечением крупных независимых специалистов и научного сопровождения, не будет задействован потенциал гражданского общества, прежде всего местного самоуправления и других демократических институтов, нам не выдержать конкуренции, которая по мере ослабления кризиса будет в мире стремительно нарастать. Без учета всего этого не удастся решить главную задачу, провозглашенную властью, — повысить качество жизни российских граждан.

Конкурентоспособность страны в современном мире — это не чисто экономическая категория; она включает в себя не только умение создавать, производить и продавать продукты или услуги, пользующиеся спросом как внутри страны, так и за рубежом, но и обеспечивать высокий уровень культуры, профессионализма, устойчивые темпы роста реальных доходов населения, проведение эффективной социальной политики. К сожалению, современное российское общество подошло к такому состоянию, что впервые за двадцать лет реформ глава государства в своем послании Федеральному собранию Российской Федерации (12 декабря 2012 г.) заявил, что «…в начале XXI века мы столкнулись с настоящей …**ценностной катастрофой**…» (выделено нами. — *А.А., К.А.*) [20, с. 2]. (Катастрофа — это внезапное бедствие, событие, влекущее за собой тяжелые последствия, а в греческом языке — означает конец, гибель.)

Такое заявление о глубинных проблемах развития России свидетельствует об остроте ситуации в стране, но в то же время вселяет некоторую уверенность в том, что власть, осознав всю пагубность этой катастрофы, не только на словах, но и на деле займется решением этой проблемы и усилит внимание не только социокультуре как важнейшему фактору развития нашего общества, но и другим его сторонам.

Список литературы

1. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем в современном мире / пер. с. англ. П.М. Кудюкина; под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.

2. *Валлерстайн И.* Иммануил Валлерстайн о современном кризисе // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 91–94.
3. *Вислов Ю.* Национальная промышленная политика: еше раз об абсолютной необходимости и ключевых параметрах развертывания // Российский экономический журнал. 2012. № 4. С. 6–14.
4. *Герций Ю.В.*, Малышев М.Л. Российский рынок труда в статистике кризиса // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 53–60.
5. *Горшков М.К.* Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 36–47.
6. *Григорьев С.И.* Постмодернизм и социология в условиях кризиса // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 136–142.
7. *Григорьев С.И.*, Егорычев А.М., Патрушев В.И., Субетто А.И. О социологической диагностике кризиса в России // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 122–126.
8. *Дергунова Н.В.*, Волков А.В., Светуньков М.Г. Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 140–141.
9. *Закатнова А.* Вернуть корабль // Российская газета. 2012. 3 окт. С. 5.
10. *Захаров М.* Мавзолей в 2017 году // Московский комсомолец. 2013. 9–16 янв. С. 3.
11. *Левашов В.К.* Мировой экономический кризис и устойчивое развитие // Социологические исследования. 2011 № 11. С. 3–13.
12. *Левашов В.К.* Новая реальность: экономический кризис и выбор общества // Социологические исследования. 2012 № 12. С. 12–22.
13. *Лексин В.Н.* Цивилизованный кризис и его российские последствия // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 12–22.
14. *Лукьянова Е.Л.*, Сабирова Г.А. «Кризис где-то и параллельно»: особенности изучения молодежи в условиях экономического спада // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 79–88.
15. *Мировой* кризис: экономика и социология глобальных процессов // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 3–10
16. *Модернизация*: пути и средства. Эксперты «РГ» о проблемах реализации задач, поставленных в Послании президента // Российская газета. 2009. 27 дек. С. 3–4.
17. *Морозов Г.* О «неэкономических» факторах эффективности экономики // Экономист. 2012. № 4. С. 88–91.
18. *Попов Г.Х.* О проблемах кризиса 2008 года. Актовая лекция, прочитанная в Международном университете в Москве 10 февраля 2009 г. М.: Вольное эконм. обш-во России, 2009.
19. *Послание* Президента РФ Д. Медведева Федеральному собранию РФ // Российская газета. 2009. 13 нояб. С. 1–2.
20. *Послание* Президента РФ В. Путина Федеральному собранию РФ // Российская газета. 2012. 13 дек. С. 1–2.
21. *Сорос Дж.* Алхимия финансов. М.: ИНФРА–М, 1999. 416 с.
22. *Яницкий О.Н.* Кризис и социология // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 3–13.

Получено: 01.05.2014.

References

1. Wallerstein I. *Analiz mirovyh system v sovremennom mire* [World-Systems Analysis: An Introduction]. Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001. 416 p. (In Russian).
2. Wallerstein I. [Immanuel Wallerstein on the current crisis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2009, no 6, pp. 91–94. (In Russian).
3. Vislov Yu. [National industry policy: once more about absolute necessity and key parameters of implementation]. *Rossijskij jekonomicheskij zhurnal* [Russian economic journal]. 2012, no 4. pp. 6–14. (In Russian).
4. Herziy Yu.V., Malyshev M.L. [Statistics of the Russian labor market crisis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2011, no 5, pp. 53–60. (In Russian).
5. Gorshkov M.K. [Russian daily routines in crisis conditions: as sociological dimension]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2009, no 12, pp. 36–47. (In Russian).
6. Grigoriev S.I. [Postmodernism and sociology in terms of crisis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2010, no 7, pp. 136–142. (In Russian).
7. Grigoriev S.I., Egorytshev A.M., Patrushev V.I., Subetto L.I. [A sociological diagnosis of the Russian crisis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2010, no 3, pp. 122–126. (In Russian).
8. Dergunova N.V., Volkov A.V., Svetun'kov M.G. [Socio-cultural dynamics of regions in terms of financial and economic crisis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2011, no 7, pp. 140–141. (In Russian).
9. Zakatnova A. [Return the ship]. *Rossijskaya gazeta* [Russian gazette]. 2012, 3 Oct., p. 5. (In Russian).
10. Zaharov M. [Mausoleum in the year 2017]. *Moskovskij komsomolets* [Moscow Komsomol member]. 2013, 9–16 Jan., p. 3. (In Russian).
11. Levashov V.K. [World economic crisis and sustainable development]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2011, no 11, pp. 3–13. (In Russian).
12. Levashov V.K. [New reality: economic reality and

society' choice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2012, no 12, pp. 12–22. (In Russian).
13. Leksin V.N. [Civilization crisis and its consequences in Russia]. *Obschestvennye nauki I sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 2009, no 6, pp. 12–22. (In Russian).
14. Lukyanova E.L., Sabirova G.A. [«Crisis somewhere and side-b-side»: peculiarities of study]ing youth in terms of economic decline]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2012, no 5, pp. 79–88. (In Russian).
15. [World crisis: economy and sociology of global processes]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2010, no 11, pp. 3–10. (In Russian).
16. [Modernization: ways and means. Experts of «Russian Gazette» about problems of State of the Nation Address targets fulfillment]. *Rossijskaya gazeta* [Russian gazette]. 2009, 27 Dec., p. 3–4. (In Russian).
17. Morozov G. [Concerning «non-economic» factors of economy efficiency]. *Jekonomist* [Economist]. 2012, no 4, pp. 88–91. (In Russian).
18. Popov G.H. *O problemah krizisa 2008 goda. Aktovaya lektsiya, prochitannaya v Mezhdunarodnom universitete v Moskve 10 fevralya 2009 goda* [Concerning problems of 2008 crisis. Commencement address in International University in Moscow on February 10, 2009]. Moscow, 2009. (In Russian).
19. [Russian Federation President D. Medvedev's State of the Nation Address]. *Rossijskaya gazeta* [Russian gazette]. 2009, 13 Nov., p. 1–2. (In Russian).
20. [Russian Federation President V. Putin's State of the Nation Address]. *Rossijskaya gazeta* [Russian gazette]. 2012, 13 Dec., p. 1–2. (In Russian).
21. Soros G. *Alhimiya finansov* [The Alchemy of Finance]. Moscow, INFRA-M Publ., 1999, 416 p. (In Russian).
22. Yanitski O.N. [Crisis and sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2009, no 5, pp. 3–13. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 01.05.2014.

SOCIO-CULTURAL FACTOR IN MODERNIZATION OF RUSSIAN ECONOMY AND SOCIETY

Anatoliy G. Antipiev

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Konstantin A. Antipiev

Perm National Research Polytechnic University; 29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia

The article is devoted to the role and place of sociocultural factor in modernization of economy and society. The authors note that the real modernization of economy, economy and the political system as a whole has not yet happened. The society continues to operate, relying on the old control schemes, and it is experiencing a serious crisis. It is noted that one should not only focus on the economy and politics, underestimating the sociocultural factor. Modernization should be based primarily on the efficient use and development of human capital, which largely determines the effectiveness of the reforms. Declining the quality of education, low social investment, in social sphere bureaucratic approach to the development of science, high level of corruption are not conducive to real modernization processes. Ideological throwing of political leadership attempt to revive some Soviet institutions together recognition of the important role of religion, collecting Russian world do with not allow to develop a clear vector development of society.

Key words: social culture; modernization of economy and society; Russian society calls.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Антипьев А.Г., Антипьев К.А. Социокультурный фактор в модернизации российской экономики и общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 126–132.

Please cite this article in English as:
Antipyev A.G., Antipyev K.A. Socio-cultural factor in modernization of russian economy and society // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 126–132.

УДК 316.334.2

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ЗАИНТЕРЕСОВАННЫМИ СТОРОНАМИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ, КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ КОМПАНИЙ*

Петухов Константин Алексеевич

кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: c.petoukhov@gmail.com

В статье анализируется стратегия присутствия крупных российских компаний в социальных сетях. Особое внимание уделяется методологическим проблемам измерения активности представителей компаний и пользователей в социальных сетях. Изучение содержания сообщений позволило установить основные темы и особенности взаимодействия компаний с заинтересованными сторонами в наиболее популярных социальных сетях: Вконтакте, Facebook и Twitter. В результате сделан ряд выводов о характере и специфике одной из форм реализации корпоративной социальной ответственности — общении представителей компаний с заинтересованными сторонами с использованием современных информационных технологий.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность; заинтересованные стороны; социальные сети; интернет-маркетинг.

Практики социально ответственного поведения компаний в России развиваются по нескольким направлениям. Во-первых, расширяется круг заинтересованных сторон, которым компании оказывают поддержку. На первых этапах внедрения идей корпоративной социальной ответственности (КСО) в российскую бизнес-практику основное внимание уделялось в первую очередь сотрудникам компаний и членам их семей. В настоящее время отечественные компании все чаще проявляют интерес к деятельности поставщиков, к потребностям местных сообществ, муниципальных органов власти, учреждений культуры, здравоохранения и образования. Во-вторых, сама деятельность в сфере КСО становится все более разнообразной. В зависимости от обстоятельств поддержка, которую может оказать компания своим заинтересованным сторонам, может осуществляется в форме благотворительности, проведения конкурсов социальных проектов, специальных рекламных сообщений, которые не столько рекламируют товары/услуги компании, сколько демонстрируют отношение компании к тем или иным социальным явлениям и проблемам, организации спортивных, культурных мероприятий, поддержке важных государственных программ и проектов, публикации нефинансовой отчетности, прохождения процедур добровольной стандартизации и внешнего аудита различных аспектов деятельности компаний. В-третьих, российские компании начали активно внедрять в свою деятельность принципы открытости и публичности при взаимодействии и урегулировании разногласий с заинтересованными сторонами. Эта особенность позволяет говорить о переходе практик социальной ответственности российского бизнеса на качественно иной уровень. Реализация публичного, равноправного и конструктивного диалога с заинтересованными сторонами может рассматриваться как стремление воплотить в жизнь принципы корпоративного гражданства. Эта концепция подразумевает не только реализацию социально ответственных решений, но и особую процедуру их выработки — достижение консенсуса с представителями заинтересованных сторон.

Одной из практик этого взаимодействия является использование возможностей социальных сетей, бурный рост которых стал одной из важнейших тенденций развития сети Интернет в последнее десятилетие. Внимание компаний к социальным сетям объясняется рядом факторов. К ним в первую очередь относится стремление донести рекламные и информационные сообщения до потребителей и партнеров максимально удобным и

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект №13-03-00170).

© Петухов К.А., 2014

быстрым способом. Сокращение издержек на продвижение своих товаров и услуг в социальных сетях играет также немаловажную роль. Аудитория социальных сетей отличается по своим социально-демографическим параметрам от читателей газет и журналов, радиослушателей и телезрителей. Эти отличия в ряде случаев являются важным аргументом при выборе социальных сетей как основной площадки распространения рекламных сообщений. Рекламные бюджеты компаний, выделяемые на Интернет, составили в 2013 г. по данным Ассоциации коммуникационных агентств России более 71 млрд. руб. [4]. По сравнению с 2012 г. рост составил 27 %, что существенно больше, чем по остальным способам распространения рекламы. Кроме того, в отличие от традиционных способов продвижения товаров и услуг в социальных сетях существуют более гибкие и эффективные способы распространения рекламы. В связи с тем что интернет-пользователи сознательно или невольно оставляют о себе большое количество сведений, у рекламодателей появляется возможность делать рекламные сообщения более персонализированными и востребованными со стороны потребителей. Перечисленные особенности аудитории социальных сетей привлекают внимание компаний и в контексте развития практик корпоративной социальной ответственности.

По мнению Н. Хайнца и К. Ху, количество корпоративных интернет-ресурсов в последние десять лет достигло уровня, необходимого для проведения количественных исследований [14]. Кроме того, структура сайтов и страниц компаний в социальных сетях стала более гомогенной, что позволяет применять к ним единые методики сбора и анализа эмпирических данных [16]. Анализ научных публикаций показал, что тема использования современных способов коммуникации в контексте развития практик корпоративной социальной ответственности исследуется преимущественно в странах Запада. Зарубежные публикации посвящены таким аспектам изучения взаимодействия компаний с заинтересованными сторонами, как влияние интернет-коммуникаций на степень прозрачности деятельности компаний [18], особенности реакции подписчиков социальной сети Twitter на сообщения компаний [17], влияние социальных сетей на репутацию корпораций [10], социальная ответственность в блогосфере [12], реализация практик КСО в социальных сетях [9]. В целом можно отметить, что западные исследователи заняты изучением практических аспектов реализации принципов социальной ответственности корпораций в социальных сетях и интернет-пространстве в целом. При этом особое внимание уделяется выявлению связи между степенью вовлеченности компаний в диалог с заинтересованными сторонами и независимыми оценками уровня развития корпоративной социальной ответственности этих компаний. В отличие от зарубежных коллег российские исследователи в большей мере заняты разработкой концептуальных моделей взаимодействия компаний с заинтересованными сторонами, оценкой процесса трансформации корпоративной социальной ответственности в практику корпоративного гражданства, а также определением перспектив развития концепции КСО на теоретическом уровне. Среди таких исследований наибольшее признание заслужили работы С.П. Перегудова и И.С. Семененко [5, 6], а также публикации, подготовленные исследователями ассоциации менеджеров России [1, 2]. Также необходимо отметить растущее внимание рекламных и консалтинговых агентств России к теме интенсификации взаимодействия компаний с заинтересованными сторонами в социальных сетях. Из этого можно сделать вывод о том, что спрос на услуги, связанные с продвижением брендов и повышением лояльности потребителей с помощью социальных сетей и других способов интернет-коммуникации со стороны российских компаний является довольно высоким.

С методологической точки зрения исследование процесса взаимодействия компаний с заинтересованными сторонами в социальных сетях сопряжено с рядом объективных трудностей. Во-первых, в научной среде и среди практиков нет единого подхода к разработке эмпирических индикаторов (или метрик), по которым можно было бы сравнить активность компаний и пользователей социальных сетей. Во-вторых, социальные сети, с одной стороны, стремятся ограничить доступ к своей внутренней информации из соображений безопасности личных данных пользователей и защиты от конкурентов, а с другой, вынуждены учитывать интересы рекламодателей и сторонних разработчиков, создавая интерфейсы прикладного программирования (API), которые помогают агрегировать данные о посетителях и делают возможным проведение исследований аудитории социальных сетей. В-третьих, многообразие существующих социальных сетей создает сложности в анализе, поскольку каждая из них имеет свои особенности работы с пользователями, свой API, свой набор доступных для анализа метрик и т.д. В-четвертых, следует отметить, что страницы (или аккаунты) компаний в социальных

сетях не имеют ярко выраженной направленности только на реализацию практик корпоративной социальной ответственности, а скорее, являются универсальным способом решения целого комплекса маркетинговых и социальных задач, популярным механизмом продвижения разнородной информации о компании среди заинтересованной публики. Это ставит перед исследователями вопрос о необходимости проведения предварительного отбора данных, связанных с корпоративной социальной ответственностью. Такой предварительный отбор неизбежно является субъективным и искажает представление о реальных шагах компаний в отношении заинтересованных сторон, которые они реализуют в социальных сетях. В этой связи более перспективной является процедура сплошного сбора информации и последующая ее классификация в соответствии с имеющимися теоретическими представлениями о взаимодействии компаний с заинтересованными сторонами.

Среди имеющихся теоретических подходов можно выделить следующие: концепцию социального конструирования Фредерика, модель конкурирующих контекстов Портера и Крамера, интерпретацию КСО как формы связей с общественностью Хейца, теорию вовлечения заинтересованных сторон Ни. В рамках каждого из перечисленных выше подходов, помимо обоснования причин реализации практик социальной ответственности, дается нормативное определение шагов, которые необходимо предпринимать компаниям в отношении заинтересованных сторон при взаимодействии с ними. Это задает основу для интерпретации информации, представленной в социальных сетях, а также помогает определить ту теоретическую концепцию, которая лучше соответствует реальной практике. Особого внимания заслуживает нормативная система анализа, представленная в работах Д. Ингенгофа [15], М. Капрона и Р. Грея [8]. Для ее построения исследователи использовали идеи, зафиксированные в документах, кодексах, декларациях различных международных организаций, определяющих принципы взаимодействия бизнеса, государства и общества. Наиболее важными из этих документов были Глобальный договор ООН [19], Зеленая книга Европейской комиссии [11], а также Глобальные инициативы по отчетности [13]. Суть данного подхода состоит в том, чтобы выделить в информации, размещенной на сайтах компаний, направления и практики социальной ответственности, которые являются наиболее важными с точки зрения экспертов международных организаций. Предложенный подход позволяет сформировать исчерпывающие представления не только о деятельности компаний в сфере социальной ответственности и корпоративного гражданства, но и о соответствии используемых компаниями практик международным стандартам и руководящим принципам, а также законодательным нормам.

Таким образом, основной целью данной работы являлось описание и классификация практик взаимодействия компаний с заинтересованными сторонами в социальных сетях. Реализация данной цели осуществлялась в рамках решения следующих задач: анализ существующих подходов и механизмов измерения активности компаний и представителей заинтересованных сторон в социальных сетях, описание социальных характеристик посетителей страниц компаний в социальных сетях, контент-анализ содержания страниц компаний в социальных сетях, определение соответствия информации, размещенной компаниями в социальных сетях нормативным положениям концепции Д. Ингенгофа. Объектом исследования стали 250 крупнейших российских компаний, рейтинг которых ежегодно составляет журнал «Эксперт» [7]. Анализ крупнейших российских компаний обусловлен тем, что деятельность в сфере корпоративной социальной ответственности стала неотъемлемой чертой крупного бизнеса, а средние и малые компании делают лишь первые шаги в этом направлении. В качестве предмета исследования были определены подходы компаний к взаимодействию с заинтересованными сторонами в социальных сетях Вконтакте, Facebook и Twitter. Перечисленные социальные сети являются лидерами в своих сегментах Сети. Вконтакте — наиболее популярная социальная сеть в России [3]. Facebook является мировым лидером, а Twitter повсеместно используется для оперативного информирования аудитории о текущих событиях. Для определения степени вовлеченности российских компаний во взаимодействие с заинтересованными сторонами в социальных сетях были выбраны следующие эмпирические индикаторы:

- количество пользователей, подписавшихся на страницу компании в социальной сети. В Facebook подписчиков принято называть участниками, а в Twitter они именуются фолловерами;
- коэффициент вовлеченности пользователей в обсуждение и распространение информации, размещенной на странице компании в социальной сети. Этот индикатор был впервые разработан в рамках Facebook, но с успехом может быть применен и к другим социальным се-

тям. Коэффициент вовлеченности рассчитывается о формуле $x = \frac{a+b+c}{y}$, где

a – количество отметок «нравится», которые пользователи социальной сети могут оставить после знакомства с публикациями (постами) за определенный период (в рамках данного исследования этот период составил один календарный месяц);

b – количество комментариев пользователей, посвященных публикациям, размещенным на странице за определенный период (в рамках данного исследования этот период составил один календарный месяц);

c – количество ссылок, сформированных пользователями для своих друзей, в социальной сети на публикации, которые были размещены на странице за определенный период (в рамках данного исследования этот период составил один календарный месяц);

y – количество пользователей, подписавшихся на страницу;

- коэффициент отзывчивости, который отражает, насколько активно сотрудники компании, ответственные за взаимодействие с пользователями социальных сетей, реагируют на их комментарии;
- средний возраст подписчиков (медиана возраста);
- доли мужчин и женщин среди подписчиков;
- доля иностранной аудитории среди подписчиков.

Контент-анализ информации, размещенной на страницах компаний в социальных сетях, проводился с использованием программного продукта морфологического анализа слов русского языка Яндекс-стеммер, который восстанавливает леммы. Затем из получившегося набора лемм были удалены стоп-слова (служебные части речи, географические названия, названия компаний, фамилии и имена и т.д.). В результате был сформирован список слов, частотный анализ которого, позволил установить перечень наиболее обсуждаемых в социальных сетях направлений социальной ответственности компаний.

Анализ собранной информации показал, что в среднем лишь каждая четвертая (28,6 %) крупная российская компания вовлечена в диалог с заинтересованными сторонами в социальных сетях. При этом наиболее популярной социальной сетью оказался Facebook (34,9 %), значительно реже компании размещают свои страницы в Вконтакте (20,9 %). Это различие можно объяснить тем, что присутствие в этих социальных сетях преследует разные задачи, стоящие перед компаниями. Вконтакте рассматривается прежде всего как способ взаимодействия с массовым российским потребителем, а присутствие в Facebook в большей мере обеспечивает поддержку репутации компании в глазах всемирной аудитории. Направление деятельности компаний оказывает решающее воздействие на степень их участия в социальных сетях. Наибольшее внимание к ним демонстрируют компании сектора b2c (предоставляющие товары и услуги для конечного частного потребителя). К ним, в первую очередь, относятся банки, страховые компании, предприятия, оказывающие услуги связи, средства массовой информации, а также розничные сети. Компании сектора b2b (оказание услуг и производство товаров для бизнеса и промышленности) значительно реже используют социальные сети для коммуникации с заинтересованными сторонами. Более подробно информация о присутствии компаний в социальных сетях по отраслям отражена в таблице.

В ходе исследования была обнаружена крайне слабая прямая линейная зависимость между объемом выручки компаний и их присутствием в социальных сетях (коэффициент корреляции Спирмена составляет для Facebook 0,138, а для Twitter 0,115). Данная закономерность не проявляется в социальной сети Вконтакте.

По количеству подписчиков страницы компаний в социальных сетях значительно отличаются друг от друга. Среднее количество подписчиков на страницы компаний в Вконтакте составляет 107 551 чел. При этом у половины компаний, присутствующих в данной социальной сети, количество подписчиков составляет меньше 20 696 чел. Распределение признака является экспоненциальным. Среднее количество подписчиков на страницы компаний в социальной сети Facebook больше, чем в Вконтакте почти в 3 раза и составляет 274 797 чел., однако медиана признака меньше примерно в четыре раза — 4 450 чел. Этот факт указывает на больший разброс числа подписчиков Facebook у крупнейших российских компаний. По поводу количества подписчиков страниц компаний в социальной сети Twitter можно отметить, что характеристики центральной тенденции этого показателя свидетельствуют о меньшем его разнообразии (среднее арифметическое числа подписчиков составило 10 102 чел., а медиана — 4 853 чел.). Такое положение объясняется спецификой использования данной социальной сети — стремлением к

быстрому информированию подписчиков о важных и интересных событиях в деятельности компаний. Отраслевые различия в распределении количества подписчиков страниц компаний в социальных сетях, вероятно, объясняются популярностью у потребителей тех или иных товаров и услуг. Машиностроительные компании, среди которых значительно количество автопроизводителей, оказались в числе лидеров по привлечению аудитории социальных сетей на свои страницы (медиана числа подписчиков составляет 32 195 чел.). За ними с небольшим отрывом следуют предприятия торговли и телекоммуникаций, которые привлекают людей большим ассортиментом товаров и услуг, а также гибкой ценовой политикой (цены, специальные предложения, скидки и прочее обновляются на страницах довольно часто). Число подписчиков страниц добывающих компаний, предприятий химической промышленности и строительства, напротив, невелико (медиана составляет менее 1000 чел.).

Таблица. Уровень присутствия крупнейших российских компаний в социальных сетях по отраслевой принадлежности (в % от числа компаний в каждой из отраслей)

Отрасль	Вконтакте	Facebook	Twitter	В среднем по трем социальным сетям
Банковская, страховая, инвестиционная деятельность	46,2	57,7	57,7	53,8
Телекоммуникации, СМИ	33,3	66,7	66,7	55,6
Розничная торговля	42,9	53,6	35,7	44,0
Пищевая промышленность, фармация	16,7	38,9	38,9	31,5
Энергетика, ЖКХ	22,2	38,9	27,8	29,6
Химическая промышленность	7,1	35,7	35,7	26,2
Транспорт	23,5	35,3	17,6	25,5
Металлургия	11,8	35,3	29,4	25,5
Строительство, инжиниринг	21,1	26,3	26,3	24,6
Машиностроение	14,3	25,0	21,4	20,2
Добыча полезных ископаемых	4,3	21,7	17,4	14,5
Оптовая торговля	7,7	11,5	15,4	11,5
Сельское и лесное хозяйство, полиграфия	0,0	0,0	0,0	0,0
В целом по исследованию (N = 249)	20,9	34,9	30,1	28,6

Расчет коэффициента вовлеченности подписчиков показал, что наибольшее внимание к деятельности крупнейших российских компаний проявляют пользователи социальной сети Facebook (0,459) и в Вконтакте (0,35). Пользователи Twitter значительно реже реагируют на сообщения компаний (0,174). Компаниям металлургии и строительной сферы лучше всего удается вовлечь подписчиков своих страниц в обсуждения (отправку комментариев) и распространение (пересылку другим пользователям) публикуемой информации (коэффициент вовлеченности по социальной сети Вконтакте составил 1,475 для металлургических и 1,097 для строительных компаний). Значения показателя, превышающие единицу, указывают на то, что количество комментариев, ссылок и отметок «понравилось» превышает общее число подписчиков на страницу. Такие показатели вовлеченности, вероятно, свидетельствуют о том, что многими подписчиками являются сотрудники компаний, активно использующих площадку социальной сети для неформального общения и обсуждения текущих событий на своем предприятии. Это указывает на то, что социальные сети становятся эффективным и востребованным механизмом коммуникации не только со стороны самих компаний, но и со стороны одной из важнейших групп стейкхолдеров — сотрудников компаний. Транспортным компаниям также удается обеспечить вовлечение пользователей социальных сетей в обсуждение и распространение информации (для Вконтакте коэффициент вовлеченности составил 0,441, для Facebook — 0,495, в Titter — 0,485). В данном случае основную долю подписчиков составляют потребители услуг, которые реагируют на выгодные ценовые предложения, акции и розыгрыши. Особое внимание следует обратить и на сравнительно высокий уровень вовлеченности пользователей Twitter в обсуждение информации, публикуемой компаниями, занятыми добычей полезных ископаемых (0,615). Эти данные свидетельствуют о значи-

тельном внимании общественности к сообщениям официального пресс-секретаря концерна Газпром, который предпочитает публиковать их именно в Twitter. Компании других секторов в значительно меньшей степени смогли обеспечить вовлечение подписчиков социальных сетей в обсуждение и распространение информации.

По уровню отзывчивости на комментарии и вопросы пользователей социальных сетей в лидерах оказались компании сектора b2c. Банки, страховые компании, розничные сети, телекоммуникационные корпорации стремятся продемонстрировать свое внимание к потребителям, готовность помочь в решении возникающих вопросов. Особенно велико их внимание к запросам в социальной сети Facebook, что отчасти подтверждает ранее высказанное предположение о том, что эта сеть в большей мере рассматривается компаниями как важнейший репутационный ресурс, «лицо» компании в мире современных способов коммуникации.

Согласно данным исследования 78,2 % аудитории страниц крупнейших российских компаний в социальных сетях составляют русскоговорящие пользователи. Дифференциация этого показателя по социальными сетям является незначительной (русскоговорящих подписчиков больше всего на страницах компаний в Facebook — 81,6 %, на втором месте Вконтакте — 78 %, меньше всего их в Twitter — 75,1 %). Наибольшее число русскоязычных пользователей социальных сетей привлекают банки, страховые компании, телекоммуникационные компании, строительные и машиностроительные предприятия (более 80 %). Транспортные предприятия (авиаперевозчики и российские железные дороги) взаимодействуют с более разнообразной аудиторией (доля русскоязычных пользователей составляет менее 70 %. Хотя гендерных различий в целом по исследованию установлено не было, деятельность компаний оказывает существенное влияние на половую принадлежность аудитории страниц компаний в социальных сетях. Доля мужчин среди подписчиков предприятия по добыче полезных ископаемых оказалась самой высокой — 71,3 %. Мужчины также преимущественно посещают страницы компаний машиностроения, электроэнергетики, металлургии, химической промышленности и строительства. В то же время значительно меньше мужчин среди подписчиков страниц компаний в социальных сетях предприятий розничной и оптовой торговли (40,6 % и 35,1 %) соответственно. Возрастные различия среди пользователей социальных сетей менее выражены. Средний возраст подписчиков страниц компаний в социальных сетях составляет 27,4 лет. Таким образом, аудиторию социальных сетей по большей части составляет молодежь. Самыми молодыми являются подписчики страниц компаний пищевой промышленности и общественного питания.

Контент-анализ текстов о социальной ответственности, размещенных на официальных страницах российских компаний в социальных сетях, позволил определить основные социальные сферы, помощь которым находится в центре внимания корпораций. Наибольшее внимание крупнейшие российские компании уделяют поддержке системы образования и развитию спорта. Пожертвования религиозным организациям не являются для компаний приоритетным направлением деятельности в сфере социальной ответственности.

Анализ отраслевой структуры компаний показал, что наибольшее внимание сфере образования уделяют компании, занятые добычей полезных ископаемых, предприятия транспорта и финансовые организации. Энергетические компании и предприятия розничной торговли в меньшей степени вовлечены в процесс поддержки образовательных учреждений. Спорт в первую очередь поддерживают добывающие компании и средства массовой информации. Строительные компании и предприятия сельского и лесного хозяйства не уделяют поддержке спорта значительного внимания в своей деятельности. Предприятия оптовой торговли и финансовые учреждения отдают приоритет поддержке системы здравоохранения. В то же время строительные компании, СМИ и предприятия сельского и лесного хозяйства реализуют практики КСО в данной социальной сфере значительно реже. Поддержка культуры и искусства является приоритетным направлением деятельности финансовых учреждений. Транспортные компании стремятся оказывать помощь научным учреждениям, а строительные корпорации делают пожертвования религиозным организациям.

Чаще других о практиках взаимодействия с заинтересованными сторонами заявляют компании финансового сектора, в то время как предприятия сельского хозяйства и лесной промышленности делают это существенно реже. Изменение организационной структуры предприятий для реализации практик социальной ответственности характерны в первую очередь для средств массовой информации, компаний связи и телекоммуникаций. Активнее отчитываются о своей деятель-

ности в сфере КСО и КГ с заинтересованными сторонами и медиакорпорации.

При описании своей деятельности в области социальной политики крупнейшие российские компании сосредотачивают внимание на предоставлении собственным работникам возможностей по повышению квалификации, личностного развития. Значительное место уделено работе с молодежью, выделению этой категории персонала в отдельную, наиболее перспективную для предприятия группу. Наиболее активно компании реализуют практики повышения квалификации и обучения своих сотрудников. Чуть реже корпорации занимаются оздоровлением и развитием физической культуры. Программы помощи ветеранам компаний не являются приоритетным направлением деятельности в сфере социальной политики. Компенсационные выплаты (оплата питания, транспорта до места работы, услуг связи) характерны, в первую очередь, для транспортных и добывающих компаний. Системы дополнительного пенсионного обеспечения и добровольного медицинского страхования имеют, как правило, предприятия энергетики и добычи полезных ископаемых. Компании сельского и лесного хозяйства ориентированы на развитие физической культуры среди сотрудников. Забота о здоровье сотрудников находится в центре внимания добывающих и транспортных компаний. Компании сферы услуг реализуют программы, направленные на молодежь. Обеспечение жильем является приоритетным направлением деятельности строительных компаний. Социальная политика слабее всего реализована у финансовых учреждений, компаний оптовой и розничной торговли, а также у производителей продуктов питания и напитков.

В ходе анализа было установлено, что наиболее распространенной экологической практикой российских компаний является контроль и мониторинг уровня загрязнений окружающей среды. В сущности, данный вид деятельности является необходимым условием для формирования полноценной экологической политики.

Ресурсосбережение является второй по распространенности экологической практикой российских компаний. При этом обнаружен сравнительно низкий уровень внимания компаний к деятельности по восстановлению природных систем: этим занимаются лишь 45 % компаний, информирующих стейкхолдеров о практиках защиты окружающей среды. Технологии сбережения ресурсов в большей мере освещаются на сайтах предприятий сельского и лесного хозяйства, оптовой торговли, транспорта и энергетики. Устранением вредного воздействия на окружающую среду в большей степени озабочены добывающие и транспортные компании. Наименьшее внимание вопросам экологии уделяют компании связи, телекоммуникаций, СМИ и финансовые учреждения. Это объясняется тем, что производственная деятельность таких компаний лишь косвенно влияет на состояние окружающей среды. Тем не менее, западные компании финансового сектора вовлечены в процесс развития «зеленой» экономики через ответственное инвестирование. Как указывают эксперты международных организаций, лишь скоординированные усилия международного сообщества и бизнеса могут «переломить» существующие негативные тенденции в развитии глобального потепления. По результатам исследования установлено, что практики экологической деятельности российских компаний пока не соответствуют международным рекомендациям.

В заключение следует обратить внимание на значительные различия в степени использования крупнейшими российскими компаниями современных информационных и коммуникационных технологий для взаимодействия с заинтересованными сторонами. Это свидетельствует о том, что достоинства и преимущества социальных сетей пока не были оценены бизнес-сообществом. Возможность реализации прямого, публичного и равноправного диалога с потребителями, сотрудниками, представителями общественных организаций воспринимается в большей мере как угроза. В связи с этим большинство российских компаний реализуют свои благотворительные, социальные и экологические программы либо вовсе не ориентируясь на мнения и предложения заинтересованных сторон, либо взаимодействуя с ними более традиционными и менее прозрачными способами. Таким образом, можно сделать вывод о том, что процессы развития корпоративной социальной ответственности в России пока не обеспечили осознания бизнес-сообществом обязательств, которые постулируются в рамках концепции корпоративного гражданства.

Список литературы

1. *Доклад* о социальных инвестициях в России — 2008 / под общ. ред. Ю.Е. Благова, С.Е. Литовченко, Е.А. Ивановой. М.: Ассоциация менеджеров, 2008. 94 с.
2. *Использование* инструментов КСО для построения успешного бизнеса: сб. бизнес-кейсов. Ассоциация менеджеров. URL: www.amr.ru/index.php?option=com_k2&view=ite

m& task=download&id=1496&Itemid=319 (дата обращения: 08.04.2014).
3. *Исследование* аудитории Интернета компании TNS-group. URL: http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf%5BYEAR%5D=2014&set_filter=%D0%9F%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%82%D1%8C&set_filter=Y (дата обращения: 08.04.2014).
4. *Объем* рынка маркетинговых коммуникаций России в 2013 г. URL: http://www.akarussia.ru/press_centre/ news/id4045 (дата обращения: 08.04.2014).
5. *Перегудов С.П.*, Семененко И.С. Корпоративное гражданство как новая форма отношений бизнеса, общества и власти. М.: ИМЭМО РАН, 2006. 194 с.
6. *Перегудов С.П.*, Семененко И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. М.: Прогресс–Традиция, 2008. 448 с.
7. *Рейтинг* крупнейших российских компаний. URL: http://www.raexpert.ru/ratings/expert400/2013/part02/p05/ (дата обращения: 08.04.2014).
8. *Capron M.*, Gray R. Accounting in Europe: Experimenting with assessing corporate social responsibility in France: an exploratory note on an initiative by social economy firm // The European Accounting Review. 2000. № 9(1). P. 99–109.
9. *Chen S.* Corporate responsibilities in Internet-enabled social networks // Journal of Business Ethics. 2009. Vol. 90. P. 523–536.
10. *Eberle D.*, Berens G., Li T. The impact of interactive corporate social responsibility communication on corporate reputation // Journal of Business Ethics. 2013. Vol. 118, № 4. P. 731–746.
11. *European* Commission. Green Paper: Promoting a European Framework for Corporate Social Responsibility. URL: http://europa.eu.int/comm/index es.htm (date of reference: 08.04.2014).
12. *Fieseler C.*, Fleck M., Meckel M. Corporate social responsibility in the blogosphere // Journal of Business Ethics. 2010. Vol. 91. P. 599–614.
13. *Global* Reporting Initiative. Sustainability Reporting Guidelines. URL: http://www.globalreporting.org/guidelines/2002/gri2002guidelines.pdf (date of reference: 08.04.2014).
14. *Heinze N.*, Hu Q. The evolution of corporate web presence: A longitudinal study of large American companies // International Journal of Information Management. 2006. № 26. P. 313–325.
15. *Ingenhoff D.* Assessing corporate citizenship communication among 30 German Stock Index companies // Schmidig M. Proceeding of the 56th Annual Conference of the International Communication Association (June 19th–23rd, Dresden, Germany). 2006.
16. *Jones S.L.* Evolution of corporages // Journal of Business Communication. 2007. № 44. P. 236–257.
17. *Lee K.*, Oh Won-Yong, Kim N. Social media for socially responsible firms: analysis of fortune 500's twitter profiles and their CSR/CSIR ratings // Journal of Business Ethics. 2013. Vol. 118, № 4. P. 791–806.
18. *Lyon T.P.*, Montgomery A.W. Tweetjacked: the impact of social media on corporate greenwash // Journal of Business Ethics. 2013. Vol. 118, № 4. P. 747–757.
19. *United* Nations. Global Compact. URL: http://www.unglobalcompact.org (date of reference: 08.04.2014).

Получено: 01.05.2014.

References

1. [Report on social investment in Russia – 2008]. Moscow, Managers Association Publ., 2008, 94 p. (In Russian).
2. [Corporal social responsibility instruments usage for successful business building: collection of business cases]. Managers association. Available at: www.amr.ru/index.php?option=com_k2&view=item& task=download&id=1496&Itemid=319 (accessed: 08.04.2014). (In Russian).
3. [Internet audience analysis of TNS-group company]. Available at: http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf%5BYEAR%5D=2014&set_filter=%D0%9F%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%82%D1%8C&set_filter=Y (accessed: 08.04.2014). (In Russian).
4. [Market size of Russia's marketing communication in 2013]. Available at: http://www.akarussia.ru/press_centre/news/id4045 (accessed: 08.04.2014). (In Russian).
5. Peregudov S.P., Semenenko I.S. *Korporativnoye grazhdanstvo kak novaya forma otnoshenij biznesa, obschestva i vlasti* [Corporate citizenship as a new mode of business, society and regime relations]. Moscow, Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Science Publ., 2006, 194 p. (In Russian).
6. Peregudov S.P., Semenenko I.S. *Korporativnoye grazhdanstvo: kontseptsii, mirovaya praktika i rossijskie realii* [Corporate citizenship: conceptions, world's practice, Russian realia]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2008, 448 p. (In Russian).
7. Top list of major Russian companies. Available at: http://www.raexpert.ru/ratings/expert400/

2013/part02/p05/ (accessed: 08.04.2014). (In Russian).
8. Capron M., Gray R. Accounting in Europe: Experimenting with assessing corporate social responsibility in France: an exploratory note on an initiative by social economy firm // The European Accounting Review. 2000. № 9(1). P. 99–109.
9. Chen S. Corporate responsibilities in Internet-enabled social networks // Journal of Business Ethics. 2009. Vol. 90. P. 523–536.
10. Eberle D., Berens G., Li T. The impact of interactive corporate social responsibility communication on corporate reputation // Journal of Business Ethics. 2013. Vol. 118, № 4. P. 731–746.
11. [European Commission. Green Paper: Promoting a European Framework for Corporate Social Responsibility]. Available at: http://europa.eu.int/comm/index es.htm (accessed: 08.04.2014).
12. Fieseler C., Fleck M., Meckel M. Corporate social responsibility in the blogosphere // Journal of Business Ethics. 2010. Vol. 91. P. 599–614.
13. [Global Reporting Initiative. Sustainability Reporting Guidelines]. Available at: http://www.globalreporting.org/guidelines/2002/gri2002guidelines.pdf (accessed: 08.04.2014).
14. Heinze N., Hu Q. The evolution of corporate web presence: A longitudinal study of large American companies // International Journal of Information Management. 2006. № 26. P. 313–325.
15. Ingenhoff D. Assessing corporate citizenship communication among 30 German Stock Index companies // Schmidig M. Proceeding of the 56th Annual Conference of the International Communication Association (June 19th–23rd, Dresden, Germany). 2006.
16. Jones S.L. Evolution of corporages // Journal of Business Communication. 2007. № 44. P. 236–257.
17. Lee K., Oh Won-Yong, Kim N. Social media for socially responsible firms: analysis of fortune 500's twitter profiles and their CSR/CSIR ratings // Journal of Business Ethics. 2013. Vol. 118, № 4. P. 791–806.
18. Lyon T.P., Montgomery A.W. Tweetjacked: the impact of social media on corporate greenwash // Journal of Business Ethics. 2013. Vol. 118, № 4. P. 747–757.
19. [United Nations. Global Compact]. Available at: http://www.unglobalcompact.org (accessed: 08.04.2014).

The date of the manuscript receipt: 01.05.2014.

STAKEHOLDER ENGAGEMENT IN SOCIAL NETWORKS AS A FORM OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY

Konstantin A. Petoukhov

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

In paper it is analyzed the presence of large Russian companies in social networks. Special attention is paid to methodological problems of measurement the activity in social networks. Study of content allowed us to clarify the main themes and features of companies-to-stakeholders` relationship in Vk, Facebook and Twitter. In addition, we draw some conclusions about character of one of actively used forms of corporate social responsibility: communication of companies` staff with stakeholders.

Key words: corporate social responsibility; stakeholders; social networks; Internet-marketing.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Петухов К.А. Взаимодействие с заинтересованными сторонами в социальных сетях, как форма социально ответственного поведения компаний // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 133–141.

Please cite this article in English as:
Petoukhov K.A. Stakeholder engagement in social networks as a form of corporate social responsibility // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 133–141.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала **«Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898)** приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в международную базу данных **Ulrich's Periodicals Directory,** в базу данных **«Университетская библиотека on-line»,** интегрированную с международной базой **EBSCO Discovery Service,** а также в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ**).

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается большими буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «…», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «…“…”…».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3; 5; 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81] или [1, с. 81–82]. Каждая публикация приводится в списке только один раз — при повторной ссылке на тот же источник в тексте указывается присвоенный ранее номер. Недопустимо объединять несколько источников под одним номером. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи. При оформлении источника списка литературы обязательно указывается: для ***книг*** — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; ***для журнальных статей***, ***сборников трудов*** — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для ***материалов конференций*** — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не допускаются и другие постраничные сноски — за исключением указания на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименования **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК.**
- **аннотацией** 500–600 знаков с пробелами.
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках.
- **информацией об авторе** (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты.
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на **электронный адрес** fsf-vestnik@yandex.ru. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

Автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями.

В случае предоставления скан-копии справки об обучении в аспирантуре, заверенной руководителем учреждения, **плата с аспирантов (единственный автор) за публикацию рукописей не взимается.**

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2014 году:

Сроки представления рукописей статей	**Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника**
в № 1(17) — до 01 февраля	31 марта
в № 2(18) — до 01 мая	30 июня
в № 3(19) — до 01 августа	30 сентября
в № 4(20) — до 01 октября	26 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: **http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html**

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of ***The Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology*** **(ISSN 2078-7898)** invites authors of original research to publish their findings in the journal. *The Perm University Bulletin* is included in **the Ulrich's Periodicals Directory, the University Library On-line** database integrated in the **EBSCO Discovery Service,** and **the Russian Science Citation Index.**

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in capital letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italics*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that the distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—) are observed. Centuries are written with Roman figures (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «…»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «…"…"…»).

Headings of the main sections of your contribution should be done in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions are to be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures.

Formulas should be done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and earlier.

References should be presented as follows. Number of the source is indicated in square brackets: [1] for one source, [3; 5; 7–10] for several sources. If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned (e.g. [1, p. 81] or [1, p. 81–82]). Each source is to be mentioned in the list of references only once. Repeated references in the text should be indicated by the same number in the list of references. Please do not unite several sources in the list of references under one number. The list of references should only contain the sources cited in the text. All the sources cited in the text should be included in the list of references.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship** or **foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 500–600 characters with spaces;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name, place of work and position, academic degree, academic title, mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for doctorate students).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board are not returned to the authors. The editors may edit the text of the contribution and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent to the e-mail address of the *Bulletin*: fsf-vestnik@yandex.ru.

The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

The author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her contribution the author confirms that the paper has not been previously published nor is it before another journal for consideration and will not be sent to other journals for publication. Sending the manuscript the author confirms that he or she has been informed of the requirements for publication and agrees to act in accordance with them.

There is no fee for the publication of manuscript for doctorate students.

Submission deadlines in 2014

Submission deadlines	**Planned date of publication**
No 1(17) February 1	March 31
No 2(18) May 1	June 30
No 3(19) August 1	September 30
No 4(20) October 1	December 26

Electronic versions of the previously published issues of *The Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: **http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html**

Contacts

Phone: +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2014
Выпуск 2 (18)

Редакторы *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 30.06.2014. Формат 60Х84/8. Усл. печ. л. 16,62.
Тираж 500 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
ООО «Аксиома»
614068, г. Пермь, ул. Сергея Данщина, 4, офис 12